

Выпуск № 3, 2025

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2025. Вып. 3

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. Тюленева, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, д-р ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл.,
г. Иваново, ул. Тимирязева, 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2025. Issue 3

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL BOARD:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

EDITORIAL COUNCIL:

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyannyy, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region,
Ivanovo, Timiryazew str., 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Болнова Е.В.** Литературные и мифологические источники поэтических текстов
сборника В. Сосноры «Пьяный ангел» 5
- Кадеева Р.А.** Хронотоп города в творчестве Э. Лимонова
(на материале романов «Подросток Савенко, или автопортрет бандита
в отрочестве» и «Это я — Эдичка») 16
- Тюленева Е.М.** Лабиринт Лихтенфельда (к 25-летию «Путешествия из Петербурга
в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда») 24
- Кошева А.А.** Семантика безмолвия в орфических пьесах Т. Уильямса 37
- Бойчук Е.И.** Ivoironie — ценностная концепция ивуарийской поэтики 47

Языкознание

- Жердева О.Н., Абубакарова Е.В.** Проблема адекватности художественного перевода:
лингвокультурологический аспект (стихотворение Генриха Гейне “Wir sassen
am Fischerhause” в переводах А.А. Фета и Л.А. Мея) 56
- Фархутдинова Ф.Ф., Буэссо Малонга Б.** Коммуникативное поведение героев
в жанре рассказа (И.А. Бунин «Руся») 64
- Бабаян В.Н.** О лингвистических средствах выражения экспрессивности
высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса
(на материале романа «Урожай смертей» Каролин Уокер) 75
- Суворова Н.В.** Именования христианского праздника *Успение Пресвятой Богородицы*
в русском и польском языках (лингвокультурологический аспект) 85
- Григорян А.А.** Язык, стереотипы и гендерные исследования:
о некоторых тенденциях 93

История

- Смирнова О.А.** Эволюция отношений Франции и Буркина-Фасо в 2020—2024 гг. 98
- Минакова И.В., Расторгуев А.А.** Пекинский консенсус как эффективная
альтернатива Вашингтонскому консенсусу 106
- Старикова Н.В., Шляхов М.Ю.** Эпоха Петра I в теоретических построениях
государственной школы в период ее формирования
(на материале работ К.Д. Кавелина) 114
- Исакова Л.В.** Революционные скитания Ф.В. Тарановского как пример судьбы
представителя русской интеллигенции в 1917—1920 гг.
(к 150-летию со дня рождения ученого) 124
- Тряхов И.С.** Индивидуальное огородничество в годы Великой Отечественной войны
(на примере Владимирской и Ивановской областей) 135
- Кищенко М.С.** Участие ультраправых политических партий и движений
в парламентских выборах 1999 г. в Российской Федерации:
ход избирательной кампании и результаты 144

Философия

- Финогентов В.Н.** К онтологии памяти 154
- Шульга Е.Н.** Философия понимания: ранние формы интерпретации 165
- Артемьева А.А., Смирнов Г.С.** Философия космопланетарной экономики:
экономическая репрезентация 174
- Шорин Р.В.** Неакадемическая философия: личностно-персоналистическая
репрезентация (XX век). Часть 2 181
- Меликян М.А., Смирнов Д.Г.** Эра роботов или эра человека?
(опыт онто-гносеологической рефлексии) 191
- In memoriam* 198

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Bolnova E.V.** Literary and mythological sources of the poetic texts
of V. Sosnora's collection "The Drunken Angel" 5
- Kadeyeva R.A.** Chronotope of the city in the works of E. Limonov
(based on the novels "Teenager Savenko, or Self-portrait of a bandit in adolescence"
and "It's me, Eddie") 16
- Tyuleneva E.M.** The labyrinth of Lichtenfeld (on the 25th anniversary of "Journey
from St. Petersburg to Moscow in Boris Lichtenfeld's interpretation") 24
- Kosheva A.A.** The semantics of silence in the orphic plays of T. Williams 37
- Boychuk E.I.** Ivoironie — a value concept of Ivorian poetics 47

Linguistics

- Zherdeva O.N., Abubakarova E.V.** The problem of adequacy of artistic translation:
linguocultural aspect (translations of Heinrich Heine's poem "Wir sassen
am Fischerhaus" by A.A. Fet and L.A. Mey) 56
- Farkhutdinova F.F., Bouesso Malonga B.** Communicative behavior of characters
in the genre of short stories (I.A. Bunin "Rusya") 64
- Babayan V.N.** On the linguistic expressive means of utterances of the English dialogical
fictional discourse (based on the novel "Deadly Harvest" by Carolyn Walker) 75
- Suvorova N.V.** Names of the Christian holiday of the *Assumption*
of the *Pre-Holy Virgin* in Russian and Polish (linguistic and cultural aspect) 85
- Grigoryan A.A.** Language, stereotypes and gender studies: on some tendencies 93

History

- Smirnova O.A.** Evolution of France—Burkina-Faso relations in 2020—2024 98
- Minakova I.V., Rastorguev A.A.** The Beijing Consensus as an effective alternative
to the Washington Consensus 106
- Starikova N.V., Shlyakhov M.Yu.** The Era of Peter the Great in the theoretical constructions
of the state school during its formation (based on the works of K.D. Kavelin) 114
- Isakova L.V.** The revolutionary wanderings of F.V. Taranovsky as an example
of the fate of a representative of the Russian intelligentsia in 1917—1920
(to mark the 150th anniversary of the scientist's birth) 124
- Tryakhov I.S.** Individual gardening during the Great Patriotic War
(using the example of the Vladimir and Ivanovo regions) 135
- Kishchenkov M.S.** Participation of ultra-right political parties and movements
in the 1999 parliamentary elections in the Russian Federation:
the course of the election campaign and results 144

Philosophy

- Finogentov V.N.** To the ontology of memory 154
- Shulga E.N.** Philosophy of understanding: early forms of interpretation 165
- Artemyeva A.A., Smirnov G.S.** The philosophy of the cosmoplanetary economy:
ecological representation 174
- Shorin R.V.** Non-academic philosophy: Personalistic representation (XX century). Part 2 181
- Melikyan M.A., Smirnov D.G.** Era of robots or era of human?
(case of onto-gnoseological reflection) 191
- In memoriam* 198

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 5—15.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 5—15.

Научная статья

УДК 821.161.1:82.09:398

EDN <https://elibrary.ru/zjzxxkb>

DOI: 10.46726/И.2025.3.1

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ СБОРНИКА В. СОСНОРЫ «ПЬЯНЫЙ АНГЕЛ»

Екатерина Владимировна Болнова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, eka332@yandex.ru

Аннотация. В статье впервые целостно и системно анализируется поэтический сборник В. Сосноры «Пьяный ангел». Аллюзии и реминисценции рассматриваются в контексте их роли в реализации художественной задачи, решаемой автором. Выявляются античные, библейские, литературные источники поэтических мотивов и образов, анализируются прямые отсылки к предшествующему культурному наследию. В качестве материала привлекаются архивные фрагменты неизданных дневников В. Сосноры. Делается вывод о том, что в сборнике «Пьяный ангел» центральными являются мотив разочарования в силе искусства и его значимости, связанный с сюжетом о снизошедшем ангеле с лирой, и мотив непонимания, с которым сталкивается любой настоящий творец. В рамках сборника указанные мотивы вступают в сложное взаимодействие, накладываясь один на другой. Проведенный анализ коррелирует с мнением о необходимости целостного исследования поэтического творчества В. Сосноры, при котором за художественную единицу принимается сборник, а отдельные стихотворения рассматриваются в качестве его составляющих. Данный подход соответствует мнению самого В. Сосноры, который высказывался за подобный подход к восприятию собственных поэтических текстов.

Ключевые слова: В.А. Соснора, сборник «Пьяный ангел», циклизация, реминисценции, аллюзии

Для цитирования: Болнова Е.В. Литературные и мифологические источники поэтических текстов сборника В. Сосноры «Пьяный ангел» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 5—15.

Поэтические произведения В. Сосноры активно осмыслились литературоведами и критиками как при жизни автора, так и после его смерти в 2019 г.

С течением времени все яснее становится необходимость целостного анализа творческого пути В. Сосноры-поэта с опорой на исследование сборников как художественных единиц, а не отдельных текстов. В данный момент можно выделить ряд статей, в которых анализ проводится в обозначенном ключе [Болнова 2020, 2024; Балашов-Ескин; Соколова].

Сборник «Пьяный ангел» датирован 1969 г., периодом расцвета поэтической активности В. Сосноры. Он состоит из 17 текстов, последний из которых — «Хутор» — представляет собой драматическую сценку. Отдельные стихотворения встречаются в опубликованных изданиях, начиная с книги «Аист» 1972 г.; в усеченном виде, но в качестве сборника часть текстов входит в «Избранное», изданное в 1987 г. за границей. Впервые в законченном виде сборник был опубликован в «Девяти книгах» 2001 г. [Соснора 2001], после чего уже не претерпевал изменений при последующих публикациях, включая последний прижизненный трехтомник 2018 г. [Соснора 2018].

Уже в заглавии сборника обозначен центральный образ, который будет объединять входящие в него стихотворения. Речь идет об ангеле, причем этот образ дан автором в эволюции, то есть он изменяется от текста к тексту. Говоря о заглавии сборника, нельзя не упомянуть фильм А. Куросавы «Пьяный ангел» 1948 г., разрабатывающий и социальную, и философскую проблематику. Вероятно, этот фильм не выходил в прокат в Советском Союзе и не был дублирован, но он постоянно упоминался в советской киноведческой литературе 1960-х гг., и если В. Соснора хоть как-то этим интересовался, то название фильма А. Куросавы ему попадалось. Кроме того, в 1957 г. вышел сборник рассказов польского писателя Эугениуша Кабатца «Пьяный ангел». При общем интересе В. Сосноры к польской культуре не исключено его знакомство, хотя бы поверхностное, с данным произведением.

В первом стихотворении «Во всей вселенной был бедлам...» появляется образ мальчика с «крыльями и лирой». Образ этот не является обусловленным ортодоксальным христианским представлением об ангелах. Изображения ангелов с различными музыкальными инструментами относятся к XII—XIII векам, они появляются в средневековых манускриптах. В русской живописи известна картина В. Васнецова «Ангел с лампой», хранящаяся в Третьяковской галерее в Москве. В самой же Библии встречается указание лишь на ангелов, трубящих в трубы. То есть образ ангела изначально не должен прочитываться в библейском ключе, скорее в ключе общекультурном, как некий опознаваемый знак, запечатленный на многих художественных полотнах. Очевидно, что в данном случае он вбирает в себя в трансформированном виде некоторые черты древнегреческого Аполлона. Правда, и в этом случае речь идет не о каноническом следовании букве античности, а о более позднем романтическом трактовании данного образа.

Обе названные ипостаси будут разработаны в других стихотворениях цикла. В частности, уже во втором тексте «Вот было веселье...» появляется образ Феба, а в стихотворении «Погасли небесные нимбы...» возникает образ ангела-воителя, не с лирой, а с мечом и трубами, что в большей степени соответствует библейской концепции:

Погасли небесные нимбы.
 Нам ангелы гневные снились.
 Там трубы трубили: «Священная месть!
 Восстанем на вся! Велите!»
 Метался во тьме Тамерланов меч...
 Мой ангел... воитель! (475)*

* Здесь и далее тексты цитируются по изданию: [Соснора 2018] с указанием в скобках страниц.

В сборнике «Пьяный ангел» автор максимально широко привлекает различные культурные контексты, в которых так или иначе встречается образ ангела или образы, аналогичные ему. Во-первых, большое место уделено собственно христианским мифам. Некоторые контексты уже упоминались выше. Центральным христианский миф является и в стихотворении «Месяц март на дворе, месяц март...», в котором лирический герой определяет себя через соотнесение с образом Иисуса Христа:

Через месяц и мне тридцать три.
 Не прощай ничего, но прости,
 Что принес эту смерть, этот крест
 На Голгофу твою. Боже мой,
 Не спасай меня, — надоест.
 Я ведь хуже, если живой.
 Если тост — за Иуду тост!
 Он легенду лишь дополнял.
 Что Варнава и что Христос —
 Одинаково для меня (475).

Следующим важным христианским контекстом в осмыслении образа ангела становится фигура падшего ангела, точнее одного из его литературных воплощений — Мефистофеля. Так, в сборник «Пьяный ангел» входит «Песенка Мефистофеля», в которой литературный персонаж выходит за рамки исходных художественных произведений, в которых он упоминается (отметим, что для стихотворения В. Сосноры актуальным является только контекст произведения Гете, ссылки на «Народную книгу» и на «Трагическую историю доктора Фауста» К. Марло в тексте отсутствуют):

В нашей солнечной геенне
 кто проспался, тот и гений, —
 то ли фавны, то ли готты,
 то ли Фауст, то ли Гете? (474).

Образ Бога является одним из центральных во всем сборнике «Пьяный ангел». При этом понимание данного образа лежит в плоскости христианской религии, несмотря на то, что в сборнике упоминаются и античные божества. Помимо уже названного Феба, это Вахх. Однако обращение к реалиям античной мифологии носит либо орнаментальный характер, либо аллегорический, в любом случае оно не оживлено внутренним диалогом с автором. В то время как в образе христианского бога воплощается сознание, с которым автор ведет внутреннюю дискуссию, подчас переходящую в полемику. Так, в финальной строфе третьего стихотворения сборника «О, призывайте...» возникает ряд примет современного мира, вызывающего резкое неприятие лирического героя, доходящее до отказа от веры в спасительную функцию искусства. Одной из таких примет становится «суд без Бога», то есть лишенный милосердия и любви. В неизданных дневниках В. Сосноры можно встретить такое высказывание об отношении поэта к творчеству предшественников и к Богу: «Я чувствую соавторство с каждой книгой, имеющей отклик у моего организма. Но отнюдь не с каждой великой. Толстой, Чехов, Тургенев, Достоевский, кроме “Преступления и наказания” — чужды мне. Мне чужд Белый, но я учитывал его конструкции. Мне чуждо “богоборчество” — это приравнивание себя к богу. Мне чужд Иов, я говорю с Богом, как равный, а не борющийся. Ирония — в два конца, на него и себя. Это все придется объяснить, чтобы сломать трафарет. Религиозен тот, кто обращает гнев вверх, а не молитву. Молятся

<в рукописи “молются”> слабые — за себя. Это атеисты. Хлебников — язычник. Он не боролся и не молился. Он антилирик, з <значит> и антирелигиозен. Религия — это мистическое состояние без определенного лица. Это состояние отчаяния. Религиозен Пушкин в Бесах, Маяковский, Блок, но не Хлебников, эллинист и студенческий пифагореец. Если Б. <Бог> мне не кумир, то какой же кумир мне — Хл. <Хлебников>

Начнем с того, что у меня нет кумира. Ни один Бог мне не кумир, ни один ч-к <человек> — тем более. Не один поэт мне не ярлык.

Скажем так: я брал с каждого бога и с каждого поэта — ясак [Соснора 1996: л. 26. Расшифровки в цитатах мои. — Е. Б.].

В одном из наиболее драматичных стихотворений, являющихся кульминационным с точки зрения композиции всего сборника, — «На светлых стеклах февраля...» — образ страдающего и умирающего ангела, разбившего лиру, противопоставлен образу бога (отметим, что написание слова «бог» в разных стихотворениях сборника «Пьяный ангел» различно: в некоторых случаях оно написано В. Соснорой с прописной буквы, в некоторых — со строчной). В отличие от ангела, спустившегося к людям и принявшего на себя бремя их жизни, бог далек от реального мира и безразличен к нему. Суждения бога уравнены с суждениями «публики», воспринимающей чужие страдания и смерть как зрелище:

У фонаря, у фонаря
мой ангел умирал.
Лишь бог божился: «Надо жить!»
(Он, публика, умна!)
О, ни дыханья, ни души
на улицах у нас.
Ни бог страниц не написал
ни о добре, ни зле,
ни ненависти к небесам
и ни любви к земле (471).

В отличие от образов античных богов, которые, как было показано выше, не играют концептуальной роли, сам по себе мифологический пласт имеет большое значение для сборника «Пьяный ангел». Обращает на себя внимание многократное упоминание сирен и их песен: «Там, в негасимой синеве, / ушли за кораблем корабль, / пел тихий хор простых сирен» (стихотворение «Во всей вселенной был бедлам...»); «Я куплю тебе свирель / слушать песенки сирен» (стихотворение «Детская песенка»); «Все равно — по смеху, по слезам ли, / все равно — сирена ли, синица...» (стихотворение «Продолжение Пигмалиона»); «Тринадцать нас (персты на лирах) — / посланцы Неба к Сатане. / Традиционный посох мира. / Сераль русалок. Хор сирен» (стихотворение «Хутор»). В приведенных примерах очевидно смысловое смещение, связанное с тем, что песни сирен и сами мифические существа перестают осмысляться как носители угрозы человеку. Античность как отжившая эпоха рисуется в контексте прошлого, причем прошлого максимально опоэтизированного. Здесь можно отметить характерное для И. Винкельмана [Винкельман] восприятие античности как гармоничного века, лишённого внутренних противоречий и сложности. При таком восприятии не выглядит странной следующая строка: «Пой, поэт, пора проститься, / ждет экскурсия по Стиксу...» (474). «Экскурсия по Стиксу» здесь не просто эвфемизм смерти как таковой, а эвфемизм сниженный, возможный только

применительно к античности в художественном мире, создаваемом В. Соснорой в сборнике «Пьяный ангел».

На первый взгляд, базируется на античном мифе стихотворение «Продолжение Пигмалиона», одно из последних в сборнике. Лирический герой стихотворения — Пигмалион, однако трактовка данного образа существенно отличается как от мифологической, так и от распространённой в более поздней культуре. Пигмалион в стихотворении В. Сосноры — творец в высшем сакральном смысле, оживление Галатеей становится не результатом божественного вмешательства как награда за его сильную любовь и веру в могущество и благость богов, а прямым следствием таланта самого скульптора. Более того, оживленная Галатеей не становится спутницей Пигмалиона, он отпускает ее к юноше, своему ученику:

ты спал со мной и ел мои сласти,
я обучал тебя всему свыше,
мой мальчик, обучи ее страсти.
Мой ученик, теперь твоя тема,
точнее — тело. Под ее тогой
я знаю каждый капилляр тела.
Ведь я творец. А ты — лишь ты, только (479).

Стихотворение построено как духовное завещание Пигмалиона. В первой части герой обращается к своему ученику, которого Галатеей уговаривает оставить Пигмалиона ради нее. Галатеей в данном случае выступает воплощением женского вероломства и циничной ограниченности. В текст включена ее прямая речь, с которой героиня обращается к ученику Пигмалиона:

«У нас любовь, а у него маски,
мы живы жизнью, он лишь труд терпит,
другую девушку — он мэтр, мастер! —
ему нетрудно, он еще слепит» (479).

Вторая часть стихотворения «Продолжение Пигмалиона» представляет собой обращение к толпе:

Теперь — толпе: не скажу «стойте!».
Душа моя проста, как знак смерти.
Да, мне нетрудно, я слеплю столько
скульптуры — что там! будет миф мести!
<...>
Теперь убейте. Это так просто.
Я только тих. Я только в труд — слепо.
И если Бог меня лепил в прошлом,
Ему нетрудно, — Он еще слепит (479).

В приведенных строках реализуется распространённый мотив противопоставления творца и толпы, неспособной понять его и потому настроенной враждебно. В крайней форме данное противопоставление разрешается в стремлении умертвить творца. Данный мотив является частотным для поэзии В. Сосноры, он легко прослеживается, начиная с первых сборников, в том числе сборника «Всадники» («Смерть Бояна», «Соловей-Разбойник» и др.). Логичным в данной трактовке выглядит и отказ В. Сосноры от использования имен собственных в тексте. Исключение составляет имя самого Пигмалиона, выведенное лишь в заглавии. Остальные герои, включая ученика Пигмалиона и Галатеею, безымянны, они уравниваются с толпой, поскольку не являются творцами, истинными художниками. Своей безымянностью они выключены из культуры, из

истории, из мифологии, таким образом утверждается та единственная роль, которую они способны играть: казнить и предавать истинного творца.

В художественном мире данного произведения происходит существенная подмена: эксплуатируя внешние атрибуты античного мифа (создание Пигмалионом статуи и ее последующее оживление), автор полностью изменяет то символическое значение, которое традиционно сопровождает в культуре данный сюжет. В. Соснора переосмысляет его радикально, встраивая в ряд мифов (в том числе библейский) о сотворении человека и о взаимоотношениях поэта и толпы. Данная тема является одной из магистральных в творчестве В. Сосноры.

Следующее стихотворение цикла — «Все равно — по смеху, по слезам ли...» — состоит из четырех строк. Такая краткая форма не является типичной для поэзии В. Сосноры. Данный текст может быть рассмотрен как авторский комментарий к предыдущему стихотворению, философский вывод:

Все равно — по смеху, по слезам ли,
все равно — сирена ли, синица...
Не проснуться завтра, послезавтра,
никому на свете не присниться (480).

Помимо античных и библейских аллюзий и реминисценций в сборнике «Пьяный ангел» нельзя не отметить и роль литературных претекстов. Так, начальные строки стихотворения «Мне и спится, и не спится...» очевидным образом отсылают к «Стихам, сочиненным ночью во время бессонницы» А.С. Пушкина. В.А. Грехнев справедливо пишет о произведении А.С. Пушкина следующее: «В “Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы” Пушкин не останавливается перед тем, чтобы произнести самое безысходное слово о жизни. Но именно в той точке своего движения, где мысль поэта готова в хаосе и потемках духа усмотреть всеобщий закон бытия, она начинает упорный, настойчивый поиск смысла. Очевидна, таким образом, близость конфликтно-композиционной основы “Стихов...” к тем принципам воплощения конфликта, которыми определяется динамика образа в “Элегии”. И там, и здесь движение лирического образа предполагает ломку однозначно узкой схемы жизненных противоречий и следующее затем погружение лирической мысли в глубины, в противоречивую сложность мира и души» [Грехнев: 63—64].

С точки зрения жанра стихотворение В. Сосноры ближе стихотворению, которое открывает болдинскую лирику А.С. Пушкина — «Бесам», относящимся к жанру баллады. Прочитанный ранее фрагмент дневника В. Сосноры дает представление о том значении, которое придавал он данному стихотворению А.С. Пушкина. Косвенно на возможные параллели с текстом А.С. Пушкина указывает сравнение: «Конь когда-то у меня / был, как бес крылатый» (472). В произведении В. Сосноры сохраняются многие атрибуты баллады, связанные с таинственными, мистическими элементами. К таковым стоит отнести и образ филина, который, с одной стороны, может быть прочитан как темный двойник самого лирического героя (вариант известного сюжета, воплощенного в готической повести Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), а с другой стороны, посланник потустороннего мира, наделенный необыкновенными способностями. В качестве еще одного претекста должна быть названа баллада Э.А. По «Ворон», к художественному переосмыслению которой поэт неоднократно обращается в своем творчестве («Ворон», «Баллада Эдгара По»). На связь с произведением Э.А. По косвенно указывает и форма организации речи в стихотворении. «Ворон» Э.А. По построен как цепь высказываний героя, обращенных к птице, которая отвечает ему единственным словом.

В произведении В. Сосноры ситуация нарушенного диалога инверсирована: филин обращается к герою стихотворения, чья субъектность ослаблена по сравнению с субъектностью птицы.

Характерными для жанра баллады являются повторы, к которым прибегает и В. Соснора, что закольцовывает композицию произведения. Однако поэт уходит от точного воспроизведения начальных строк, таким образом усиливая семантическую значимость вносимых изменений:

Мне и спится, и не спится.
 Филин снится и не снится.
 На пушистые сапожки
 шпоры надевает.
 Смотрит он глазами кошки,
 свечи зажигает...
 <...>
 Мне и спится, и не спится.
 Филин снится и не снится.
 В темноте ни звезд, ни эха,
 он смеется страшным смехом,
 постучит в мое окно:
 — Где мой конь? Кто прячет?
 Захохочет... и вздохнет
 И сидит, и плачет (472—473).

Еще одним вариантом прочтения образа филина в стихотворении «Мне и спится, и не спится...» является интерпретация его как видоизмененной самоцитаты из сборника «12 сов» 1963 года.

Если трактовать образ крылатого коня как отсылку к Пегасу, то битву, в которую вступает филин, необходимо понимать метафорически, как битву с помощью разящего слова, поэзии — соответственно, потеря коня и сабли означает утрату лирическим героем поэтического дара, что является одним из основных мотивов всего сборника.

Рассмотрим подробнее реализацию данного мотива и в других стихотворениях сборника «Пьяный ангел», что позволит сделать обобщенный вывод об идее и структуре сборника. Композиция сборника выстраивается автором по принципу развертывания лирического сюжета, связанного с нисхождением на землю ангела с лампадой и лирой и последующей утратой им веры в силу поэтического слова, в силу творчества. В стихотворении «Во всей вселенной был бедлам...», открывающем сборник, образ ангела связан с категориями наивности, святой простоты и неведения:

<...> А мимо в мире
 шел мальчик с крыльями и лирой.
 Он был бессмертьем одарен
 и очень одухотворен.
 Такой смешной и неизвестный
 на муку страха или сна,
 в дурацкой мантии небесной
 он шел и ничего не знал (467).

Уже в первом стихотворении появляются два центральных образа: ангела и лирического героя, поэта, наблюдающего за его судьбой. Во втором стихотворении «Вот было веселье...» данные образы представлены в несколько ином ракурсе. Так, именно здесь впервые возникает образ пьяного ангела, детерминированный аналогичным состоянием лирического героя стихотворения.

Художественное время легко может быть определено благодаря указанию на праздник Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в данном стихотворении ангел наделяется эпитетом «предсмертный», таким образом, столкнувшись с реальностью человеческого мира, ангел обречен на гибель. Сам праздник определен лирическим героем как «ад или праздник» (468). Следующее стихотворение «О, призывайте...» может быть прочитано как артикулирование причин гибели ангела, либо данное от его лица, либо осмысленное лирическим героем, что представляется более соответствующим художественному замыслу автора:

И в ваши ночи,
и в ваши нови
из всех виновных
я всех виновней.
Какие цели?
За чью свободу?
Лишь ложь и цепи
нужны народу.
Какие судьбы
я развиваю?
Святые струны
я — разрываю! (469—470).

В следующем стихотворении «Мой ангел уснул (зачем прилетел?)...» реализуется момент выбора дальнейшего пути. Во-первых, необходимо отметить, что за ангелом в данном стихотворении закрепляется притяжательное местоимение «мой» в высказывании лирического героя. Во-вторых, поддерживается мотив отказа от творчества, обозначенный в предыдущем стихотворении:

Мой ангел уснул (зачем прилетел?)
Он спал. Он хорошего только хотел.
Он с крыльями спал и лирой.
А лира была лишней (470).

В-третьих, в стихотворении «Мой ангел уснул (зачем прилетел?)...» сохраняется возможность реализации иной судьбы, кроме гибели ангела: «Проснись, улыбнись и улетай, // и улетай — все время!» (470). В пятом стихотворении сборника — «На светлых стеклах февраля...» — воспроизводится лирическая ситуация гибели ангела. Композиция произведения, с одной стороны, является спиральной, поскольку последняя строфа очевидным образом перекликается с первой и пятой, с другой стороны, первая и последняя строфы противопоставлены:

На светлых стеклах февраля
блеск солнца замерцал.
У фонаря, у фонаря
мой ангел замерзал.
<...>
Какой-то ангел (всем на смех)
у фонаря сгорел.
Я спал, как все. Как все, во сне
я смерть — свою — смотрел (471—472).

Замерзающий ангел в первой строфе проходит путь до сгоревшего ангела в последней через разочарование в силе собственной лиры, собственного гения. В финальных строках стихотворения происходит утверждение трактовки данного образа как творческой части души лирического героя. Можно

говорить об акте творческого самопожертвования вкупе с творческим саморазочарованием, нашедшими отражение в сборнике «Пьяный ангел».

Следующие стихотворения по-разному развивают и реализуют мотивы, заложенные в первых пяти текстах. Возникающие мифологические, библейские, литературные аллюзии и реминисценции, проанализированные ранее, призваны подчеркнуть архетипичность выведенных проблем. Последний текст, озаглавленный «Хутор», построен как драматическая сценка. Смена рода литературы может быть связана с желанием автора наделить ангела возможностью высказаться от первого лица. Именно поэтому в списке действующих лиц присутствуют и ангел, и автор, что исключает возможность их отождествления. Заявленный в списке действующих лиц хор отсылает к античному театру, в котором он поясняет душевные движения героев, дает моральную оценку происходящему. В драматической сценке В. Сосноры хор подводит итог смерти ангела и запоздалому прозрению девушки, выводя данную историю на уровень онтологического обобщения:

Фарс фарисея,
 барабан боли
 это творенье.
 Суегу сеют
 бесы и боги,
 тьма и томленье.
 Это их игры
 света и смерти,
 тайны и знаки.
 Нет наших истин:
 солнце, как сердце,
 бьется над нами! (489).

Необходимо, однако, отметить, что драматическая сценка «Хутор» рассчитана на прочтение, а не на сценическое воплощение, на что указывает, в частности, финал. Заданный хором пафос снимается финальной ремаркой, принадлежащей автору и не воспроизводимой на сцене. В ней восстанавливается та же картина, которая предшествует появлению из колодца ангела. Однако если начальное описание пространно и опозитизировано, то финальное нарочито редуцировано и схематизировано, что подчеркивает его искусственность и аморфность.

Анализ мифологических и литературных аллюзий и реминисценций вкупе с рассмотрением структурной и содержательной сторон сборника В. Сосноры «Пьяный ангел» помогает увидеть сложную композиционную систему: каждое стихотворение, изначально самоценное, встраивается в сборник, обрастая дополнительными контекстуальными смыслами. Только целостный анализ сборника позволяет выделить как внутренний сюжет, присутствующий в сборнике «Пьяный ангел», так и систему лейтмотивов, объединяющих весьма различные, на первый взгляд, тексты.

Список источников

- Соснора В. Девять книг. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 432 с.
 Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: Пальмира, 2018. 910 с.
 Соснора В. ЦГАЛИ СПб. Дневниковые записи, рисунки (г. Марсель, Франция). Ф. 824. Оп. 1. Д. 7. 1996. 35 л.

Список литературы / References

- Балашов-Ескин К.М. Анализ поэтического цикла В.А. Сосноры «Тьетта»: методологический потенциал теории предупредной рифмы Ю.И. Минералова // Национальный стиль русской литературной классики: материалы IV Межвузовской научно-практической конференции. М., 2019. С. 77—93.
(Balashov-Eskin K.M. Analysis of V.A. Sosnora's poetic cycle "Tietta": the methodological potential of the theory of pre-stressed rhyme by Yu.I. Mineralov, *The national style of Russian literary classics: materials of the IV Interuniversity scientific and practical conference*, 2019, pp. 77—93. — In Russ.)
- Болнова Е.В. Мифологическая картина мира в сборнике В. Сосноры «Тридцать семь» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 4 (8). С. 39—55.
(Bolnova E.V. The mythological picture of the world in V. Sosnora's collection "Thirty-seven", *Palimpsest. A Literary Studies Journal*, 2020, no. 4 (8), pp. 39—55. — In Russ.)
- Болнова Е.В. Структурные и содержательные особенности сборника В.А. Сосноры «Продолжение» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 5. С. 6—15.
(Bolnova E.V. Structural and substantive features of V.A. Sosnora's collection «Continuation», *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, no. 5, pp. 6—15. — In Russ.)
- Винкельман И.И. История искусства в древности. Л.: ИЗОГИЗ, 1933. 430 с.
(Winkelman I. The history of art in antiquity, Leningrad, 1933, 430 p. — In Russ.)
- Грехнев В.А. Болдинская лирика А.С. Пушкина (1830 год). Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1980. 159 с.
(Grekhnev V. Boldino Lyrics of A.S. Pushkin (1830), Gorky, 1980, 159 p. — In Russ.)
- Соколова О.В. Деонтологическая модель творчества как смерти в «Девяти книгах» В. Сосноры // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2006. № 8. С. 57—77.
(Sokolova O.V. The deontological model of creativity as death in the "Nine Books" by V. Sosnora, *Russian literature in the 20th Century: names, problems, cultural dialogue*, 2006, no. 8, pp. 57—77. — In Russ.)

**LITERARY AND MYTHOLOGICAL SOURCES
OF THE POETIC TEXTS OF V. SOSNORA'S COLLECTION
"THE DRUNKEN ANGEL"**

Ekaterina V. Bolnova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod,
Russian Federation, eka332@yandex.ru

Abstract. For the first time, the article comprehensively and systematically analyzes V. Sosnora's poetry collection "Drunken Angel". Allusions and reminiscences are considered not by themselves, but in the context of their role in the realization of the artistic task being solved by the author. Ancient, biblical, and literary sources of poetic motifs and images are identified, and direct references to the previous cultural heritage are analyzed. Archival fragments of V. Sosnora's unpublished diaries are used as a source for analysis. It is concluded that the central motif in the collection "Drunken Angel" is the disillusionment with the power of art and its significance, associated with the story of the angel who descended with the lyre; and the motif of misunderstanding that any true creator faces. Within the framework of the collection, these motifs enter into a complex interaction, overlapping one another. The analysis correlates with the opinion about the need for a holistic study of V. Sosnora's poetic work, in which a collection is understood as an integral artistic whole whereas individual poems are considered its components. This approach corresponds to the opinion of V. Sosnora himself, who advocated a similar approach to the perception of his own poetic texts.

Keywords: V.A. Sosnora, collection “The Drunken Angel”, cyclization, reminiscences, allusions

For citation: Bolnova E.V. Literary and mythological sources of the poetic texts of V. Sosnora's collection “The Drunken Angel”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 5—15.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 05.03.2025; approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Болнова Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, eka332@yandex.ru, SPIN: 7779-0276

Bolnova Ekaterina Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Literature, Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russian Federation, eka332@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 16—23.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 16—23.

Научная статья

УДК 821.161.1.03.05“20”

EDN <https://elibrary.ru/vtmmxu>

DOI: 10.46726/И.2025.3.2

ХРОНОТОП ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЛИМОНОВА (на материале романов «Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве» и «Это Я — Эдичка»)

Регина Альбертовна Кадеева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,

г. Саранск, Россия, reginakadeyeva@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить ключевые особенности хронотопа города в романах Э. Лимонова. В статье использованы следующие методы: сравнительно-исторический, типологический, метод целостного анализа художественного произведения. В результате установлено, во-первых, что ключевыми для романов прозаика эмигрантского периода становятся хронотопы малого и большого города. Во-вторых, в романе «Подросток Савенко...» топография города строится посредством создания особого топографического континуума и предельной детализированности топографических описаний. Хронотоп малого города строится по структуре хронотопа Дома и становится фоном для психологического и физического становления героя. В-третьих, в романе «Это я — Эдичка», в отличие от «Подростка Савенко...», представлен хронотоп большого города, который конструируется по модели город — мир. Город здесь репрезентован сквозь призму сознания писателя-эмигранта локализованным топосом, в котором показана жизнь русской эмиграции «третьей волны». Наконец, в обоих романах город как ключевая пространственная составляющая является не просто фоном развертывания многочисленных судьбоносных событий, но и смысловым центром, катализатором сюжетного развертывания.

Ключевые слова: отечественная проза конца XX века, проза Лимонова эмигрантского периода, роман, хронотоп города, хронотоп Дома

Для цитирования: Кадеева Р.А. Хронотоп города в творчестве Э. Лимонова (на материале романов «Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве» и «Это я — Эдичка») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 16—23.

Общеизвестно, что принципиально значимое место в структуре художественного текста занимает хронотоп. М.М. Бахтин в «Формах времени и хронотопа в романе» справедливо подчеркивает колоссальное значение пространственно-временных отношений произведения, полагая, что «в хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетобразующее значение» [Бахтин: 180]. Этот тезис, безусловно, применим и к литературе современной, в которой одним из центральных топосов оказывается город [Осьмухина 2023] — место «завязывания» и разрешения сюжетных коллизий, столкновения антагонистов, внутреннего самоопределения героя.

Наиболее примечательна в этом контексте, на наш взгляд, проза Э. Лимонова, который на протяжении всего творческого пути — от «харьковской» трилогии до романов 2010-х годов — пристальное внимание уделяет пространству города, его топографии, локализованной мини-хронотопами, которые в конечном итоге составляют не просто фон развития событий, но выполняют значимую семантическую и функциональную нагрузку. Оговоримся, что образ Города традиционен в русской литературе. Пристальный интерес к этой теме объясняет Ю.М. Лотман: «Город, как сложный семиотический механизм, генератор культур, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман: 35]. Однако город Лимонова — это не просто место действия, не просто набор улиц и зданий, но и действующее лицо, и соавтор, и основное сюжетобразующее звено. Укажем весьма симптоматичную подробность: движущим импульсом творчества Лимонова и его жизни в целом всегда являлся конфликт — с государством, окружающими и с самим собой, и этот конфликт в разнообразных вариациях и интерпретациях ложится в основу практически всех его произведений, образуя единый автобиографический текст, главный герой которого — неизменно носитель авторской маски — по мере перемещения по миру (общеизвестно, что «автор реальный», проведший детство и юность в Харькове, затем переехавший в Москву, вынужденный эмигрировать, живет в Париже, Нью-Йорке, затем возвращается в Москву) становится частью «городского текста», который одновременно постепенно осваивает и который создает. Город Лимонова «живет» своей жизнью, имеет свой характер и оказывает серьезное влияние на его жителей, формируя их мировоззрение. Достаточно отметить знаменитый лимоновский «харьковский цикл», где советский Харьков становится своеобразным ландшафтом, на фоне которого происходит становление героя. В романе «Молодой негодяй» Лимонов мастерски описывает Крым, в сборнике «Под небом Парижа» и романе «Укрощение тигра в Париже» воссоздается образ французской столицы сквозь призму писателя-эмигранта.

Подчеркнем, что романы «Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве» и «Это я — Эдичка» избраны в качестве материала исследования отнюдь не случайно. Во-первых, эти романы — одни из самых содержательных в художественном и стилистическом отношении произведений Лимонова, повествующие о важнейших вехах в его нелегкой писательской судьбе. Во-вторых, они пополняют галерею произведений с ярко выраженной городской топографией: именно Харьков и Нью-Йорк становятся смысловым центром романов «Подросток Савенко...» и «Это я — Эдичка».

В романе «Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве» Лимонов ставит перед собой цель показать читателю условия, в которых живет Эди-бэби — юное alter ego реального автора, его авторская маска [Осьмухина 2024]. Так, перед читателем выпукло и красочно предстает окраина советского Харькова, точнее, один из его рабочих посёлков — Салтовка. Посёлок становится локусом, на фоне которого происходит психологическое становление героя: от подростка, погруженного в мир преступности, до формирования его в бандита, наделенного в то же время поэтическим даром. Обращаясь к классификации хронотопов по М.М. Бахтину, предположим, что Салтовка — это не что иное, как «провинциальный городок» — замкнутый тип хронотопа. Основным маркером этого локуса является особенность времени, которое циклично: «Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по

узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Изю дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же слова и т. д.» [Бахтин: 279]. Так, действие романа умещается всего в два дня (7—8 ноября), в течение которых главный герой Эди-бэби должен найти деньги. На протяжении всего текста герой «путешествует» по Салтовке в поисках денег, попадает в передраги, вспоминает былое и размышляет о своей жизни. Фоном для этих размышлений и воспоминаний служит провинциальный рабочий поселок, показанный в романе «без прикрас», как есть на самом деле: с «процветающей» бедностью и разгулом преступности. Таким образом, роман лишен каких-либо важных сюжетообразующих событий и состоит в основном из глубокой рефлексии персонажа. «Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. Здесь не происходят ни “встречи”, ни “разлуки”», — пишет М.М. Бахтин. Так, Салтовка, являясь частью большого Харькова, в то же время живет провинциальной жизнью рабочего поселка, где даже время течет иначе.

По мнению А.С. Поршневой, хронотоп маленького города коррелирует по своей структуре с хронотопом Дома: «Пространство маленького города выстраивается, как правило, по модели Дома, это домашнее, “одомашненное” пространство, и поэтому пространственную структуру такого типа можно обозначить как город-Дом» [Поршнева: 108]. Для юного Эди-бэби Харьков локализуется в Салтовке, которая, в свою очередь, кажется одним большим домом. Герой знает каждую улицу, хорошо ориентируется в пространстве поселка, знаком практически со всеми жителями. Салтовка становится микрокосмом, пространством, словно отделенным от внешнего мира, в котором юный герой чувствует себя комфортно, как дома. Именно поэтому в романе так ярко представлено бытописание, заострено внимание к мелочам и предметам быта, характерное по большей части для описания хронотопа дома, но не целого города. Герой словно «одомашнивает» и обустроивает пространство, в котором существует. По мнению Т.Д. Марцинковской, «малые хронотопы — всегда субъективны, фактически именно они и являются внутренней формой психологического хронотопа, то есть места и времени, в которых происходили значимые для человека в данном городе события» [Марцинковская: 306]. Так, Салтовка — место физического и психологического становления юного героя. А.С. Поршнева, в свою очередь, отмечает важную особенность художественного пространства малого города, по её мнению, это — «высокая степень его наполненности, его повышенная насыщенность предметами при пониженной насыщенности событиями» [Поршнева: 110]. Именно это репрезентовано в романе, относительная бессобытийность которого замещается высокой концентрацией «опредмечивания» пространства, наполнением его деталями. Отметим, что топографические подробности вырисовываются прозаиком детально. Э. Лимонов, обращаясь к приему ретроспекции, ностальгирует по своей юности, с исключительной точностью описывая каждую мелочь: «Настоящий клуб, он же кинотеатр “Стахановский”, с плюшевыми занавесями, с мраморным фойе, с большим залом, с плюшевыми же красными стульями и креслами...» [Лимонов 2021: 36]. Показательна детализированность, с которой писатель подходит и к описанию городского ландшафта: «“третий” дом — целый огромный квартал, а не дом, построенный замкнутым четырехугольником, — внутри которого двор размером с футбольное поле, заостренный сараями» [Там же: 4]. Такая топографическая точность дает возможность достаточно точно воспроизвести атмосферу советского города 1960-х.

Весьма примечательно, что центр города в романе практически не фигурирует. Упоминания о Харькове ограничиваются скудными описаниями, редкими воспоминаниями без особой эмоциональной окраски: «Территория “Победы” принадлежит Плехановке. Плехановка — это уже город» [Там же: 37]. Это отнюдь не случайно, поскольку структура хронотопа город-Дом выделяется ярко выраженным признаком замкнутости, некой «отграниченности» от внешнего мира. Между внутренним миром «Дома» и миром внешним существует четкая граница, которая отделяет свое пространство от чужого, освоенное от неосвоенного. Более того, в сознании юного Эди-бэби происходит мифологизация внешнего мира. «Родной» бандитский поселок Салтовка и Харьков представлены в непримиримой оппозиции, где преимущество остается на стороне пространства привычного и «обжитого»: «Вообще Салтовка, могучая и вольная Салтовка, презирая слабый и развращенный центр города и, сама себя городом не считая, все же в сущности преклоняется перед городом и все время на нее оглядывается» [Там же: 29]. С топографической точки зрения подобный локус (центр города) не играет важной функциональной роли в романе, ибо находится за пределами привычного, знакомого до мелочей и обжитого, для героя пространства.

Таким образом, представленные в романе «Подросток Савенко...» пространственно-временные отношения отвечают авторскому замыслу продемонстрировать посредством героя — носителя авторской маски — своё «бандитское» детство. Хронотоп романа, согласно классификации М.М. Бахтина, можно охарактеризовать как малый город, терминологическим адекватом которого выступает бахтинский «провинциальный городок», структурно выстраиваемый по модели хронотопа Дома.

Несколько иная ситуация представлена в романе «Это я — Эдичка». Эди-бэби вырос, и теперь он Эдичка — писатель-эмигрант, ищущий свободы творчества в Америке, в шумном Нью-Йорке. Роман в буквальном смысле слова «пропитан» Нью-Йорком, его «быстрым» темпом жизни, атмосферой, людьми, улицами, ресторанами, отелями. Город здесь является не просто основным топосом романа, он становится действующим лицом, соавтором автобиографического нарратора. Так, следуя традиции метапрозы, Э. Лимонов описывает процесс создания романа: «Эдичка записывал свои вопли, сидя на кровати в отеле на Мэдисон. Начиная утром главу, он покидал отель, жил эту главу на нью-йоркских улицах, и на следующее утро вспоминал ее. Ему было, что вспоминать...» [Лимонов 2023: 113].

Если в «Подростке Савенко...» фоном развития событий была лишь окраина города, провинциальный рабочий поселок, в котором герой ощущал себя по-домашнему свободно, то в романе «Это я — Эдичка» — огромный мегаполис, в котором Эдичка чувствует себя чужим и непринятым. А.С. Поршнева правомерно, на наш взгляд, характеризует пространство большого города как «город-Мир» [Поршнева: 111]. Это хронотоп с открытой структурой, не отграниченный от внешнего мира, но, напротив, — открытый ему. Так, Нью-Йорк, город, в который эмигрировал герой романа, — это локализованное пространство, в рамках которого показана жизнь русской эмиграции. Хронотоп лимоновского Нью-Йорка состоит из множества отдельно взятых локусов, так называемых микропространств, в которых существует Эдичка.

Одно из таких микропространств — отель «Винслоу», где живет герой. Данный локус, по сути, прочитывается читателем как топос дома, однако жизнь в «Винслоу» нельзя назвать жизнью в полном смысле слова, это лишь

жалкое существование. Отель становится антидомом, поскольку воспринимается Эдичкой как символ выживания, но не жизни, как символ мрака и смерти, прежде всего духовной. Так, герой возмущен тем, как относятся в этом отеле к русским: «К нам, людям из России, в отеле относятся так, как некогда относились к черным до отмены рабства. Белье нам меняют куда реже, чем американцам, ковер на нашем этаже не чистили ни разу за все время... Простыни и полотенца нам дают самые старые, свой туалет я мою сам. Короче — мы люди последнего сорта» [Лимонов 2023: 9]. Хронотоп романа в целом представлен сквозь призму писателя-эмигранта, изгнанника. Более того, с точки зрения М.Ю. Егорова, «роман “Это я — Эдичка” создаёт определённый трансгрессивный образ эмиграции» [Егоров: 89]. Любопытно, что отель «Винслоу» в сознании Эдички считается местом мрачным, лишенным уюта и благополучия: «Отель “Винслоу” — это мрачное, черное 16-этажное здание, наверное, самое черное на Мэдисон-авеню. Надпись сверху вниз по всему фасаду гласит "ВИНСЛУ" — выпала буква “О”. Когда? Может быть, 50 лет назад» [Лимонов 2023: 8]. Более того, образы смерти и тюрьмы метафорически описывают всю суть жизни эмигрантов «третьей волны», которые ютятся в «Винслоу», лишенные радости бытия и надежды на «спасение» отсюда: «Несчастье и неудача незримо витают над нашим отелем. За то время, как я живу в отеле, две пожилые женщины выбросились из окна» [Там же: 9]. Локус «Винслоу» вполне сопоставим, на наш взгляд, с описанием пансиона в «Машеньке» В.В. Набокова: «Пансион был русский и притом неприятный. Неприятно было главным образом то, что день-деньской и добрую часть ночи слышны были поезда городской железной дороги, и оттого казалось, что весь дом медленно едет куда-то» [Набоков: 97]. Как железная дорога становится метафорой непостоянства бытия русских эмигрантов «первой волны» в набоковском тексте, так образы смерти и тюрьмы метафорически описывают суть пребывания на чужбине эмигрантов «третьей волны», которые ютятся в «Винслоу», лишенные радости бытия и надежды на исход отсюда: «Несчастье и неудача незримо витают над нашим отелем. За то время, как я живу в отеле, две пожилые женщины выбросились из окна» [Лимонов 2023: 9]. Комната Эдички в отеле нередко сравнивается им с тюремной камерой, что подсознательно вызвано чувством безысходности: «В моей голой тюремной камерке в “Винслоу” становится чуть веселее, когда я приношу в нее клетчатую красную с белым скатерть, и накрываю ею стол» [Там же: 49]. Так, пространство отеля, темное и неудобное, оказывается антидомом, существование в котором приравнивается к заточению.

Отель «Хилтон», точнее его ресторан «Олд Бургунди», в котором бывший писатель-эмигрант вынужден работать бас-боем, чтобы прокормить себя, — ещё одно микропространство огромного нью-йоркского топоса. Для Эдички этот локус снова кажется «неправильным», чужим и чуждым: «Огромный отель работал как гигантский конвейер, не останавливаясь ни на минуту. В таком же темпе работал и наш ресторан» [Там же: 31]. Работа в сфере обслуживания, среди грязной посуды, остатков еды и мусора была отнюдь не подходящей свободной натуре художника слова: «Я не раб по натуре своей, прислуживать умею плохо. Я очень злился, когда оказывался обслуживающим ближайшие к балкону боковые столики, они меня обязательно куда-то гоняли, хотя это не входило в мои обязанности» [Там же: 41]. В этом пространстве герой снова чувствует себя не на своем месте, его пребывание здесь вынужденное, и эта вынужденность его унижает и оскорбляет, потому что он — поэт,

а не обслуживающий персонал: «Я не был официант, я не плевал им в пищу, я был поэт, притворяющийся официантом» [Там же: 53].

На наш взгляд, заслуживает особого внимания последняя глава романа — «Мой друг — Нью-Йорк», в которой Эдичка гуляет по городу, фиксируя локус за локусом, предаваясь меланхолическим размышлениям: «по сути дела Манхэттан должен был поставить мне памятник, или памятную доску со следующими словами: “Эдуарду Лимонову, первому пешеходу Нью-Йорка от любящего его Манхэттана!”» [Там же: 293]. Именно в последней главе наиболее отчетливо выражается не высказанная до этого привязанность героя к Нью-Йорку — городу, с одной стороны, ставшему концентрацией чужого и чуждого герою американского мира, а с другой, топосом, который стал для Эдички родным. Автобиографический герой словно «заучивает» Нью-Йорк, и тем самым на страницах романа воссоздается его собственный географический атлас города-мегаполиса. Чувствуя беспредельное одиночество после всего пережитого в этом городе, он называет Нью-Йорк своим другом: «Я — человек улицы. На моем счету очень мало людей-друзей и много друзей-улиц. Я думаю, они любят меня, потому что я люблю их, и обращаю на них внимание как ни один человек в Нью-Йорке» [Там же].

Показательно, что в финале романа хронотоп *город-Мир* трансформируется в сознании Эдички в *город-Дом*. Невзирая на микропространства, которые явно являются примерами антидомов, Эдичка называет своим домом весь огромный Нью-Йорк. Так, герой будто только в финале романа окончательно привыкает к городу, принимает его недостатки и несправедливости, мирится со своей новой реальностью: «Я хожу по Нью-Йорку — своему большому дому — налегке, не очень перегружая себя одеждой, и почти никогда ничего не несу, не загромождаю свои руки» [Там же: 296]. Заключительные строки романа, на наш взгляд, наиболее отчетливо показывают читателю то, насколько сблизился Эдичка с Нью-Йорком, который явно антропоморфируется: «За оградой парка меня подхватывает на руки Нью-Йорк, я окунаюсь в его теплоту и лето, кончающееся лето, господя, и несет меня мой Нью-Йорк мимо дверей его магазинов, мимо станций сабвея, мимо автобусов и ликерных витрин» [Там же: 317]. Город обнимает героя, как старого доброго друга. Метафорически этими объятиями автор дает понять, что и Нью-Йорк наконец принял Эдичку.

В заключение отметим, что специфика изображения хронотопа города в двух рассмотренных романах существенно различается. Так, если в «Подростке Савенко...» Лимоновым воспроизводится жизнь небольшого провинциального поселка с циклическим бытованием времени, то в романе «Это я — Эдичка» перед читателем предстает огромный мегаполис. Салтовка, воспринимаемая героем как общий дом для всех жителей, оппозиционируется Лимоновым Нью-Йорку, городу, где герой — чужак и изгой. В «Подростке Савенко...» особенность изображения хронотопа связана с детальностью описаний городского топоса в целом и отдельно взятых локусов в частности. Автор создает особый пространственно-временной континуум, который подчиняется ретроспективной рефлексии главного героя. Хронотоп города выстраивается по модели дома и воспринимается героем как город-Дом. В романе «Это я — Эдичка» нью-йоркский топос становится особым локализованным пространством, в рамках которого показана жизнь русской эмиграции. Топография большого города состоит из нескольких микропространств, в которых репрезентован быт эмигрантов «третьей волны». Хронотоп большого города выстраивается по модели город-Мир, однако в финале романа в сознании героя происходит трансформация:

чужой город начинает восприниматься как дом. Если набоковские герои-эмигранты, к примеру, в «Машеньке», ведшие жалкое существование в унылом берлинском пансионе, искали пути выхода из него, то герой Лимонова отчетливо осознает, что исход из новообретенного мира для него невозможен. На наш взгляд, роман «Это я — Эдичка» прочитывается как некое подведение итогов американского существования самого «автора реального» и пронизан глубокой рефлексией писателя-эмигранта о мире и о себе, об утраченной родине и о стране, принявшей его, о Нью-Йорке, городе, концентрированно воплощающем крах «американской мечты», личную драму героя и всё-таки принимающем его, дающем надежду.

Список источников

- Лимонов Э. Это я — Эдичка. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 360 с.
 Лимонов Э. Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 272 с.
 Набоков В.В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.
 (Bakhtin M.M. Epic and Novel, Saint Petersburg, 2000, 300 p. — In Russ.)
 Егоров М.Ю. Трансгрессивность романа Э. Лимонова «Это я — Эдичка» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 87—102.
 (Egorov M.Yu. The transgressive nature of E. Limonov's novel "It's Me, Eddie", *World of Russian-speaking countries*, 2023, no. 4 (18), pp. 87—102. — In Russ.)
 Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. 235 с.
 (Lotman Yu.M. The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city, *Semiotics of the city and urban culture. St. Petersburg. Sign Systems Studies*, Tartu, 1984, iss. XVIII, 235 p. — In Russ.)
 Марцинковская Т.Д. Городской капитал и хронотоп города: новый взгляд на городскую повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, вып. 4. С. 301—311.
 (Martsinkovskaya T.D. Urban capital and the chronotope of the city: a new look at urban everyday life, *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, vol. 11, iss. 4, pp. 301—311. — In Russ.)
 Осьмухина О.Ю. Специфика авторинтерпретации в романе Э. Лимонова «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 3. С. 865—870.
 (Osmukhina O.Yu. Specifics of autointerpretation in the novel "The Teenager Savenko, or Self-Portrait of a Bandit in Adolescence" by E. Limonov, *Philology. Theory&Practice*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 865—870. — In Russ.)
 Осмухина О.Ю. Хронотоп города в детективных романах Н. Свечина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24, вып. 3 (2). С. 283—293.
 (Osmukhina O.Yu. The Chronotope of the City in N. Svechin's detective novels, *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2023, vol. 24, iss. 3 (2), pp. 283—293. — In Russ.)
 Поршнева А.С. Изучение художественного пространства: стратегии и алгоритмы // Иноязычный дискурс: проблемы интерпретаций и изучения: сб. науч. тр. Екатеринбург: изд-во Урал. Ун-та, 2010. Вып. 2. С. 96—115.
 (Porshneva A.S. Exploring the art space: strategies and algorithms, *Foreign language discourse: problems of interpretation and study: a collection of scientific papers*, Ekaterinburg, 2010, iss. 2, pp. 96—115. — In Russ.)

CHRONOTOPE OF THE CITY IN THE WORKS OF E. LIMONOV (based on the novels “Teenager Savenko, or Self-portrait of a bandit in adolescence” and “It's Me, Eddie”)

Regina A. Kadeyeva

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, reginakadeyeva@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the key features of the chronotope of the city in E. Limonov's novels. The article uses the following methods: comparative-historical, typological, method of holistic analysis of the artwork. As a result, it is established, firstly, that the chronotopes of small and big city become key for the novelist's works of the emigrant period. Secondly, in the novel “Teenage Savenko...” the topography of the city is built by creating a special topographical continuum and extreme detailing of topographical descriptions. The chronotope of the small town is built on the structure of the chronotope of the House and becomes the background for the psychological and physical formation of the hero. Thirdly, the novel “It's me, Eddie”, unlike “Teenager Savenko...”, presents the chronotope of the big city, which is constructed according to the city-world model. The city here is represented through the prism of the consciousness of an emigrant writer by a localized topos, which shows the life of the Russian emigration of the “third wave”. Finally, in both novels the city as a key spatial component is not just a background for the unfolding of numerous fateful events, but also a semantic center, a catalyst for the unfolding plot.

Keywords: Russian prose of the late 20th century, Limonov's prose of the emigrant period, novel, chronotope of the city, chronotope of the House

For citation: Kadeyeva R.A. Chronotope of the city in the works of E. Limonov (based on the novels “Teenager Savenko, or Self-portrait of a bandit in adolescence” and “It's me, Eddie”), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 16—23.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 11.05.2025.

The article was submitted 14.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 11.05.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Кадеева Регина Альбертовна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия, reginakadeyeva@mail.ru, SPIN: 6054-0436

Kadeyeva Regina Albertovna — post-graduate student of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, reginakadeyeva@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 24—36.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 24—36.

Научная статья

УДК 821.161.1"20":82.09

EDN <https://elibrary.ru/sbhauq>

DOI: 10.46726/И.2025.3.3

ЛАБИРИНТ ЛИХТЕНФЕЛЬДА (к 25-летию «Путешествия из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда»)

Елена Михайловна Тюленева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению знакового произведения в поэтическом корпусе Б.Е. Лихтенфельда, во многом определяющего его эстетические принципы и поэтику. «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда», рассматриваемое в своей юбилейной точке, предстает активно резонирующим с современностью и вместе с тем эпически ее предвещающим. Книга, имеющая синтетическую жанровую природу и сложно организованную структуру, представляется неким многоверсионным пространством для размышления. В попытке выработать подходы к анализу текста предлагается исходить из его ключевого концепта «лабиринт» и, соответственно, «лабиринтного высказывания», определяющего акцентированием рефлексивности и процессуальности в противовес нарративности и финальности. Этот ракурс позволяет выявить и описать основные текстовые параметры: условное время-пространство, отказ от верификации реальности; амбивалентность лабиринта (тупиковость — ресурсность); тезаурус как основной принцип организации с его сосредоточением на процессуальной плотности и веществе текста-лабиринта; пульсирующая субъектность, ускользающая от идентификации. Вскрывается свойственная поэтике лабиринта потребность в ином типе языка, поиск которого в тексте сопровождается наблюдением за ослаблением референциальности прежнего. Одним из способов обретения нового языка является использование формы уже концептуализированного высказывания (радищевского «Путешествия») и расширение его возможностей через поливерсионность. Так «Путешествие» становится и жанровым определением, и больше — типом высказывания. Это позволяет, сохраняя форму и интригу лабиринта, максимально открыть текст, представив его полем для оформления/реализации читательской субъектности.

Ключевые слова: Борис Лихтенфельд, «Путешествие из Петербурга в Москву», лабиринт, тезаурус, мотив путешествия, процессуальность

Для цитирования: Тюленева Е.М. Лабиринт Лихтенфельда (к 25-летию «Путешествия из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 24—36.

Четверть века назад в 2000 году в издательстве Виктора Немтинова в Санкт-Петербурге вышло «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда», над которым автор работал с 1983 года. Эти два десятилетия до выхода, составившие контекст книги, и два после, сопутствующие ее прочтению, как будто очень разные, но смыкающиеся сейчас в момент 25-летия «Путешествия», заставляют ее по-особенному резонировать в актуальном

проблемном поле и обретать дополнительную эпичность, поскольку время овеществляет путешествие, события-станции в нем начинают повторяться в новом цикле уже для читателя и узнаваться как собственные. Так оформляется эффект эха, который был спрогнозирован в тексте:

Реальность отразилась до
явления собственной персоной (138)¹.

Контрапунктные в книге эхо и отражение, создающие резонирующее пространство, образуют тезаурус *лабиринта* — ключевого, во многом пророческого концепта «Путешествия». По лабиринту в тексте блуждают и автор, и персонажи, и время, и история; в него попадает и остается без выхода читатель. И именно лабиринт как активная форма и *лабиринтность* как процедура в полной мере реализуются и даже овеществляются в «Путешествии» сегодня: перед нами пространство, охватывающее полвека и удерживающее на параллельных витках «тогда» и «теперь»: причины и следствия, предчувствия и события, ожидания и реакции.

Ядерный центр этого лабиринта, безусловно, субъектность, это ее голос и молчание порождают и отражения, и резонанс. Но здесь субъектность пульсирующая — неидентифицированная, вариативная, проходящая на наших глазах этот путь в половину столетия и теряющаяся в своих определениях. Это субъектность, познающая себя и так и не обретающая свои границы, поэтому способ ее существования — повтор, кружение («Мы ведь по кругу живём, как не раз я уже замечал: / значит, чем дальше уходим, тем ближе подходим к тому же» (53)). Но этот провал самоидентификации не случаен, потому что авторская стратегия направлена на другую оформляющуюся субъектность: *лабиринт Лихтенфельда* — это уникальное пространство для интеллектуальной рефлексии и субъектного становления читателя. И выход из этого лабиринта только метафорический — это само читательское путешествие в нем, а не по нему, поскольку текст не о выходах и не о рецептах, а о размышлении.

Культурологическая плотность «Путешествия» столь велика, что одной статьей его не охватить и книга ждет своего комментария. Попытаемся здесь обозначить лишь некоторые координаты этого комментария: основные текстовые параметры, определяющиеся тем акцентированием рефлексивности и процессуальности в противовес нарративности и финальности, которое и создает *поэтику лабиринта*.

Прежде всего, это максимально условное время-пространство («в реальность мои слова / только тени отбрасывают как условности, только тени» (199)), возникающие пересечения с исторической реальностью тут же ставятся под сомнение и усложняются вероятными интерпретациями, контекстуальными или интертекстуальными параллелями. Отказ от идентификации реальности не только характерный способ выхода к эпическому обобщению, но даже в большей степени попытка проложить путь к невыразимому, если не через детерминированность, то через возникающую в повторении рецептивность: вчувствование, вслушивание, всматривание — доверие повтору:

Слово бродит в крови, растворяется в призрачном гуле
языка, чтобы явственной пульс проступил несказанного,
чтобы признаки жизни в тумане письма потонули
и в других обстоятельствах были описаны заново (4).

¹ Здесь и далее текст цитируется по изданию: [Лихтенфельд 2000] с указанием в скобках страниц. Все подчеркивания в цитатах мои. — Е. Т.

Условность поддерживается амбивалентностью лабиринта: здесь и плутание в неопределенности координат, и ускользание искомого направления, и комплекс препятствие/опасность/страх, сопряженный с поиском выхода, в том числе духовного, и мнимость выхода или близости к нему (имея в виду спиральность лабиринта), а соответственно, миражность, порождение выхода при столь же устойчивом обнаружении тупика, ложного выхода или кризиса безвыходности. Блуждание, препятствие и тупик напоминают о присутствии необжитого/неосвоенного, или чужого, которое нужно освоить, при том что на новом витке блуждания этим чужим может выглядеть и уже пройденное. С другой стороны, лабиринт — поле вероятностей, интерпретаций, возможностей, то есть роста и генеративности, в особенности, когда речь заходит о лабиринте языка или «симпатического письма» (литературы), всегда хранящего потенциал проявления. Так лабиринт становится зоной постоянного мерцания искомого, балансирования на границе излишка и недостатка, приращения и опустошения.

Нестабильность, опасность, но и ресурсность лабиринта обнаруживается сразу, как только в него попадает читатель: заметим его отчетливо выраженную покинутость в неслучайной, почти инициационной — высшей точке (последний этаж):

Автор всё рассчитал, чтобы сцену покинуть в прологе.
Адресат, в лабиринте оставленный без комментария,
на последний этаж поднялся. Прилепясь по дороге,
 отклик в сердце тревожном нашла Валентинова ария (8).

Но еще интереснее позиция автора-проводника: она буквально деятельная, даже наглядная — опоясывающей рифмовкой он формирует круги лабиринта, дважды окружая ими адресата. Но оставляет его в сильной позиции (в начале внутренних строк) и на самом деле дарует ключи: рифмующиеся концовки *в прологе — в дороге* и *комментария — ария*, по сути, являют два знаковых мотива текста — *путешествие* и *голос*. Причем в путешествии главное, как мы уже поняли, дорога (процесс), а в комментарии — собственная продуктивность его элемента (ария буквально входит в форму *комментария*) как чистая рефлексия, к слову, тормозящая действие и потому в своей самодостаточности эквивалентная дороге. Читателю остается только увидеть эти ключи. Или уловить их при повторном прочтении-прохождении через этот круг лабиринта вновь — такая возможность в тексте предусмотрена:

Пусть второе прочтение, сверив исходные числа,
 ледяной обступившие дом бытия допотопного,
 проберётся сквозь них к средоточию скрытого смысла
по его отпечаткам среди скопища слов многостопного! (9).

Как и обнаружение других ключей, спрятанных в тексте («Какая сила всё-таки заключена в бумаге!» (4)), их поиск может стать самостоятельным смыслом путешествия.

Но в предыдущем фрагменте был еще один важный момент. Двойственность авторского жеста (оставление и дарование шанса) эпически расширяется через почти архетипическую тревожность, которая всегда возникает при подключении константных знаков культуры: ария Валентина из оперы Ш. Гуно «Фауст» — это мольба уходящего на войну брата о защите Маргариты, остающейся без его поддержки. Но уже и само периферийное мерцание фаустианской

проблематики способно породить тревогу. Вот он — информативный излишек лабиринта, буквально с первых строк раскачивающий интерпретацию и выявляющий новые сцепления, а значит, новые повороты, уводящие адресата от выхода. И в следующем фрагменте, как мы видели, этот излишек поддерживается «многостопным скопищем слов», которое в свою очередь и семантически, и фонетически проявляет некую плотность, ассоциативно поддерживающую стены лабиринта.

Текст в целом строится как тезаурусное высказывание — в том смысле, в каком говорят о тезаурусе Вал. и Вл. Луковы и М. Эпштейн [Луков Вал., Луков В.; Эпштейн], — формирующее вокруг ценностного ядра неиерархизированные и ситуативно структурированные круги, удерживаемые аксиологической значимостью для ядра. Будучи во многом случайными, ассоциативными, ненадежными, эти круги подвижны, могут приближаться и удаляться, порождать собственные тезаурусы с собственными ядрами или отвергаться, опустошаясь — в зависимости от близости к ценностному реестру обнаруживающего их субъекта (от автора, ситуативного нарратора и до любой субъектной формы, получившей активность в тексте). Таким способом «Путешествие» может и содержательно, и формально реализовать авторскую концепцию. В содержательном плане конкретика (внутренний сюжет) должна через сеть расходящихся и умножающихся версий постепенно «раствориться, перейти в некую обобщающую картину» [Лихтенфельд], продемонстрировав тот вариант существования реальности и текста, в котором *картина жизни* преобладает над *историей жизни* [Эпштейн: 49]. А в формальном плане путешествие подается через россыпь символических образов (современных, исторических, архетипических); введение артефактов (письмо, памфлет, документ, протокол и др.) и метафорических каталогов (классный журнал, гербарий, календарь, сонник и др.); графическое воссоздание объектов, фактуры или стилистики (стоящая отдельного исследования работа с визуальными формами текста, палиндромами, анаграммами, комментариями в сносках, рукописными заметками на полях, финальным кроссвордом и др.). На выходе мы имеем *вьющийся текст*: вьющийся вокруг главных тем и связывающий повторяющиеся мотивы, не ориентирующийся на линейный сюжет, а проговаривающий нюансы и вариации самой темы («по лабиринту блуждаем всё тех же ветвящихся тем» (46)). Распаковка темы и ее приоритетность постепенно замещают фрустрацию от невозможности выхода, неуловимости знания, в том числе невозможности узнать правду о свершившейся катастрофе.

Катастрофа — одна из тех внутренних тем, которые образуют собственные тезаурусы. По эмоциональному накалу она соответствует безвыходности, а поэтому выступает одновременно и источником рефлексии, и ее сублимацией, и причиной, и результатом. Она, как и все в тексте, версионно преломляется и отражается в нескольких параллельных историях. Разветвляется и ассоциативный ряд — подключается мистериальность с выходом сразу в 3 связанные темы: *сон* (в свою очередь ведущий к потусторонности); *Петербург* (петербургский текст и один из его компонентов — связка речи с рекой, водой, разливом); *готика* (с одной стороны, вводящая зловещую атмосферу, напряжение и необъяснимую тревогу, обречённых героев и зловещих антагонистов, маски и призраки, мотив видения и проч., а с другой — тот символично-аллегорический способ мышления, который высвобождает скрытые смыслы). Обобщая этот катастрофический тезаурус, можно даже определить «Путешествие» как петербургскую готическую поэму. Интересно, что этот ракурс подается автором,

стремящимся уйти от жанровых определений «Путешествия», как интуитивно ощущаемый, как будто рождающийся сам собой из того самого «скопища слов многостопного»:

Дело даже не в том, что словесность небесною манной
засыпает рассудок невнятными снами о логосе,
и не в том, что минувшее за пеленою обманной
прячет истинный смысл, а в каком-то готическом фокусе (4).

Не случайно на одном из текстовых кругов возникает Пушкин с «Пиром во время чумы», а на другом палиндром: «Готика как итоГ» (69).

Такого рода сосредоточение тезаурусного высказывания на процессуальной плотности текста, проявлении его компонентного состава и форм, замедлении текста и овеществлении времени («Время тот клад заповедный, тезаурус тот многозначный» (168)) в проработке катастрофы дает очень важный эффект: осуществляется удержание самого состояния катастрофы, ее «мяса», фактуры. На это же работает одновременное хронологическое разведение (предкатастрофа, после нее), и неразличение «до» и «после» — все существует одновременно, в круговерти: можно что-то выхватить и различить, но нет уверенности в точности этого различения. Поэтому мысль вновь и вновь возвращается к произошедшему, а читатель — в текст. И в этом удержании текста (и читателя) от выхода из катастрофы как лабиринта есть идея изживания травмы, точнее — выработка языка ее изживания. «Перечитывать — значит читать, всё заранее зная...» (35) — задача не узнать о произошедшем, а найти адекватный способ его озвучивания («Страшнее любой катастрофы последующая тишина» (48)) и подлинного проживания, которое одновременно и невозможно в словах (за их опустошенностью) и только в них и возможно (потому что за словами язык).

Собственно, проблема словесной адекватности и потенциальных возможностей слова в «Путешествии» важнейшая. 4 часть, посвященная диалогам-размышлениям о литературе, содержит серию фрагментов с начальными «вот он», в каждом 50 строк, каждый представляет собой некий каталог:

Вот он, классный журнал — на азы и часы разграфлённый период
жизни в предчувствии жизни, забытья колыбельная зыбь,
тавляя тавтологий фигурных, мозаичная клавиатура
иллюзорных аллюзий, внедрённых в алфавитный порядок фамилий <...>
(158).

Вот он, атлас альтернатив, альманах испытаний грядущих,
лоция чистого разума — гряды безвозвратных глаголов,
оборванный на полуслове дневник экспедиции канувшей <...> (162).

Вот он, гербарий альпийских буколик, безгласно трубящие знаки,
геральдика поросли гиблой, родословное древо беды,
на утро и вечер с полуночи свои распростёршее ветви,
цедящее жухлой листвою разлив безмятежной прелюдии <...> (167).

Список продолжают сонник, трактат, календарь, сказ. В атласе альтернатив в связке с водой и корабельностью как будто проявляется еще и Ноев ковчег с его встроенной тезаурусностью. Есть еще своеобразное отражение этих каталогов в первых частях книги: с начальным «вот он(а)» появляются первая молния, гром, он (учитель), оно (лицо), жребий. Как видим, демонстрируется само

собираение компонентов и его принцип: указательное «вот он» ориентирует на поиск определения, уловления того самого искомого имени, которое может попасться в сети этих разносторонних пояснений.

Тезаурусный принцип объясняет и пульсирующую субъектность, ускользающую от идентификации, о которой мы говорили. Нестабильность персонажа обеспечивается работой тезауруса: его имя неуловимо в умножающихся наименованиях, как неразличимы границы в расходящихся кругах определений. Персонажи-голоса по лабиринтной логике резонируют и подменяют, замещают друг друга. Формируется многослойная персонажность (герои-антагонисты, двойники, маски, дублеры) и полифония звучащих в тексте голосов — как нарративных, формирующих разножанровые и разностилевые фрагменты повествования, так и условно персонажных (субъектных и даже объектных). «Вообще, “автор” часто сам не понимает того, о чём говорят его персонажи, то есть просто предоставляет возможность разбираться им между собой», — комментирует Б. Лихтенфельд свой текст [из переписки]².

Оказавшаяся под вопросом субъектность проблематизирует и определение любых нарративных границ. Сюжетные линии ощутимы, но нет уверенности в точности их идентификации как с точки зрения нарратора и участников, так и в плане начала или окончания. Есть как будто несколько историй: два персонажа, разлученные катастрофой; «ты» и «я» — возможно, они же, но одновременно их дубли в какой-то другой реальности; «я» и «она»; «я» и голландский славист (он же архивариус), приехавший в поисках материала о Рыжебородом (Учителе). В последнем хочется угадать Л. Аронзона, но как всякая фактография, чуть возникая, эта привязка рассеивается во множестве вариантов. По замечанию Б. Лихтенфельда, «важно было, чтобы Учитель не воспринимался как поэт, а просто как центральная фигура в некоей среде». Но более того, «Рыжебородый сам не присутствует — только *о нём*» (см. «Отзвучала та жизнь в голосах своих местоименных» и сноски к этой фразе «я, ты, она, о нем, они, некто, нечто» (91)) [из переписки]. Таким образом, нестабильность субъектности усложняется еще и метонимизацией — замещением персонажа его признаком (рыжебородостью) и далее местоимением. О том, как в этом случае строится ассоциативная логика тезаурусного высказывания, свидетельствует комментарий самого Б. Лихтенфельда: «Учитель, конечно, не Аронзон — но речь дерптского парадоксалиста (“Нотариуса”) навеяна услышанным в музее Достоевского — от Александра Альтшулера на вечере памяти Аронзона и от Сергея Аверинцева на вечере памяти Бахтина. Первая поразила каким-то божественным косноязычием, а вторая какой-то несосредоточенностью на объекте — как бы о чём-то другом. Первый вариант “Леты подо льдом” появился в 1982 году. Тогда ещё замысла не было. Потом пришлось её переписать заново, значительно удлинить и приспособить к целому <...> Голландского слависта я позже определил как “архивариуса”. Эти определения — архивариус и нотариус — возникли как воспоминание о визите Б.И. Дышленко в нашу с Эрлем котельную на Мойке, 65» [из переписки].

Тезаурусная организация текста объясняет многочисленные и технически разнообразные нарративные сдвиги, перебивы, наслоения. Так показательный слом наррации сопровождает воспоминание о последней встрече с НЕЙ: два крупных текстовых фрагмента на с. 58—90 и 93—146 заключены в квадратные

² Комментарии Б.Е. Лихтенфельда, данные в личной переписке с автором статьи, публикуются с его разрешения и сопровождаются пометкой в скобках «из переписки».

скобки. Этот жест многофункционален: он прерывает диалог со славистом, одновременно и выводя воспоминание за пределы ведущегося повествования, и погружая его внутрь себя, к своей трагичности, а потому закрытости от всего внешнего; создавая драматургический эффект слова «в сторону» или «про себя» и усложняя рецептивную оптику параллелизмом двух как будто разных, но объединенных общей катастрофичностью историй. А визуально форма квадратных скобок, ограничивающая и концентрирующая взгляд (как в объективе), становится отражением обращенного в небо или вечность взгляда «я», появившегося еще в начале текста:

Пристальным взором бледнеющей поутру выси небес
часто блуждаю: всё — без толку. Значит, жива ты. Иначе
весть подала бы, означилась как-то, быть может, перо
в потустороннем парении мне обронила бы (22).

Парадоксальное заключение «значит, жива ты. Иначе / весть подала бы» в этом фрагменте — сильнейший способ заставить текст (не говоря о читателе) вибрировать, а в соотношении с заключенными в квадрат этого взора-объектива отрывками позволяет обнаружить многозначность того оброненного *пера*, которое ждет герой. Если сначала в нем видится ангельское оперение, символизирующее смерть, то при повторном обращении перо представляется почти в державинском (лебедином) контексте как своеобразный дар слова — им пишется то горестное воспоминание о последней встрече.

В фарсовой части наррация подрывается жанровой формой — памфлетом, условно сочиненным призрачным «ты» (он же злоязычный Мом, как подсказывает Б. Лихтенфельд). Здесь персонажи попадают еще и в лабиринт масок, усложненный неразличением полифонии и какофонии голосов: в полилог вступают Странноприимный дом, Лицо грядущих катастроф, Мычание, Нетленных ценностей гармония, Рука провидения и другие пародийные персонажи. При этом «персонажей в фарсе не так много — десяток, кажется. Просто они всё время меняют имена (или маски)» [из переписки]. Памфлет на одном круге прочтения воспроизводит самиздатовскую и перестроечную полемику (овеществляя в тексте ключ от лабиринта в жанровой форме романа с ключом): «В абреже к третьей части и в перечитываемом письме в первой части памфлет назван Большою Игрой — и в том, и в другом спустя 40 лет узнаются предчувствия катастрофы и судьба Рыжебородого» [из переписки]. А на другом витке — воссоздает звучание общецивилизационного хаоса: «“Странноприимный дом”, “Лицо грядущих катастроф” и прочие символические фигуры в апофеозе — это некие фантомы, порождённые общим базаром, летящие в трубу» [из переписки]. Фантомность, смена масок и голосов замутняет и реальность, и героев, как и наррацию в целом, буквализуя при этом лабиринт: теперь уже собственно персонажи становятся его виртуальными стенами, образуя круговерть. Здесь важен этот новый уровень неразличения: субъектность побуждает искать выход из лабиринта, но она же и создает этот лабиринт — и даже не метафорически, а буквально своей телесностью.

Своеобразным дублем этой фарсовой полифонии становится цветочный флирт в 4 части:

Подорожник (О р х и д е е):
Мы увязли в сверхидее.
Вероника (Г л а д и о л у с у):
Надо внутреннему голосу
доверять!

Лютин (Я с н о т к е):

Но и в нём не всякой нотке!
Долг наш — для небесных воль
слух открыть.

Желтофиоль

(Ж ё л у д ю): Ужель смирились
вы с утратой?

Амарилис

(Р у т е): Так вот, без насилия,
всё Отнюдь отнимет.

Лилия

(А н д р о г и н у): Говорите
тише!

Ирис (М а р г а р и т е):

Ой, мурашки...

Лебеда

(Т м и н у): Век наш лапидо-

Архивариус (К р а п и в е):

Всем у вечности в архиве
хватит места! <...> (169)

Как видим, гротесковым умножением сущностей или нейтрализацией различий дело не ограничивается, имена-названия цветов-голосов вплетаются в ткань текста, включаясь в рифму и создавая графичность. И вновь можно говорить о формировании вещества текстового лабиринта, строительным материалом для которого здесь оказывается голос/слово. А с другой стороны, овеществленный повтор проявляет ритм, который уже сам ведет за собой и предсказывает новый повтор-поворот.

Своеобразным ритмообразующим элементом становятся и надписи на полях книги, стилизованные под рукописные, подобные тем, что оставляют читатели (реакции, комментарии). А в случае библиотечного чтения или в сканированном варианте эти надписи выглядят еще более аутентично, как будто их действительно сделал предыдущий читатель. Здесь подключается прагматика текста, превращая потенциальный диалог в уже идущий. Как поясняет Б. Лихтенфельд: «Надписи на полях по замыслу должны были дать некий взгляд сверху на весь лабиринт, или ещё чьё-то ироничное прочтение апостериори» [из переписки]. Думается, этот дополнительный графический слой действительно через паузу остранения как будто перезапускает текст и его ритмический рисунок. Как, кстати, и любые формы упомянутой автором иронии среди прочего работают на перебив ритма или создание дополнительных ритмических вариантов. Тот же принцип полиритмичности поддерживается серией перекрестных ссылок и примечаниями на обороте обложки книги. «Разночтения, которые жалко было потерять» [из переписки], — характеризует их автор, определяя вместе с тем и принцип тезаурусной поэтики.

Семантическое раскачивание, сопровождаясь фонетическим и визуальным, создает характерную энigmatичность текста, соотносимую с ворожкой, инвокативностью, ритуальностью. Так, Е. Панкратова говорит об уподоблении текста «Путешествия» «ритуалу или заклинанию, где слова важны как составляющие заговора» [Панкратова], а М. Гарбер замечает мантрическое повторение, заклинание в более позднем сборнике стихов Б. Лихтенфельда «Одно и то

же» [Гарбер]. Выведение на первый план этой речетативно-ритмической составляющей вместе с тем не самодостаточно, как можно предположить, исходя из лабиринтной или тезаурусной логики. Через генетическое и функциональное сходство с подобными вербальными первоформами обнаруживается потребность в другом типе языка, который улавливается как некое божественное косноязычие, а потому орнаментален, длиннотен:

... Понимаю, как непонятны
 для вас мои объяснения, но чем они длинней,
 тем ближе подходят слова к тому, что пытаюсь
 посредством их выразить, чем хочу овладеть.
 Не сам ли русский язык тяготеет к длинной дороге? (148—149).

В финальной 4 части с размышлениями о русской литературе появляется формула «язык в языке». Ключ к нему герои (диалог и двойничество которых организует текст) обрели в детстве, на нем «взросли и выросли» (168).

Процесс поиска нового языка сопровождается наблюдением за ослаблением референциальности старого: «Так реальность, развоплощаясь, разрешает слова от уз, / и они получают волю выбирать любые объекты» (58); функционал языка смещается: «Назначение языка — поглощать, а не воплощать» (54), «суть была не в словах» (68), «Слова невняты, но / все памяты оттенки» (175), и в целом словарь воспринимается как условный (67): именно он дает возможность порождать и множить лабиринтность, обнаруживая параллели, связки и ассоциации в многозначности, фонике, графике словоформ.

Выходит, не смысл, до него вдруг доходит,
 из круга выводит, а ритм,
 и вняв, на прямую дорогу выходит,
 где Я говорю говорит.
 И я обращаю из этой гудящей
 нечленораздельной толпы
 к концу, то есть к тайне, всё так же манящей,
 не слово уже, а стопы (203).

Связка ритм — дорога — Я-говорящее в финале текста закольцовывает уже сам текст, одновременно как будто и открывая тайну, и оставляя ее манящей. Здесь же в открывающемся преимуществе опространственного слова проявляется и тот символический образ, который неоднократно возникает в книге, напрямую связан с путешествием семантически и уже мерцал даже в наших размышлениях, — стопы. «... обращаю ... не слово уже, а стопы» — это и явление в тексте нового языка, организованного ритмом, и рождение текста, из слова обретшего форму, и наконец — обретение пути, направления, своей *поступи*. Так последовательно через стопы проявляется *путешествие* — основной концепт произведения и его не менее концептуальный претекст — «Путешествие из Петербурга в Москву», вбирающий литературные, исторические, социальные слои и составляющий свой тезаурус.

Момент его оформления так же неоднозначен, как и все в этом тексте. Узнавание радищевского текста может произойти и в другой момент, коль скоро речь идет скорее о концептуальном типе литературного размышления и склонности «русского языка к длинной дороге», нежели о прямых переключках со знаковым текстом Радищева. Хотя, конечно, в тексте немало прямых и косвенных отсылок и аллюзий, к слову, образующих самостоятельное текстологическое

путешествие: и обязательное для поиска «чудище обло», как и финальное «Москва! Москва!!!...», и «Уязвлённый гляжу я окрест...» в паре с «Воспрянул бы я от уныния...», и распаковывающаяся «Черная Грязь на полях» (наброски, пометки на полях страницы отзываются в названии последней станции в «Путешествии» Радищева перед Москвой, да и собственно полями вдоль дороги). Несколько спрятанных отсылок открывает в переписке сам Б. Лихтенфельд: немного перефразированная цитата «О, где всё девалось, что сердце прельщало?» (6) или прямая, но переведенная в стихотворную форму: «И все, что зрим, преидет; / все рушится, все будет прах. / Но некий тайный глас вещает мне, / пребудет нечто / вовеки живо» (149), которая, в свою очередь, отзывается в другой радищевской фразе, идущей через фрагмент: «О, сколь сладко незвительное чувство скорби!» (149). К слову, выделенные курсивом и заключенные в кавычки (или в скобки, как аллюзивная фраза «О! если то не ложно» (206)), они поддерживают характерные текстовые отражения и, объединяясь, вступают в диалог с основным текстом. В строке «Вот туда-то встарь и повадились разночинные волки» (149) — отсылка к Волкову полю (Волковскому кладбищу), на котором похоронен Радищев. А «пуговицы светлые» — это пуговицы Радищева, чищенные царской водкой.

Эффектно проявляется сам Радищев — как демонстрация того симпатического письма, которым владеет поэт:

Вещий дар изначален,
и краткое нечто, в нём заключённое, полувнятно,
<...>
Итак, остаётся слитно прочесть с конца, опуская
эту деталь маловажную, чтобы, явясь на вызов,
вольнлюбивый титульный профиль выступил ясно.
А любую страницу открыть — зима стоит у порога,
и вся эта метастрана дорогою тысячевёрстой
тягостно тянется мимо, ибо во всей этой книге
только один разворот интерес представляет — место,
пропущенное сквозь время, которое больше не будит
воображения (205).

Предварял его появление намек в заголовке 4 главы: «Ключ седьмой и последний, или Вещий даР читать на полях отчизны» (152). Палиндромом спрятанный Радищев («остаётся слитно прочесть с конца» Вещий даР), является на вызов («вольнлюбивый титульный профиль») вместе с его «Путешествием» по тысячевёрстой дороге. Дорога, кстати, связывается внутренней рифмой с порогом, у которого зима (препятствующая нашим дорогам стать подобными римским, и не иркутская ли в том числе?).

Впрочем, интертекстуально все дороги и путешествия русской литературы найдутся здесь — и к радости начитанного читателя, и как способ реализации заданного типа литературного высказывания. Радищевское путешествие как прецедентный в этом смысле текст дает возможность концептуализации и определения этого высказывания. «Всё понять можно только снаружи, / то есть выход из текста найдя, когда слово исполнится» (8) — так удачно найденное наименование собирает текст и улавливает его механизм. Как подчеркивает Б. Лихтенфельд, «название “Путешествие из Петербурга в Москву...” возникло ближе к концу и стало скорее всего чем-то вроде жанрового определения (понятия “романа в стихах” я всячески избегал)» [Лихтенфельд 2011]. Почему этот лабиринтный текст не мог быть романом в стихах, мы теперь

понимаем. Но важно и другое уточнение автора: «добавлю, что и стихами “Путешествие...” не считаю. Это просто некий текст, иногда рифмованный, иногда слегка ритмизованный, который я писал в счастливой уверенности, что он когда-нибудь замкнётся» [из переписки].

Однако «Путешествие» оказалось открытым текстом и стало источником генеративных проекций и отзвуков в других произведениях Б. Лихтенфельда, написанных позже. В этом смысле книга может рассматриваться и как своеобразное ядро авторского тезауруса, и как катализатор внутреннего диалога поэта со своим текстом. Так, например, фрагмент «Лета подо льдом» отзывается стихотворением «Мысль изреченная есть лед...», открывающим поэтический сборник «Метазой» (2011). В нем же, а также в сборнике стихов «Одно и то же» (2017) продолжают развиваться проблемы языка, его референциальности («Извлеченная суть бредит-бродит, места себе не находит / в общей сутолоке письма» и здесь же «Жизнь, словами заросшая» [Лихтенфельд 2011: 6]) и опасного потенциала («Поняв, оставайся не понят! / Язык обретая, молчи!» [Лихтенфельд 2017: 8]); получают новые интерпретации мотивы чуждости/чужеродности жизни, игры с судьбой, «опыт отсутствия долгого» [Лихтенфельд 2017: 55]; прирастает петербургский текст; появляются знакомые образы ключа для расшифровки, лабиринта (с отсылкой-добавлением Мандельштама), сюжета как парка, школярской тайнописи и других. О своеобразном варианте тезауруса можно говорить и применительно к композиции сборника «Одно и то же», каждый раздел которого начинается со стихотворения, написанного в 1980 годы, и его тема далее развивается серией новых текстов, составляющих мини-цикл. М. Гарбер в рецензии на сборник связывает этот прием с заголовком — «Одно и то же» — и сознательным жестом: созданием контрапункта, эха, заклинания, все это в сумме дает некое повторение, или, как мы бы сказали, разветвление лабиринта/тезауруса («Ветвятся и вьются» некие неназванные сущности, может быть, мысли в одном из текстов сборника). Поэтому «много раз проговорённое “одно и то же” на поверку оказывается своеобразным и неожиданным» [Гарбер].

Открытым остается «Путешествие» и для интерпретаций. В том числе того, что нам удалось прокомментировать, и того, что осталось пока за пределами наших размышлений. А это не менее важные и интересные аспекты: авторское «объяснение в любви к русской литературе (со страхом аккумулятивной в ней энергии)» [из переписки]; энциклопедия интертекстуального взаимодействия с текстами культуры (литературы, философии, истории); взаимоотношение петербургского и московского текстов; мистериальные путешествия героев и самого текста; парадоксальный образ кроссворда, ценностно противопоставленный лабиринту, но продуктивно демонстрирующий авторский интерес к потенциалу словесной формы и словесной игры; иронический подтекст и паратекст произведения (к примеру, вынесенная на оборот титула признательность «Благодарим г-на Шарля Тана за обстоятельную научную консультацию» — имя консультанта стоит читать слитно); сложный заголовочный комплекс с аббревиатурой, в котором основные темы и внутренние заголовки являются своеобразными версиями того, что происходит в главах, или намеками/подсказками/ключами; визуальные и графические текстовые эффекты, которых гораздо больше, чем мы смогли упомянуть. Так или иначе, лабиринт Лихтенфельда, созданный как пространство путешествия, всегда будет вызывать к своему комментатору, и его финал — это всегда начало:

И ты, любезный, не уходи. Твоё лишь место
пока пустует. Но всё готово уже, ты слышишь?
Квартет настроен и начинается. Вот и место,
с которого, помнишь, тебе вступать? (207).

Список источников

- Лихтенфельд Б. Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда. СПб.: Издательство Виктора Немтинова, 2000. 209 с.
- Лихтенфельд Б. Метазой. Стихи. СПб.: Юолукка, 2011. 152 с.
- Лихтенфельд Б. Одно и то же. Стихи. СПб.: Юолукка, 2017. 128 с.
- Лихтенфельд Б. Избранные стихотворения // На середине мира [Сайт Н. Черных]. URL: <https://seredina-mira.narod.ru/likhtenfeld21.html> (дата обращения: 20.06.2025).
- Лихтенфельд Б. Автобиография // Лица петербургской поэзии: 1950—1990-е. Автобиографии. Авторское чтение / сост., отв. ред. Ю.М. Валиева. СПб.: Искусство России, 2011. URL: <https://borislichtenfeld.narod.ru/index/0-2> (дата обращения: 20.06.2025).

Список литературы / References

- Гарбер М. Язык обретая, молчи. Рецензия на кн.: Лихтенфельд Б. Одно и то же. Стихи. СПб.: Юолукка, 2017. 128 с. // Эмигрантская лира. 2018. № 2 (22). URL: <https://emlira.com/22-2018/marina-garber/yazyk-obretaya-molchi> (дата обращения: 20.06.2025).
- (Garber M. Acquiring a language, keep silent. Review of the book: Lichtenfeld B. The same thing. Poems. St. Petersburg, 2017, 128 p., *Emigrant lyre*, 2018, no. 2 (22). — In Russ.)
- Луков Вал., Луков Вл. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Национальный институт бизнеса, 2008. 784 с.
- (Lukov Val., Lukov Vl. Thesauri: Subject organization of humanitarian knowledge. Moscow, 2008, 784 p. — In Russ.)
- Панкратова Е. Лихтенфельд Борис Елизарович // Литературный Санкт-Петербург. XX век: энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред.-сост. О.В. Богданова. СПб.: Книжная лавка писателей, 2019—2021. [Электронное издание]. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/i-933/lihtenfeld-> (дата обращения: 20.06.2025).
- (Pankratova E. Lichtenfeld Boris Elizarovich, *Literary St. Petersburg. XX century: encyclopedic dictionary in 3 vol.*, ed. by O.V. Bogdanov, St. Petersburg, 2019—2021. — In Russ.)
- Эпштейн М. Жизнь как нарратив и тезаурус // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 4. С. 47—56.
- (Epstein M. Life as a narrative and thesaurus, *Moscow psychotherapeutic journal*, 2007, no. 4, pp. 47—56. — In Russ.)

**THE LABYRINTH OF LICHTENFELD
(on the 25th anniversary of “Journey from St. Petersburg to Moscow
in Boris Lichtenfeld’s interpretation”)**

Elena M. Tyuleneva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the interpretation of a landmark work in the poetic corpus of Boris Lichtenfeld, which largely determines his aesthetic principles and poetics. “Journey from St. Petersburg to Moscow in Boris Lichtenfeld’s interpretation”, considered at its 25th anniversary, appears as actively resonating with the present while at the same time epically anticipating it. The book, having a synthetic genre nature and a complexly organized structure, is presented as a kind of multi-versional space for reflection. In an attempt to develop approaches to the analysis of the text, the author proposes to proceed from its key concept of the “labyrinth” and, accordingly, of the “labyrinthine utterance”, defined by the accentuation of reflexivity and processuality in contrast to narrativity and finality. This perspective makes it possible to identify and describe the main textual parameters: conditional time-space, rejection of the verification of reality; the ambivalence of the labyrinth (dead end — resourcefulness); the thesaurus as the main principle of organization with its concentration on the processual density and matter of the labyrinth text; pulsating subjectivity, eluding identification. Revealed in the poetics of the labyrinth is the need for a different type of

language, the search for which in the text is accompanied by the weakening of the referentiality of the former one. One way of acquiring this new language is through the use of the form of an already conceptualized utterance (Radishchev's "Journey from St. Petersburg to Moscow") and the expansion of its possibilities through multiversionality. In this way, "Journey" becomes both a genre designation and more than that — a type of utterance. This makes it possible, while preserving the form and intrigue of the labyrinth, to open the text to the fullest, presenting it as a field for the shaping and realization of the reader's subjectivity.

Keywords: Boris Lichtenfeld, "Journey from St. Petersburg to Moscow", labyrinth, thesaurus, travel motif, processuality

For citation: Tyuleneva E.M. The labyrinth of Lichtenfeld (on the 25th anniversary of "Journey from St. Petersburg to Moscow in Boris Lichtenfeld's interpretation"), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 24—36.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Тюленева Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru, SPIN: 6303-3436

Tyuleneva Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 37—46.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 37—46.

Научная статья

УДК 821.111.1.03.09

EDN <https://elibrary.ru/tgsquu>

DOI: 10.46726/И.2025.3.4

СЕМАНТИКА БЕЗМОЛВИЯ В ОРФИЧЕСКИХ ПЬЕСАХ Т. УИЛЬЯМСА

Александра Александровна Кошева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

г. Санкт-Петербург, Россия, led.koscheva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию тишины в пьесе Т. Уильямса «Орфей спускается в ад», а также в его последующих пьесах, содержащих элементы орфического сюжета. Проведено сравнение семантики молчания у драматургов начала XX века и Уильямса с целью определения возможного влияния. Выявлено несколько функций использования тишины в пьесе, в связи с чем проведено разделение исследуемого предмета на абсолютное молчание и молчание, наполненное музыкой. Определено, что первый вид молчания оказывается связан со смертью и исходит от персонажей, олицетворяющих собой Аида и обитателей царства мертвых, тогда как второй вид связан с внутренней свободой, родством душ, поиском ответов на вопросы об устройстве жизни и исходит от героев, являющихся метафорическими Орфеем и Эвридикой. В качестве образа-символа, сопровождающего молчание, наполненное музыкой, исследован образ птицы. Сделаны выводы о том, что возможность петь как одна из отличительных функций птиц выделяет главных героев среди других персонажей и наделяет их некоторой внутренней силой, позволяющей бороться с жизненными трудностями, в то время как утрата возможности петь или отказ от этой возможности приводит к духовной и физической гибели.

Ключевые слова: тишина, молчание, Т. Уильямс, «Орфей спускается в ад», орфический сюжет, образ птицы

Для цитирования: Кошева А.А. Семантика безмолвия в орфических пьесах Т. Уильямса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 37—46.

При создании драматического произведения для Т. Уильямса не было достаточно слова. В своих пьесах он, отдававший предпочтение пластическому театру, использовал различные сценические средства, визуальные и аудиальные. Среди первых были, например, специальные экраны, транслировавшие необходимое изображение или фразу во время сценического действия, или более привычная для зрителей игра со светом. Аудиальные же средства заключались в использовании специальных звуков или повторяющихся мелодий. Зачастую они выполняли роль символов, значение которых становилось понятным ближе к концу пьесы. Чем-то подобным становится, например, бой ударных в пьесе «Внезапно прошлым летом», с каждой минутой все сильнее нагнетающий напряжение и в финале приводящий к трагической развязке. Или же повторяющаяся мелодия польки «Варшавянка» в пьесе «Трамвай “Желание”», преследующая героиню Бланш Дюбуа после смерти ее мужа.

© Кошева А.А., 2025

Вписывать звуки в пьесы Уильямсу всегда удавалось органично. Для этого он использовал как ремарки, так и сценическую речь, например, давая герою возможность исполнить песню, как в пьесе «Орфей спускается в ад», или обсудить звуки преследующей мелодии, как в уже упомянутой пьесе «Трамвай “Желание”». Но там, где важное место отводится звукам, и тишина имеет свое особое значение.

Роль тишины как приема в драматургии стала особенно актуальна и значима в период Новой драмы. Авторы рубежа XIX—XX вв., стремясь отойти от канонов существовавшей драмы и найти новые способы выражения собственных идей, много экспериментировали со словом и молчанием. В связи с этим у традиционной для театра паузы появились новые функции, изучить и описать которые стало необходимо для полного понимания пьес современных авторов.

Подробно назначение пауз рассматривает в своей диссертации Джон Л. Пратт. Он приводит краткий обзор того, как паузы используются в различных видах искусства, и затем более детально исследует роль пауз в театре и драме. Подвергнув критике объемные и не дающие большой свободы интерпретаций для режиссеров и актеров ремарки англоязычных драматургов XIX и начала XX века, Пратт указывает на то новое, что вводит в ремарки А.П. Чехов: «Неспособность его персонажей выразить себя стала по меньшей мере такой же важной, как и речи, которые они могли произносить, создавая “подтекст”, который должен был стать еще более красноречивым, чем структурно совершенные декламации реалистов»¹ [Pratt]. Именно с Чехова для Пратта начинается новый период в театре, когда молчание перестает быть реакцией удивления на слово или действие, а начинает нести в себе особый смысл. Более того, Пратт отмечает, что все драматурги по-разному используют возможности паузы: «с тех пор слово “пауза” стало привычным и имеет разное значение почти для каждого драматурга, который его использует. Вместо кратковременных перерывов в действии или ораторских заминок для достижения драматического эффекта мы теперь сталкиваемся с “впадением в бессловесность”, сценической пунктуацией, преувеличенным натурализмом и целенаправленными отказами от продолжения диалога» [Там же].

Помимо теоретических исследований пауз в театре существуют и практические, как, например, статья Натана Стаки, в которой паузы в оригинальных текстах, прописанные драматургами, сопоставляются с паузами из расшифровок аудиозаписей поставленных по ним спектаклей. Проводя сопоставительный анализ, Стаки обнаруживает несколько функций пауз в театральном представлении. В конце концов он приходит к выводу, что молчание является важным элементом коммуникации: «молчание в драматическом представлении является поворотом, который может быть признан коммуникативно значимым, в частности, он может иметь иллюкутивную силу» [Stucky].

Большинство же исследовательских работ посвящены творчеству отдельных авторов Новой драмы и рассмотрению пауз и тишины на примере конкретных пьес. Так, изучению пауз в английской Новой драме посвящена диссертация С.А. Андреевой [Андреева], в которой подробно рассматриваются особенности поэтики Б. Шоу и Дж. Голсуори. Из других английских драматургов, также неоднократно привлекавших внимание исследователей использованием пауз в пьесах, можно назвать Гарольда Пинтера, который хотя уже не относился к группе авторов Новой драмы, но продолжал их традиции. Исследованию его

¹ Здесь и далее переводы научных текстов выполнены мной. — А. К.

творчества посвящены, например, такие зарубежные статьи, как “Understanding ‘Silence’ and ‘Pause’ in Modern Drama: The Use of Silence and Pause in Harold Pinter’s *The Homecoming*” Ги Чан Янга [Yang] и “Silence in Pinter’s *Silence and The Dumb Waiter*” Моеза Маруччи [Marrouchi].

Уже упомянутый Чехов, который оказал большое влияние на творчество Уильямса и с которым Уильямса неоднократно сравнивали, также нередко привлекал внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей в связи с тем, что он наделил паузы в диалогах смыслообразующим значением. Одной из основных целей этих пауз стала демонстрация проблем в общении и понимании между персонажами. Неожиданное умолкание там, где логически требовалась реплика, приводило к отдалению персонажей, обращению их внутрь себя. Однако не все персонажи были способны использовать тишину, чтобы осмыслить собственные переживания и мучающие вопросы. А.Б. Криницын отмечает: «Если рефлектирующие — генерируют паузы, то нерекфлектирующие заполняют их “ренисой” — неподходящими, комическими или даже бессмысленными фразами» [Криницын: 180]. Таким образом, молчание у Чехова, хотя и свидетельствует о непонимании или нежелании услышать друг друга, не становится негативным явлением, а, напротив, в руках части персонажей превращается в инструмент, позволяющий на какое-то время оградиться от суетного мира и задуматься над вечными вопросами. Так, например, в четвертом действии пьесы «Дядя Ваня», наполненной рассуждениями героев о том, как им жить дальше, Чехов использует паузу двенадцать раз.

Паузы в пьесах Чехова не означают полнейшую тишину, скорее — напротив, хотя они показывают безмолвие героев, нередко эти паузы оказываются заполнены звуками внешнего мира или музыкой. В том же четвертом действии «Дяди Вани» наряду с простыми паузами можно встретить такие ремарки, как «Пауза; слышны звонки» или «Пауза. Слышны бубенчики». Звуки, шумы, музыка, начинающие звучать там, где слово оказывается бессильно, не просто заполняют пустоту, а «становятся семантически и даже символически значимыми» [Там же]. Наиболее известны в этом отношении примеры из пьесы «Вишневый сад»: стук топора и звук лопнувшей струны. Именно эта пьеса вдохновила впоследствии Уильямса на написание пьесы «Трамвай “Желание”» и использование в ней символических звуков: звуки «синего пианино», барабаны, мелодия польки «Варшавянка».

Музыка, начинающая звучать там, где слово оказывается бессильно, имеет еще одну функцию. Она гармонизирует происходящее вокруг, возвышает его над обыденностью до состояния бессмертия искусства. «Звучащие паузы парадоксально контрастируют с неудачей жизни героев, но являются сами по себе обетованием осуществимости смысла и красоты» [Там же: 183].

Новым значением наделил молчание в пьесах и М. Метерлинк. В противоположность Чехову он показал, что молчание не разъединяет людей, а объединяет их. Через молчание люди способны обнаружить родство душ, познать бытие, взглянуть в лицо смерти. Слова же Метерлинк считал тем, что не способно быть подлинно духовным, а значит, и не способно создать глубокое общение как между людьми, так и между человеком и Богом.

Но молчание в драматургии Метерлинка бывает разным. Наряду с тем молчанием, которое Метерлинк воспекает («В молчании зарождается все великое, все то, что создается в тишине, чтобы затем предстать пред всем миром в полном своем могуществе и совершенстве и царить в нем» [Метерлинк: 606]), появляется другое молчание, которое не является возвышенным, открывающим

для человека тайны бытия, а заполняет собой пустоту. Такое молчание отражает одиночество людей и нередко оказывается связано со смертью — одной из ведущих тем драматургии Метерлинка.

Молчание же в пьесах самого Уильямса оказывается достаточно малоизученным явлением. Некоторые работы, посвященные поэтике пластического театра Уильямса, косвенно касаются этой темы, поскольку одним из средств такого театра, наряду с классической речью актера, является игра со светом, экранами и звуками. Так, описывая наиболее соответствующую эстетике пластического театра пьесу Уильямса «Стеклянный зверинец», Фрэнк Дарем говорит об особенностях немого кино, которые Уильямс перенимает для своего текста. Таким образом, в пьесе появляются и тишина, и паузы, наполненные звуками: «В актерской версии “Стеклянного зверинца” много музыкальных реплик, и Уильямс подчеркивает важность музыки как “внелитературного акцента” в постановке» [Durham].

Ряд исследовательских работ посвящен непосредственно изучению того, как Уильямс работает с тишиной в адаптациях своих текстов для немого кино. К таким относятся, например, “Dumbshow on the Verandah” (Шоу безмолвия на веранде) Джона Хамана или “The Haunted Stage of Summer and Smoke: Tennessee Williams’s Forgotten Silent Film Sequences” (Призрачная сцена лета и дыма: забытые эпизоды немого кино Теннесси Уильямса) Софи Марежюль-Кох. Но в них рассматривается молчание, функции которого не совпадают с молчанием, заданным в текстах, не предназначенных для экранизации в немом кино.

В работе А. Курмелева, посвященной поздним пьесам Уильямса, дается попытка осмыслить назначение молчания. «Они бегут не только от жестокости и насилия окружающей действительности, но и от общения, которое становится препятствием в межличностных отношениях. Язык становится для них настоящей мукой, они приговариваются к одиночному заключению, и спасением становится либо молчание, либо смерть» [Kurmelev: 321]. Подобное толкование молчания приближает Уильямса к Метерлинку за счет связи молчания и смерти.

Мотив молчания сыграл также немаловажную роль в произведениях XX века, интерпретирующих орфический сюжет. На сакральное значение молчания в орфическом сюжете указывает Л.Д. Бугаева в книге «Литература и rite de passage». Так, она пишет о том, что молчание сопровождает момент перехода между миром живых и мертвых, молчание неразрывно связано с сакральным знанием о мироустройстве и с носителем этого знания: в одних источниках с Эвридикой, в других — с Орфеем. «Приобщение к знанию сопровождается противопоставленной земным “напевам” тишина царства мертвых, “асфоделевой страны”; Брюсов тем самым реализует метафору “смерть — тишина”» [Бугаева: 10].

Безусловно, центральной пьесой среди орфических пьес Уильямса является пьеса «Орфей спускается в ад». Орфей в ней задан не только в названии, но отчетливо угадывается в фигуре главного героя — свободолюбивого Вэла Зевьера, не расстающегося со своей гитарой и жаждущего вырвать возлюбленную из царства мертвых. Из всех протагонистов-Орфеев Уильямса Вэл единственный связан не просто с искусством, а непосредственно с музыкой. Гитару он называет своей спутницей в жизни. Его рассказ о великих чернокожих музыкантах, наполненный искренним восхищением и любовью, становится тем, что сближает Вэла с Лейди. Его пение баллады «Райские травы» становится лейтмотивом пьесы и привлекает внимание женщин города (например, Кэрл Катрир и Ви Толбет), влюбляя их в него. Вэл никогда не молчит. Он постоянно издает звук, словно задетая струна, и наполняет этим звуком пространство вокруг себя.

Не связана с молчанием и Лейди — Эвридика Вэла. Ее нередко сопровождает итальянская мелодия, исполняемая на мандолине. Она связана с воспоминаниями о счастливом прошлом, о любимом отце, об их винограднике — утерянном райском саде. Когда Лейди и Вэл впервые уединяются, Вэл играет на гитаре мелодию Лейди. В конце концов их мелодии соединяются и начинают звучать в унисон.

В противоположность сопровождаемым музыкой Вэлу и Лейди с абсолютной тишиной оказываются связанными Джейб (Аид) и его ближайшие приспешники шериф Толбет, Коротыш Биннингс и Пёс Хэмма (Цербер). Назначением этого молчания в пьесе становится подчеркивание неотвратимости смерти. Неслучайно безмолвие впервые появляется в тексте вместе со словосочетанием «смертный приговор» («Сдается мне, этим самым безмолвным кивком он подписал Джейбу Торренсу смертный приговор» (7))². Сам Джейб находится при смерти, и его состояние вызывает «неловкое молчание» у окружающих, как только он появляется рядом. Но Джейб не только умирает сам, он несет гибель и другим: как своими руками, так и руками своих приспешников. Ближе к кульминации пьесы читатели узнают, что это Джейб убил отца Лейди; он же убивает ее, беременную, в финале. Помимо этого, по его приказу Толбет, Коротыш и Пес преследуют Вэла, и их появления то и дело подчеркнуты гнетущим молчанием: «На лестничной площадке появляется Толбет. Молча смотрит вниз» (550); «Входит Пес Хэмма, молча становится у двери» (579); «Коротыш закрывает дверь и, вынув из кармана складной нож, молча стоит у порога» (579). В финальной сцене, когда смерть становится для Вэла уже не чем-то возможным, а неизбежным, тишина также играет важную роль. Она несколько раз возникает в ремарках, заглушая все звуки, и словно бы становится еще одним участником убийства. Только если Толбет, Коротыш и Пёс убивают человека, то тишина убивает звуки, олицетворяющие собой саму жизнь. И в финале смерть и молчание побеждают: «Тишина. Негр стоит посреди сцены с поднятым взором и загадочной улыбкой. Медленно идет занавес» (610).

Есть еще одна сцена, где молчание сопряжено со смертью, но в этой сцене нет Джейба и его подчиненных. В этой сцене Лейди объявляет своему бывшему возлюбленному, что была беременной, когда он расстался с ней. Молчание, наступающее в сцене, связано со смертью нерожденного ребенка: «В то лето, когда вы меня бросили, я ... носила под сердцем вашего ребенка. [Молчание]» (542).

В пьесе есть и другое значение молчания. Оно выражено через немоту, охватывающую всех жителей города при появлении Кэрол Катрир. Через это молчание Уильямс показывает, насколько персонаж не понимаем и отвергаем обществом. Вызывающее поведение Кэрол то и дело провоцирует осуждающее молчание жительниц города: «Кто это там? (Показывает на фигуру Кэрол у окна) [Женщины многозначительно молчат]» (491); «Молчание. Взгляды всех — где бы кто ни стоял — прикованы к Кэрол» (532); «Кэрол (подходит к стулу у прилавка, садится). Они ведь платят мне, чтобы я не появлялась здесь... [Молчание]» (533). В двоимирии пьесы, где мир живых представлен Вэлом, а мир мертвых прочими героями, Кэрол стоит на границе этих миров. С одной стороны, она жительница этого маленького провинциального городка, где правит Джейб Торенс, здесь прошла ее жизнь, здесь живет ее брат, она тоже груба и резка, как другие жители. Но, с другой стороны, она постоянно бунтует против жителей города, она единственная хорошо относится к колдуну, которого

² Здесь и далее текст пьесы приводится по изданию: [Уильямс 1999] с указанием в скобках страниц.

прочие жители боятся, и к финалу пьесы стремится уехать, но так и не осуществляет задуманное. Молчание, сопровождающее Кэрол, подчеркивает ее инаковость, непонимание ее представителями мира мертвых. В первоначальной версии пьесы, которая носила название «Битва ангелов», Кэрол звали Кассандра, как древнегреческую царевну, предсказавшую гибель Трои. Точно так же, как Кассандра, Кэрол видит и понимает больше, чем другие персонажи. Именно Кэрол раскрывает личность Вэла Зевьера, которую он пытался скрывать, тогда как для других он остается лишь загадочным незнакомцем. Именно Кэрол предсказывает Вэлу гибель и поэтому просит его покинуть город вместе с ней. И именно Кэрол в финале пьесы проводит что-то, напоминающее магический ритуал, когда забирает куртку из змеиной кожи убитого Вэла, называет ее одним из тех амулетов, которые «переходят от одного изгнанника к другому», и надевает ее на себя — сцена, которая после ужасных звуков борьбы Вэла за жизнь наполняется гробовым молчанием («Издали доносится еще более неистовый крик ужаса и муки. И — замирает. Кэрол набрасывает на себя куртку, словно ей забько и она хочет согреться» (610)). Это молчание тоже связано с гибелью, только если молчание Джейба несет героям физическую гибель, то молчание жителей города вычеркивает человека из общей социальной жизни, делает его невидимым для всех.

Однако, подобно тому, как в пьесах Метерлинка есть истинное молчание и ложное, в «Орфее» Уильямса есть как молчание, связанное со смертью, так и молчание, назначение которого — противостояние смерти и познание глубин своей души.

Вэл и Лейди действительно практически не оказываются в состоянии полной тишины, но именно полная тишина, лишенная каких-либо звуков, у Уильямса и является смертельной. Тем не менее, как было отмечено выше, Вэл и Лейди нередко сопровождаются звуками музыки, предпочитая их пустым разговорам жителей города. Такое молчание, где нет слов, зато есть звуки музыкальных инструментов, человеческих и птичьих песен оказывается истинным молчанием, которое способно соединить души, принести гармонию, добиться внутренней свободы.

Так, например, об открытии кондитерской, о которой так мечтала Лейди и которая должна была заменить сад ее погибшего отца, возвещают звуки органчика. А кульминационная сцена в отношениях Вэла и Лейди, когда Вэл узнает о беременности Лейди, а Джейб застреливает ее из ревности, сопровождается красноречивой ремаркой: «Музыка все громче, она заглушает звучания смерти» (607). В этом плане молчание, наполненное музыкой, в «Орфее» Уильямса оказывается сходным с паузами в пьесах Чехова, поскольку и там, и там тишина возвышает героев над тленностью жизни.

Таким образом, молчание, лишенное слов, но наполненное музыкой, вступает в борьбу с полной тишиной. И в связи с этим интересно рассмотреть образ-символ, олицетворяющий собой пение и неоднократно встречающийся как в пьесе «Орфей спускается в ад», так и в других пьесах Уильямса.

Пожалуй, один из наиболее частых образов, возникающих в пьесах Уильямса, это образ птицы. В «Орфее» образу птицы посвящен целый монолог Вэла, заключающий в себе всю суть этого героя: «И у них совсем нет лапок, у этих маленьких птичек, вся жизнь — на крыльях, и спят на ветре: раскинут ночью крылышки, а постелью им — ветер. Не чета другим птицам — те на ночь складывают крылья и спят на деревьях» (519). Центральное значение этого образа — свобода. Птица в рассказе Вэла лишена лапок, чтобы ничего

не связывало ее с землей. Но птица также устойчиво связана с пением. Поэтому Вэл сопоставляет себя именно с птицей. Он мог бы выбрать другое животное, ассоциирующееся в культурном сознании со свободой, но для него важно то, что птица поет, как и он. Рассказывая об одном из самых ярких воспоминаний в своей жизни, Вэл говорит: «О боже, я помню, как изо мха вспорхнула птица, тень ее крыльев скользнула по телу девушки — и птица пропела одну только ноту, очень высокую и чистую, а девушка — словно только и ждала, чтоб до меня донесся этот призывный сигнал, — повернулась с улыбкой и ушла в хижину» (527). Он помнит ноту, которую спела птица, и этот чистый звук ассоциируется у него и со свободой, и с любовью, и с жизнью.

В пьесе «Лето и дым» главная героиня Альма является Эвридикой, нуждающейся в спасении из царства мертвых, а ее друг Джон кажется ей Орфеем, от которого она ожидает спасения. Но Джон не является певцом, способным очаровать своим пением Аида, не обладает свободой — поскольку в конце концов подчиняется желанию отца и становится врачом против своей воли и не любит Эвридику, предпочитая ей в финале другую девушку. Все возможное спасение заключено в самой Альме: «Я и вправду, видно, больна: есть такие натуры — бессильные, раздвоенные, — мелькают тенью среди вас, цельных и крепких. Но бывает, что и в нашем хилом народце пробуждается сила — сами в себе находим, по необходимости. Вот и во мне сейчас такая» (459). Это Альма отличается от окружающего ее мира, и она меняет сознание Джона, помогая ему поверить, что любовь и жизнь не ограничиваются телесным. В связи с этим интересно, что именно Альма, а не Джон, оказывается связанной с образом птицы. Во-первых, она, исполняя со сцены песню, выступает под псевдонимом Соловушка Дельты. А во-вторых, песня, которую она поет, называется «La Golondrina», то есть ласточка. Пение и образ птицы снова выступают отличительными характеристиками, выделяющими героя среди остальных, символами жизни на фоне закоснелости и мрачности провинциального общества. Вероятно, отчасти поэтому Джон берет в жены ученицу Альмы, также поющую героиню.

В момент перелома в сознании Альмы, когда Джон признается ей, что не тронул бы ее, Альма на миг утрачивает способность петь, но потом, поддавшись его просьбе, все же поет для его умирающего отца. Это ее последняя песня. Изменившись внутренне, она больше не поет. Розмари во время беседы Альмы с миссис Бэссит произносит как будто бы совершенно невпопад: «Одни вороны, а их я кормить не стану. Все маленькие птички улетели». Такой маленькой птичкой была и прежняя Альма. Но теперь она изменилась. И когда Нелли просит ее спеть на ее свадьбе с Джоном, Альма молча уходит, зная, что петь никогда больше не будет.

Речь о маленьких птичках заходит и в пьесе «Стеклянный зверинец». Аманда пугает свою дочь перспективой стать такой, как «маленькие птички, женщины, не имеющие своего гнезда и всю жизнь грызущие черствую корку унижения» (134). Для Аманды нет ничего страшнее, чем быть похожей на птицу: без семьи, без дома, легкомысленной, живущей сегодняшним днем. Ее же дочь Лауру, напротив, тянет к животным и к птицам. Так, вместо того, чтобы посещать курсы для машинисток, куда ее насильно отправила мать, она ходила в музей и в птичник. «Я каждый день ходила к пингвинам», — признается Лаура матери (133).

В этой пьесе Лаура выступает в качестве Эвридики. А спасителем-Орфеем, способным вырвать ее из-под опеки строгой, контролирующей матери, ей

некоторое время кажется Джим, друг ее брата Тома. Джим добр, проявляет к Лауре интерес, не смеется над ее странностями. А еще он, как и подобает настоящему Орфею, поет:

Лаура (поспешно, чтобы скрыть замешательство). Знаете что, я, пожалуй, тоже пожую ... если вы не возражаете. (Откашливается.) Мистер О'Коннор, а вы... сейчас поете?

Джим. Что?

Лаура. У вас же был чудесный голос, я помню.

Джим. Когда вы слышали, как я пою? (190).

Эта пьеса Уильямса отличается тем, что в ней образ Орфея раздваивается между двумя мужскими фигурами: между Джимом и Томом. Джим симпатизирует Лауре, в нем воплощен образ певца, но он влюблен в другую девушку и потому не может быть спасителем для Лауры. Том, брат Лауры, реализует другие черты уильямсовских Орфеев. Он тоскует по свободе и томится в царстве мертвых, созданном его матерью, которая постоянно живет прошлым, воспоминаниями. Но Том тоже сопряжен с музыкой, хотя и не поет сам. Его историю — а пьеса представляет собой рассказ от лица Тома — сопровождают звуки скрипки. А когда в финале Том уходит из дома, где его то и дело просили говорить потише, его влекут к себе звуки музыки из танцевального зала.

Пьеса «Сладкоголосая птица юности» наиболее близка к пьесе «Орфей спускается в ад» и во многом повторяет ее фабулу: герой Орфей появляется в городе, предпринимает попытки увести из него свою возлюбленную, но в финале погибает от рук жителей города. Только если в «Орфее» любовь несет счастье героям, даже если в финале оборачивается гибелью, то в «Сладкоголосой птице юности» любовь героев с самого начала ведет к болезни, к предательству и к страданиям. «Сладкоголосая птица юности» выглядит как искаженная версия «Орфея», а потому и повторяющиеся символы в ней тоже искажены в своем значении.

В «Сладкоголосой птице юности» несколько раз возникает образ птицы, но если в «Орфее» — это образ главного героя, то здесь птицы становятся предвестниками беды. «Как грустно кричат птицы. Похоже на крики чаек. Наверно, эти птицы больны», — говорит принцесса [Уильямс 2001: 279]. Но чаще, чем на голосе птиц, акцент сделан на теньях, которые они отбрасывают. Согласно мифу об Орфее, умершая Эвридика была тенью. Поэтому на этот раз образ птицы, как и образы Орфея и Эвридики, сразу связан со смертью. Молчание же, как и в «Орфее», остается мрачным символом тленности и обреченности. «Я верю, что молчание Бога, его абсолютное безмолвие бесконечно», — говорит один из героев [Там же: 321]. И хотя в одной сцене появляется противостояние молчания и пения, когда Чэнс, главный герой пьесы, единственный поет, а окружающие его мужчины, несмотря на его призывы, остаются молчаливы, это единственная и довольно слабая попытка Чэнса выразить протест обществу. Гораздо сильнее против него бунтует принцесса, спутница Чэнса. «Сладкоголосая птица юности, которая поет в моей душе, есть жажда творчества», — говорит она [Там же: 330]. Все орфические черты, которые к концу пьесы Чэнс постепенно утрачивает: творческий потенциал, готовность бороться за свою любовь, свободолюбие и непокорность — открываются в принцессе, и она единственная получает шанс на счастливый финал и возможность вырваться из страшного города.

Таким образом, молчание в орфических пьесах Уильямса, как у его предшественников, обращавшихся к этому мифу, и как у представителей Новой

драмы, неслучайно. Абсолютное молчание обыкновенно оказывается сопряжено со смертью, тогда как молчание, заполненное звуками музыки и пением птиц, напротив, соотносится с жизнью, причем с жизнью лучшей, чем та, которую ведут герои, празднично говорящие друг с другом. Герои, выбирающие общаться не через слова, а понимать друг друга через общие переживания, испытываемые в моменты наполненных музыкой пауз, оказываются свободнее, глубокомысленнее, а иногда и счастливее, чем другие герои. Птицы, как животные, связанные с пением и свободой, зачастую выступают в текстах образами самой жизни, заключенной в героях. Утрата же возможности или желания петь метафорически выражает физическую или нравственную гибель персонажа.

Список источников

- Метерлинк М. Молчание // Пробуждение. 1913. № 19. С. 606—609.
 Уильямс Т. Пьесы. М.: Гудьял-Пресс, 1999. 768 с.
 Уильямс Т. Что-то смутно, что-то ясно: Пьесы. М.: Авантитул: Олма-Пресс, 2001. 504 с.

Список литературы / References

- Андреева С.А. Функции паузы в поэтике английской «новой драмы»: Дж.Б. Шоу и Дж. Голсуорси: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 18 с.
 (Andreeva S.A. Functions of the pause in the poetics of the English “new drama”: J.B. Shaw and J. Galsworthy: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 2005, 18 p. — In Russ.)
- Бугаева Л.Д. Литература и rite de passage. СПб.: Петрополис, 2010. 412 с.
 (Bugaeva L.D. Literature and rite de passage, St. Petersburg, 2010, 412 p. — In Russ.)
- Криницын А.Б. Поэтика и семантика пауз в драматургии Чехова // Anton P. Chekhov — der Dramatiker. Drittes internationales Chekhov-Symposium Badenweiler im Oktober, 2004. С. 176—186.
 (Krinitsyn A.B. Poetics and semantics of pauses in Chekhov’s drama, *Anton P. Chekhov — the playwright. Third international Chekhov symposium in Badenweiler in October, 2004*, pp. 176—186. — In Russ.)
- Durham F. Tennessee Williams, Theatre Poet in Prose, *South Atlantic Bulletin*, 1971, vol. 36, no. 2, pp. 3—16.
- Haman J. Dumbshow on the Verandah, *The Tennessee Williams Annual Review*, 2023, no. 22, pp. 79—102.
- Kurmelev A. Theater of the absurd philosophy and traditions in later plays of Tennessee Williams, *Kazan Linguistic Journal*, 2023, vol. 6, no. 3, pp. 313—323.
- Marrouchi M. Silence in Pinter’s *Silence* and *The Dumb Waiter*, *International Journal of Language and Literary Studies*, 2019, vol. 1, no. 3, pp. 112—125.
- Maruéjols-Koch, S. The Haunted Stage of *Summer and Smoke*: Tennessee Williams’s Forgotten Silent Film Sequences, *Modern Drama*, 2014, no. 1, vol. 57, pp. 19—40.
- Pratt J.L. Mind the gap: an examination of the pause in modern theatre; and, *Shadows: a play* (major creative work); and, *Bank accounts: a collage of monologues* (minor creative work), Edith Cowan University. URL: <https://ro.ecu.edu.au/theses/459> (accessed: 07.10.2024).
- Stucky N. International silence: Pauses in dramatic performance. *Journal of Pragmatics*, 1994, vol. 21, iss. 2, pp. 171—190.
- Yang G. Understanding ‘Silence’ and ‘Pause’ in Modern Drama: The Use of Silence and Pause in Harold Pinter’s *The Homecoming*, *Lingua Humanitatis*, 2016, vol. 18, pp. 13—34.

THE SEMANTICS OF SILENCE IN THE ORPHIC PLAYS OF T. WILLIAMS

Alexandra A. Kosheva

Russian State Pedagogical University in the name of A.I. Herzen,
St. Petersburg, Russian Federation, led.kosheva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of silence in the plays of T. Williams “Orpheus Descending”, and also includes plays containing elements of the Orphic plot. A comparison is made between the semantics of silence in early 20th century playwrights and that of T. Williams in order to determine possible influence. Several purposes of using silence in the play were identified, in connection with which the subject under study was divided into absolute silence and silence filled with music. It is determined that the first type of silence is associated with death and comes from characters who personify Hades and the inhabitants of the kingdom of the dead, while the second type is associated with inner freedom, kinship of souls, the search for answers to questions about the structure of life and comes from characters who are metaphorical Orpheus and Eurydice. The image of a bird is studied as a symbolic image accompanying silence filled with music. The author reaches the following conclusions: the ability to sing as one of the distinctive functions of birds distinguishes the protagonists from other characters and gives them some inner strength that allows them to fight life's difficulties, while the loss of the ability to sing or the refusal of this ability leads to spiritual and physical death.

Keywords: silence, T. Williams, “Orpheus Descending”, Orphic plot, bird

For citation: Kosheva A.A. The semantics of silence in the orphic plays of T. Williams, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 37—46.

Статья поступила в редакцию 19.10.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 11.05.2025.

The article was submitted 19.10.2024; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 11.05.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Косева Александра Александровна — аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, led.kosheva@yandex.ru

Kosheva Alexandra Alexandrovna — postgraduate student, Russian State Pedagogical University in the name of A.I. Herzen, St. Petersburg, Russian Federation, led.kosheva@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 47—55.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 47—55.

Научная статья

УДК 821.133.1.05

EDN <https://elibrary.ru/onysor>

DOI: 10.46726/И.2025.3.5

IVOIRONIE — ЦЕННОСТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИВУАРИЙСКОЙ ПОЭТИКИ

Елена Игоревна Бойчук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, elena-boychouk@rambler.ru

Аннотация. В статье представлена проблема разграничения понятий ивуаризма, ивуарийскости, ивуарийской идентичности, рассматриваемая с точки зрения восприятия данных понятий не только с политической точки зрения, но и с точки зрения искусства, в частности современной литературы. Кроме того, в статье представлен обзор современной ивуарийской поэтики с точки зрения реализации концептов *ivoirité* и *ivoironie*, которые не разграничиваются на данный момент в русском языке. Определение идентичности ивуарийского народа представлено с позиции творчества То Би Тьен Эммануэля — современного ивуарийского поэта, который дал жизнь пониманию *ivoironie* как положительного концепта, обозначающего единение с народом, бережное отношение к своей и другим культурам, гордость за свою землю, которая воспевается в стихах. В качестве основного результата исследования можно рассматривать попытку автора разграничить представленные понятия, основываясь на понимании ивуарийской идентичности поэтов и прозаиков ивуарийской литературы, рассматривающей принадлежность к нации не как главенствующую идею ксенофобии, но как стремление подчеркнуть свою самость в многонациональном мире, где признаются особенности всех народов. Поэтические тексты современных гриотов Кот-д'Ивуара демонстрируют неподдельную гордость за свой народ, а языковые средства, используемые авторами, сконцентрированы на повторении основных ценностных идей.

Ключевые слова: ивуаризм, ивуарийскость, ивуарийская идентичность, культура, поэтика, нация

Благодарности: статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К.Д. Ушинского на 2025 год от Минпросвещения РФ по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д'Ивуар)» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000).

Для цитирования: Бойчук Е.И. Ivoironie — ценностная концепция ивуарийской поэтики // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 47—55.

Понятие ивуарийской идентичности неоднозначно и подвержено в настоящее время некоторым положительным трансформациям. Для ее отражения существует два неофициальных термина: *ivoirité* и *ivoironie*. Для перевода на русский язык первого из них встречаются варианты *ивуаризма*, *ивуарийской идентичности*, *ивуарийскости*. А для второго такового на данный момент не

найденно. Смысловая нагрузка обоих терминов в основе своей сводится к проявлению национальной идентичности ивуарийского народа, однако имеется определенная степень отличия. Ивуаризм как явление положительной национальной гордости в свое время привел к опасной ксенофобии и изгнанию из страны этнических малийцев и буркинийцев в 1999 г.

Это понятие вошло в социальный и политический лексикон Кот-д'Ивуара во время президентства Анри Конана Бедье (1993—1999) и использовалось для описания специфических внутренних характеристик коренного ивуарийца, отличающих его от иммигранта. Во время президентства Бедье этническая напряженность резко возросла, участились нападения на иностранных рабочих и усилился раскол между преимущественно мусульманским севером страны и преимущественно христианским югом.

Перед президентскими выборами 1995 года закон, разработанный Бедье и поддержанный Верховным судом, требовал, чтобы оба родителя кандидата на пост президента были родом из Кот-д'Ивуара. Это привело к дисквалификации кандидата от оппозиции Алассана Уаттары.

Понятие ивуаризма также часто ассоциируется со Второй гражданской войной в Кот-д'Ивуаре (2010—2011), в которой погибло не менее 3000 мирных жителей [Country Report...].

По мнению второго президента Республики Кот-д'Ивуар, председателя Демократической партии Анри Конана Бедье, политика «ивуаризма» подорвала устои страны [Report of the Chairman...]. Комитет безопасности Республики также отметил, что неправомерное использование в ксенофобных целях концепции ивуарийской идентичности (*ivoirité*), которая не фигурирует в Конституции, явилось одним из ключевых факторов кризиса, легитимным основанием для факта дискриминации [Там же].

Желание смягчить политическую напряженность, которая нанесла слишком большой ущерб национальному единству Республики и, как следствие, привела к шаткому социальному миру, несмотря на неоправданный риск неожиданных социальных потрясений, разнообразие культур внутри одной страны и стремление найти нечто обобщающее, единое, породили слоган *“Au milieu de nos différences, soyons d'accord sur ce qui ne nous différencie pas!”* (Несмотря на наши различия, давайте согласимся в том, что нас не различает!). Появилось желание уйти от «ивуаризма» (*ivoirité*) и найти иную, мягкую форму проявления «самости» через искусство и культуру.

Идея поэтики ивуарийского стиля открывает новые перспективы для анализа ивуарийских литературных произведений. С появлением таких музыкальных жанров, как зуглу в 1990 году и купе декале в 2000 году, ивуарийская литература в целом и ивуарийская поэзия в частности выступали за возрождение культуры и идентичности. Таким образом, различные литературные произведения в своих текстовых материалах содержат множество ивуарийских элементов и социальных символов, которые заслуживают внимания при конструировании смысла. Подобные вопросы, возникающие при прочтении текста, составляют основу поэтики ивуарийского стиля, являющейся продолжением социологических теорий литературы (социокритицизма, социопэтики, семиостилистики и т. д.) [Ehui, Kouadio].

Молодой ивуарийский поэт Сен-Жозеф Н'Гетта, полный надежд на светлое будущее своей родины, пишет «Ивуаронийские рапсодии» (*“Rhapsodies ivoironiques”*) — произведение, в котором он восхваляет свою родину, её современных и исторических героев, её гражданские символы, призывая свой

народ к гражданской и культурной свободе, чтобы соответствовать концепции ивуарийскости, которую он призывает принять. В своем стихотворении “Cadence” в форме поучительного игрового ритмичного текста поэт представляет призыв к единению:

<i>Cadence ! Cadence !</i>	Ритм! Ритм! ¹
<i>Danse cadence</i>	Танцуй в ритме!
<i>Dans tes forêts denses</i>	В твоих дремучих лесах
<i>Danse cadence</i>	Танцуй в ритме
<i>Retourne tes pas</i>	Оглянись
<i>Va pas à pas</i>	Иди шаг за шагом
<i>Marche au son du ZAOULI</i>	Иди на звук ЗАУЛИ
<i>Suis la voix du PORO</i>	Следуй за голосом ПОРО
<i>Ecoute le chant du TCHOLOGO</i>	Слушай песню ЧОЛОГО
<i>Et comprends les paroles du GOLI</i>	И пойми слова ГОЛИ
<...>	<...>

По мнению поэта То Би Тье Эммануэля, истина заключается в том, что культура — это ритм бытия, живой ритм повседневной жизни каждого общества. В частности, ивуарийская культура в её традиционном аспекте — это культура с разнообразным ритмическим звучанием, разнообразием масок в зависимости от сторон света: “ZAOULI” (Центр-Запад), “TCHOLOGO”, “PORO” (Север), “GOLI” (Центр), что свидетельствует об окружающем культурном многообразии. При этом основным атрибутом ритмичной жизни ивуарийцев является там-там, звук которого трансформируется в музыкальную поэтическую форму, столь значимую, что поэты как будто соревнуются в том, чтобы как можно ярче представить звук и символику там-тама, его значимость в жизни и культуре народа, воплощении плодотворной негритянской души. Так, у Сенгора мы видим стихи со следующими названиями: “*L’Homme et la bête/pour trois tabalas ou tam-tams de guerre*”, “*La mort de la princesse ou tam-tam funèbre*”, “*Chant pour tama, tambour au son allègre*”, “*Tam-tam d’amour, vif*” («Человек и зверь/трём табалам или боевым барабанам», «Смерть принцессы, или траурный барабан», «Песня для тамы, барабана с радостным звуком», «Живой там-там любви»).

Важным атрибутом жизни и культуры ивуарийцев, упомянутым выше, является маска — это прежде всего духовный центр, это божества, призывающие людей к труду, упорству, отдыху, любви к ближнему, интеллектуальному возвышению, очищению, мудрости, единству и солидарности, уважению к старшим, поклонению тотемам и запретам, посвящению, идолопоклонству перед искусством, величию Красоты... Все это раскрывает ценности, разделяемые в ивуарийском обществе [Toh Bi Tié Emmanuel 2021]:

<i>Cadence! Cadence</i>	Ритм! Ритм
<i>Danse cadence</i>	Танцуй
<i>Masque des masques</i>	В ритме масок
<i>Dévoile tes voies par ta voix</i>	Расскажи вслух о своем пути
<i>Fais entendre et comprendre</i>	Пусть все услышат и поймут
<i>Le sens du chant de ton sang</i>	Смысл песни твоей крови
<i>Cadence! Cadence!</i>	Ритм! Ритм!

¹ Здесь и далее приводится подстрочник поэтических текстов, перевод мой. — Е. Б.

Поэт НГетта с большим вдохновением и даже в некоторой степени утрированно воспеваёт свою родину, свою землю. Это выражается посредством персонификации и анафорического повтора в начале строфы:

<i>Tu es ma terre de douceur</i>	Ты — моя сладостная земля.
<i>Oui ma Noble terre de bonheur</i>	Да, моя благородная земля счастья.
<i>De tes entrailles naissent toujours les bonnes heures</i>	Из твоего лона всегда рождаются благие времена.
Ö que je t'aime !	О, как я люблю тебя!
<i>Ma vie fleurit aux sources de tes ombrages</i>	Моя жизнь цветёт у источников твоей тени.
<i>Ta vigueur m'a ouvert le passage</i>	Твоя сила открыла мне путь.
<i>Et moi, je veux te défendre avec rage</i>	И я хочу яростно защищать тебя.
Ö que je t'aime !	О, как я люблю тебя!
<i>Tu es ma lumière, ma lueur</i>	Ты — мой свет, моё сияние.
<i>Ton bras de mère a su ôter ma peur</i>	Рука твоей матери избавила меня от страха.
<i>De moi, reçois des louanges, des honneurs</i>	Прими от меня хвалу и почести.
Ö que je t'aime !	О, как я люблю тебя!
<i>Ma chère patrie</i>	Моя дорогая родина.
<i>Tu es mon paradis</i>	Ты — мой рай.
<i>Et je te serai loyal à vie</i>	И я буду верен тебе всю жизнь.
Ö que je t'aime !	О, как я люблю тебя!
<i>Je suis PATRIOTE</i>	Я — ПАТРИОТ.
<i>Ai-je le défaut de l'être ?</i>	Это ли недостаток — быть таковым?
<i>Je suis prêt à bien te SERVIR</i>	Я готов служить тебе.
<i>Donc je suis PATRIOTE</i>	Поэтому я — ПАТРИОТ.
<i>Pour toi, je suis prêt à PÉRIR</i>	За тебя я готов ПОГИБНУТЬ.
<i>Et vous ?</i>	А ты?
<i>Qui êtes-vous ?</i>	Кто ты?
<i>Que la culture du patriotisme soit notre impératif commun.</i>	Пусть культура патриотизма станет нашим общим императивом.
	(<i>Ma patrie</i>) (Моя родина)

Другой ивуарийский поэт-гриот Боуи Дали (Joachim Bohui Dali) воспеваёт ивуарийскость как основу понятия «нация». В игривом настроении и иступленном восторге он поёт эту песню в унисон со своими соотечественниками, словно звучит хор предков:

<i>Nous sommes les fans de l'Ivoironie</i>	Мы — поклонники ивуарийскости,
<i>Nous sommes des adeptes de l'Ivoironie</i>	Мы — последователи ивуарийскости,
<i>Notre combat, tuer l'agonie</i>	Наша борьба: победить агонию,
<i>Par nos Orange-Blanc et Vert unis.</i>	С нашим единым Оранжево-Бело-Зелёным.
<i>Nous sommes tous fils d'une même terre, rappelons-le</i>	Мы все — сыны одной земли, давайте помнить об этом,
<i>Terre de nos dynamiques mères</i>	Земли наших энергичных матерей,
<i>Terre de nos vaillants pères</i>	Земли наших доблестных отцов,
<i>Terre nôtre, belle terre</i>	Нашей земли, прекрасной земли,
<i>Terre couleur d'ébène</i>	Земли цвета чёрного дерева,
<i>Terre, notre père,</i>	Земли, нашего отца,
<i>Terre, véritable repère</i>	Земли, истинной вехи,
<i>Terre d'Ivoironie !</i>	Земли ивуарийцев!
<i>Et c'est de bonne heure</i>	И ещё рано,
<i>Que nous chantons tes valeurs</i>	Чтобы мы воспевали ваши ценности,

<i>Oui tes valeurs, et c'est avec clameurs</i>	Да, ваши ценности, и с ликованием,
<i>Que nous accueillons aux portiques de nos</i>	Мы сердечно приветствуем
<i>cœurs</i>	Этот прекрасный проблеск, проблеск
<i>Cette belle lueur, lueur d'espoir Ivoironie !</i>	надежды, Ивуарийскость!
<i>Un soleil nouveau</i>	Новое солнце,
<i>Qui produit le renouveau</i>	Несущее обновление,
<i>C'est la renaissance de la Renaissance</i>	Это возрождение ивуарийскости в эпоху
<i>Ivoironie !</i>	Возрождения!
<i>J'ai parlé !</i>	Я сказал!

(Chant)

(Песня)

Анафорические повторы, синтаксический параллелизм безличных конструкций, анадиплосис (повтор на стыке строк), диакоспа (повтор через промежуток текста), императивные конструкции — эти средства позволяют услышать призыв к единению, услышать гордость за свою землю, свою страну. Этот призыв исходит от поэта, который видит себя жрецом-глашатаяем, гриотом, расовым лидером. Цвета флага, которые также появляются в поэзии Н'Гетта (оранжевый, белый, зеленый) являются чрезвычайно важными для ивуарийцев, представляют собой не только символ единства нации, но и открытости другим народам:

<i>Qu'elles sont belles nos couleurs !</i>	Как прекрасны наши цвета!
<i>Couleurs d'espoir</i>	Цвета надежды
<i>Couleurs porteuses d'amour</i>	Цвета, несущие любовь
<i>Et de vie</i>	И жизнь
<i>Qu'elles sont belles, les belles</i>	Как прекрасны
<i>de chez nous !</i>	наши прекрасные цвета!

Ивуарийскость (*ivoironie*) появилась как культурный концепт, отражающий национальную идентичность ивуарийского народа, как необходимость заполнить некогда существующую в этом вопросе пустоту несмотря на богатейшую культуру нации [*Colloque Pluridisciplinaire...*]. Этот термин получил распространение благодаря ивуарийскому поэту То Би Тье Эммануэлю (Toh Bi Tié Emmanuel), который вкладывал в него осознание ивуарийцами своих культурных ценностей (братства, любви, прощения, солидарности, взаимопомощи), вписывающихся в гуманистическую концепцию восприятия мира (*Ode à l'ivoironie*) [Toh Bi Emmanuel 2020].

Поэтический смысл ивуарийскости, с точки зрения Мишеля Герена [Gérin], заключается в выстраивании смысловых элементов, заставляющих задуматься над проявлением идентичности поэта, идентичности нации в целом. Ивуарийскость — это культурный концепт, не имеющий связи с политикой, который был найден поэтом для отражения процесса «валоризации» нации, в которой *мир, любовь и прощение* являются основными ценностями, объединяющими народ [Toh Bi Emmanuel 2017]. Будучи мифическим концептом, выдуманным автором, ивуарийскость может быть определена как верование ивуарийцев или жителей Республики в необходимость иметь отношение к определенной коллективной идентичности, жить с чувством принадлежности народу, государству, родине, культуре [Bouatenin 2021]. В этом смысле ивуарийскость сама рассматривается как необходимость. В поэтическом тексте это явление, воображенное поэтом, выражается посредством аллюзий, метафор, субституций и других стилистических средств. Но на смысловом уровне можно выделить определенные концептуальные модули (их автор выделяет 8), которые отражают знание 1) природы, 2) истории 3) символики государства,

4) культурных ценностей и искусства, 5) национальной кухни, 6) спортивных успехов, 7) сельскохозяйственной специфики, 8) туристической инфраструктуры, а следовательно, ощущение принадлежности ивуарийской культуре в целом. Аду Буатенен приводит лексические примеры демонстрации поэтом этой принадлежности по нескольким приведенным выше модулям [Bouatenin 2021]:

знания о природе — *l'arbre conjugal, les fruits digérés, les feuilles ruminées, les branches rongées, l'écorce croqué, l'arbre volé (флора), insectes envahisseurs, le gazam, la sauterelle, le jelek, le hasil, porc-épic, le chat-huant, corbeau, épervier, aigle, espiègles, la chouettes, le hibou, colibri, l'aigle pêcheur, les oiseaux, rongeurs, crabe poilu, séplou, termites, moineau (фауна), le Mont-Nimba, le Mont-Momi, le Mont Tonkui, les hautes montagnes, des champs des montagnes (рельеф), les mugissements des vagues de Grand-Bassam (река)*²;

знания об искусстве и культуре — *an ne fiiign é dje, ça-nous-dja (язык), an ne fiiign é dje, koteba, darbouka, la maîtrise de Yopougon; soteca (песня), luth, tambourin, cymbale, harpe, kora, balafon, flûte, accordéon, violon, guitare (инструменты и музыка), Djédjé, Ernesto, Amédée, Anouma, Blondy, Zadi Bottey Zaourou (артисты)*³;

знание национальной кухни — *le jus de citron, limonade, un organigramme alimentaire, les œufs non couvés, leur moût, leur blé, leur riz, leur mil, leur igname, leur manioc, leur huile, le petit repas, gombo*⁴;

знание туристических мест — *Sanoudja, Yopougon, Grand-Bassam, Kassembé, Dabou, Abidjan, Côte d'Ivoire, Deux Plateau u m. d. ("Aurore d'Afrique à Sanoudja")*⁵.

Аду Буатенен предложил выделить три основных аспекта ивуарийскости То Би Тье Эммануэля, основываясь на идеях поэта о самоидентификации: *обшире устремления, идеологическая основа и основные средства, которыми достигается чувство принадлежности нации*. В качестве общих устремлений исследователь рассматривает выражение чувства ивуарийского гостеприимства, открытость и искренность, наличие одного идеала, единство нации, социальное единение, патриотизм.

Что касается идеологической основы, то здесь выделяется придание особой значимости культурному, экономическому, спортивному и т. д. наследию страны, опора на концепцию единения с миром, осознание принадлежности к франкофонному миру, демонстрация единой культурной коллективной идентичности ивуарийцев. Основными средствами выражения приведенных выше чувств и устремлений являются, безусловно, человеческие, культурные, экономические, лингвистические, политические образовательные ресурсы [Bouatenin 2021].

² семейное дерево, переваренные плоды, пережеванные листья, обглоданные ветви, обгрызенная кора, украденное дерево (флора), насекомые, газам, кузнечик, джелек, ха-сил, дикобраз, сова, ворона, ястреб-перепелятник, орёл, сова, филин, колибри, скопа, птицы, грызуны, волосатый краб, сеплу, термиты, воробей (фауна), гора Нимба, гора Моми, гора Тонкуи, высокие горы, горные поля (рельеф), рев волн Гран-Бассама (реки).

³ котеба, дарбука, мастерство Йопугона; сотека (песня), лютя, бубен, тарелка, арфа, кора, балафон, флейта, аккордеон, скрипка, гитара (инструменты и музыка), Джедже, Эрнесто, Амеде, Анума, Блонди, Зади Ботти Зауру (художник).

⁴ лимонный сок, лимонад, цепочка питания, невылупившиеся яйца, сусло, пшеница, рис, просо, ямс, маниока, масло, закуска, бамия.

⁵ Сануджа, Йопугон, Гран-Басам, Касембе, Дабу, Абиджан, Кот-д'Ивуар, Плато Де и т. д. («Африканский рассвет в Санудже»).

Ивуарийскость (*ivoironie*), будучи поэтическим концептом, зародившимся в творчестве поэта То Би Тье Эммануэля, представляет в настоящее время целое литературное и культурное движение, так как поэт передал представление о нем как о явлении, основанном на уже известном концепте «ивуаризма» (*ivoirité*), идеологии, которая подчеркивает единство и культурную идентичность всех жителей Кот-д'Ивуара, независимо от их этнической принадлежности.

Ивуарийский патриотизм противостоит социальной фрагментации, побуждая ивуарийцев к коллективному восхвалению цивилизационного наследия своей родины, не умаляя достоинств других народов [Sangaré]. Однако нынешнее третье тысячелетие сквозь призму глобализации, предполагающей существование универсальной цивилизации, может поставить под сомнение культурно-идеологические ценности Республики. В этом случае концепция ивуарийскости выступает как средство развития идентичности, представляя собой путь, которому должен следовать народ для построения многополярного, многокультурного мира.

Таким образом, концепция ивуарийскости, разработанная То Би Тье Эммануэлем и выстроенная на основе литературы и культуры республики, не идет вразрез с концепцией ивуаризма, но является его обновленной формой. Если концепция ивуаризма (*ivoirité*) поднимает сложный вопрос национализма и гражданства в постколониальном государстве, состоящем из множества этнических и религиозных групп, и ее эволюция от зарождения до использования в качестве политического инструмента способствовала в некоторой степени разрушению социальной структуры Кот-д'Ивуара [Kone], то ивуарийскость (*ivoironie*) выросла из поэтического восприятия идентичности, способности народа принять себя таким, какой он есть. Логичной при этом является мысль о том, что невозможно развиваться, стыдясь себя или отрицая себя. Идентичность народа — это осознание единства судьбы и чувство принадлежности к судьбе коллектива, это осознание того, что у него есть, того, что представляет собой общую ценность и что он должен сохранять и поддерживать [Gnaléga]. И именно это состояние ума и чувств определяет или отличает этот народ в его отношении к миру, иначе возможность личного развития и развития нации — чистый плод воображения. Идеи идентичности могут распространяться в том числе посредством литературных текстов, ивуарийскость должна быть прочувствована, должна быть принесена извне и пропущена через себя, через разум, душу, волю. Только тогда она будет способна остаться с народом, обеспечивая его общность, идентичность и единение.

Список источников

- Colloque Pluridisciplinaire International: de l'ivoironie: artistisation du civisme et symbiose des identités plurielles en Côte d'Ivoire, 9,10,11 novembre 2022, Université Alassane OUATTARA-Bouaké. URL: <https://sflgc.org/actualite/colloque-pluridisciplinaire-international-de-livoironie-artistisation-du-civisme-et-symbiose-des-identites-plurielles-en-cote-divoire/> (accessed: 14.06.2025).
- Country Report on Human Rights Practices 2017. Cote d'Ivoire. 20 April 2018. URL: <https://www.state.gov/reports/2017-country-reports-on-human-rights-practices> (accessed: 14.06.2025).
- Report of the Chairman of the Security Council Committee established pursuant to resolution 1572 (2004) concerning Côte d'Ivoire on his mission to Côte d'Ivoire, *United Nations*, 15.12.2005. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Cote%20S2005790.pdf> (дата обращения 15.06.2025).

- Toh Bi Tié Emmanuel, Manifeste de l'ivoironie, *Le Pan poétique des muses/Revue féministe internationale & multilingue de poésie entre théorie & pratique*: Lettre № 12, 2017. URL: <http://www.pandesmuses.fr/2017/11/ivoironie.html> (accessed: 12.06.2025).
- Toh Bi Tié Emmanuel. Nouvelles théories d'approche des textes poétiques négro-africains, Abidjan: Édition Makri, 2021, 233 p.
- Toh Bi Tié Emmanuel Ode à l'Ivoironie, Abidjan: Mégalésia, 2020. URL: <https://www.pandesmuses.fr/megalésia20/ivoironie> (accessed: 12.06.2025).

Список литературы / References

- Bouatenin A. De l'ivoirité à l'ivoironie chez Eugène Devrain, *Revue Legs et littérature*, 2021, no. 17, vol. 2, pp. 119—138.
- Ehui J.M., Kouadio Kouassi J.B. Pour une poétique de l'ivoironie dans la poésie de Toh Bi Tié Emmanuel, *Altralang Journal*, 2024, vol. 6, no. 1. URL: <https://doaj.org/article/17be5bcb46f9466c8cca8df2bcd9ea85> (accessed: 14.06.2025).
- Gnaléga R. Regard kaléidoscopique sur la poésie ivoirienne, Rungis: La Doxa; Abidjan: Presses universitaires méthodistes de Côte d'Ivoire, 2018, 160 p.
- Guérin M. Qu'est-ce qu'un myth?, *La pensée de midi*, 2007/3, no. 22, pp. 93—102.
- Kone D. The concept of "ivoirité": an identity based concept and its Impact on socio-political life in Ivory Coast, *Unification Theological Seminary, USA, New York City Campus*, 2021, no. 002, vol. 1, pp. 217—228. URL: <https://www.revue-akofena.com/wp-content/uploads/2021/09/16-T02-21-pp.-217-228.pdf> (accessed: 12.06.2025).
- Sangaré M. L'ivoironie, un echo de pratique nationale du patriotisme negritudien : une exploration de la chanson "Cote d'ivoire Est zo" de Elow'n feat. Mosty et Fior de Bior, *Recherches et regards d'Afrique*, 2024, vol. 3, no. 7, pp. 296—312. URL: <https://revues.acaref.net/wp-content/uploads/sites/3/2024/04/15-SANGARE-Mamadou.pdf> (accessed: 13.06.2025).

IVOIRONIE — A VALUE CONCEPT OF IVORIAN POETICS

Elena I. Boychuk

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation, elena-boychouk@rambler.ru

Abstract. The article presents the problem of distinguishing between the concepts of Ivorianism, Ivorianity, Ivorian identity, considered from the point of view of the perception of these concepts not only from a political point of view, but also from the point of view of art, in particular modern literature. In addition, the article presents an overview of modern Ivorian poetics from the point of view of the implementation of the concepts of ivoirité and ivoironie, which are not distinguished at the moment in the Russian language. The definition of the identity of the Ivorian people is presented from the standpoint of the work of To Bi Thien Emmanuel, a modern Ivorian poet, who gave life to the concept of ivoironie as a positive concept denoting unity with the people, a careful attitude towards one's own and other cultures, pride in one's land, which is sung in poetry. The main result of the study can be considered the author's attempt to differentiate the presented concepts, based on the understanding of the Ivorian identity of poets and prose writers of Ivorian literature, who consider belonging to the nation not as the dominant idea of xenophobia, but as an aspiration to emphasize one's self in a multinational world, where the peculiarities of all peoples are recognized. The poetic texts of modern griots of Côte d'Ivoire demonstrate genuine pride in their people, and the linguistic means used by the authors are focused on repeating the main value ideas.

Keywords: Ivorianism, Ivorianity, Ivorian identity, culture, poetics, nation

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the State assignment to the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky for 2025 from the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic “Axiological foundations for the formation of value orientations of students in the framework of international academic mobility in the higher education systems of Russia and West Africa (Ghana, Côte d’Ivoire)” (registry entry number 720000F.99.1.BN62AB84000).

For citation: Boychuk E.I. Ivoironie — a value concept of Ivorian poetics, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 47—55.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Бойчук Елена Игоревна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, elena-boychouk@rambler.ru, SPIN: 1041-1125

Boychuk Elena Igorevna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Romance Languages, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, elena-boychouk@rambler.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 56—63.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 56—63.

Научная статья

УДК 81'25(=111): 81'25(=161.1)

EDN <https://elibrary.ru/rcktjh>

DOI: 10.46726/H.2025.3.6

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (стихотворение Генриха Гейне “Wir sassen am Fischerhause” в переводах А.А. Фета и Л.А. Мея)

Оксана Николаевна Жердева

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
г. Барнаул, Россия, vigrijanova@mail.ru

Елена Викторовна Абубакарова

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Барнаул, Россия,
hellen_81@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании авторами предпринята попытка установить степень влияния языковой картины мира переводчика на восприятие иноязычного текста и точность его перевода на примере сравнительного анализа поэтических переводов стихотворения Г. Гейне “Wir sassen am Fischerhause”, выполненных Л.А. Меем и А.А. Фетом. Проблема адекватности художественного перевода появилась у истоков зарождения переводческой науки и не теряет своей актуальности до сих пор, что обусловлено растущим интересом современников к национальным картинам мира, частью которых являются национальные литературы. К 40-м годам XIX века в истории русского художественного поэтического перевода произошли серьёзные изменения. На смену доминирующему в поэтическом переводе вольному переводу приходит точный перевод. Этот новый подход, по мнению А.А. Фета, акцентирует внимание на необходимости сохранения переводчиком так называемого «культурного кода» оригинального произведения, что, в свою очередь, требует глубокого понимания как исходной, так и целевой культур. Переводчик в этом случае выступает не просто в роли лингвиста, но и культурного посредника, способного передать ценностные установки, закодированные в языке оригинала. В ходе исследования авторами были проанализированы особенности переводов Фета и Мея на разных уровнях: лингвистическом (языковая эквивалентность), ритмико-интонационном, семиотическом, культурно-историческом —

с целью выявления национальной специфики их переводов и анализа основных языковых средств передачи «культурного кода» оригинального произведения.

Ключевые слова: проблема адекватности перевода, художественный перевод, Г. Гейне, А.А. Фет, Л.А. Мей, буквалистские тенденции в художественном переводе

Для цитирования: Жердева О.Н., Абубакарова Е.В. Проблема адекватности художественного перевода: лингвокультурологический аспект (стихотворение Генриха Гейне “*Wir sassen am Fischerhause*” в переводах А.А. Фета и Л.А. Мея) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 56—63.

Объективная направленность русской литературы середины XIX века ознаменовалась объективными тенденциями в поэтическом переводе, которые нашли свое отражение в требовании как можно точнее передать особенности оригинального текста, а также в стремлении к языковой эквивалентности и аутентичности по отношению к национальным культурам.

В связи с растущим интересом к лингвокультурологическому аспекту перевода художественных текстов, проблема адекватности перевода продолжает оставаться одной из наиболее обсуждаемых как в современной отечественной, так и международной теории и практике перевода. Сопоставительный анализ поэтических переводов позволяет выявить способы передачи своеобразия оригинального произведения на различных уровнях: лингвистическом (языковая эквивалентность), ритмико-интонационном, семиотическом, культурно-историческом.

Цель нашего исследования заключается в сравнении перевода стихотворения Гейне “*Wir sassen am Fischerhause*”, выполненного А.А. Фетом, с переводом того же произведения Гейне, выполненного Л.А. Меем, и определении степени влияния картины мира родного языка переводчиков на точность их переводов.

Понятие «буквальный или точный перевод» не может быть однозначно истолковано лишь на основе этимологии слова «буквальный». Это может привести к примитивному толкованию сложного понятия, включающего в себя целый ряд элементов, требующих изучения. Точно передать особенности стихотворного текста является непростой задачей, поскольку наряду с точной передачей смыслового комплекса важен эстетический момент: нужно передать красоту звучания слова, предложения, текста в целом. Задача усложняется еще и тем, что поэтический текст отличается повышенной семиотичностью [Лотман: 12].

Как отмечают теоретики перевода от Шлейермахера до наших дней, споры об аутентичности художественного перевода часто выходят за рамки чисто лингвистических исследований и касаются аутентичности отношения переводчика к культуре и языковой картине мира, к которой принадлежат переводимые произведения [Ратгауз: 24].

Среди переводчиков-буквалистов особое почетное место занимает имя Афанасия Афанасьевича Фета. Он создает, по мнению Г.И. Ратгауза, «совершенно оригинальную теорию перевода» [Там же: 37]. «Контекст высказываний поэта, — пишет Ратгауз, — не оставляет сомнений в том, что его буквальность означала прежде всего заботу о передаче труднейших языковых оборотов, особенно дерзких поэтических образов и формы оригинала» [Там же: 38]. Несмотря на то, что фетовские переводы долгое время подвергались критике современников за их непохожесть и несоответствие существующим на тот момент требованиям перевода, в современной теории художественного перевода

поэтические переводы Фета рассматриваются как показательные, демонстрирующие метод буквального перевода в поэзии [Латышев; Комиссаров].

В рамках заявленной проблематики исследования представляется целесообразным сравнить переводы немецкой поэзии А.А. Фета с переводами другого русского поэта-переводчика — Л.А. Мея.

Анализ переводов А. Фета из немецкой поэзии показывает, что ключевое место в его переводческом творчестве принадлежит произведениям Г. Гейне (38 стихотворений). Л.А. Мей перевел более сорока стихотворений Г. Гейне, при этом около половины из них составляют переводы из «Книги песен». Оба поэта выбирают для перевода преимущественно лирические произведения немецкого поэта.

По мнению Б.Я. Гордона, переводы лирических стихотворений «Книги песен», выполненные Меем, довольно близки к оригиналу, поскольку переводчику удастся передать музыкальность и психологический параллелизм Гейне. Однако Б.Я. Гордон считает, что поэт не воссоздает тонического ритма стиха Гейне и редко обращается к стихотворениям, написанным в лирико-иронической манере, а если и выбирает их, то смягчает иронию Гейне, тем самым не воссоздавая подлинную атмосферу оригинала [Гордон].

На наш взгляд, это утверждение Б.Я. Гордона слишком категорично и нуждается в уточнении. Чтобы проанализировать и оценить точность переводов Фета и Мея, нами было выбрано стихотворение Г. Гейне “*Wir sassen am Fischerhause*”, в котором присутствует явная ирония.

В стихотворении “*Wir sassen am Fischerhause*” сталкиваются две контрастных истории, два контрастных образа. С одной стороны, это рассказ о Ганге, сказочной стране, где все необычно, все «пахнет и светится», растут «огромные деревья» и живут «прекрасные, тихие люди», поклоняющиеся божественному цветку лотоса, неизвестному европейским народам. С другой стороны — рассказ о Лапландии, где живут «грязные», «лысые», «большеротые» люди, чей говор похож на кряканье.

Сравним оригинал с переводами Л.А. Мея и А.А. Фета:

Гейне:

Am Ganges duftet und leuchtet,
Und Riesenbäume blühn,
Und schöne, stille Menschen
Vor Lotusblumen knien.

In Lappland sind schmutzige Leute,
Plattköpfig, breitmäulig und klein;
Sie kauern ums Feuer, und backen
Sich Fische, und quäken und schrein.

Мей:

В Лапландии грязные люди
Лоб узкий и рот до ушей,
На корточках рыб они жарят
И квакают в тундре своей.

Подстрочник (Жердева О.Н.):

На Ганге пахнет и светится
И огромные деревья цветут,
И красивые, тихие люди
Перед цветами лотоса стоят на коленях.

В Лапландии грязные люди,
Лысые, широкоротые и маленькие,
Они сидят на корточках вокруг огня и пекут
Себе рыбу, и квакают, и кричат.

Фет:

В цветах берега у Гангеса,
Леса-исполины растут,
И стройные, кроткие люди
Там лотос, склоняясь, чтут.

В Лапландии грязные люди,
Курносый, невзрачный народ:
К огню подберется, да, рыбу
Готвя, пищит и орет.

На наш взгляд, Мей прекрасно уловил данный контраст и передал его в своем переводе, используя те же лексические средства, что и автор, например, контраст высокой и сниженной лексики. Наиболее показательным в этом плане является использованная Меем словоформа «странах» с ударением на последнем слоге, придающая всей строфе подчеркнутую высокопарность. Переводчик рисует более красивый пейзаж по сравнению с оригиналом за счет использования более эмоциональной лексики (вместо «пахнет» — «ароматы», вместо «светится» — «блеск»). Фет в своем переводе использует преимущественно нейтральную лексику, вследствие чего ирония также сглаживается.

Рассмотрим подробнее текст перевода Мей в сравнении с текстом оригинального стихотворения и переводом Фета. В перевод первой строки Мей вводит дополнительную лексему «убогий» (у Гейне: «Мы сидели у рыбацкого дома», у Мей: «В *убогой* рыбацкой избушке»). Фет тоже допускает вольность, переводя данную строчку «С порога рыбацкой избушки», однако у Фета отсутствует дополнительная информация о рыбацком жилище, в то время как у Мей лексема «убогий» дает социальную характеристику жилища и его обитателей, тем самым несколько искажая содержание оригинала.

В переводе следующей строки Мей текстуально более точен, чем Фет. Сравним:

Гейне:

Die Abendnebel kamen
Und stiegen in die Höh.

Подстрочник (Жердева О.Н.):

Вечерние туманы приходили
И поднимались ввысь.

Мей:

Вечерний туман поднимался,
Клубясь причудливо ввысь.

Фет:

Вечерний туман отделился
Приметно от волн и земли.

Фет вводит новые поэтические образы («волны», «земля»), которых нет в оригинале, Мей же допускает вольность, используя только дополнительные семы, характеризующие туман; подобные вольности в переводе менее заметны, новые же поэтические образы, как правило, вносят новую трактовку в содержание оригинала.

В следующей строфе и Фет, и Мей не соблюдают принцип эквивалентности: Фет меняет местами первую и вторую строки, Мей третью и четвертую. Интересным представляется в данной строфе перевод пассивной конструкции (Präteritum Passiv) немецкого глагола “anstecken” (“wurde angesteckt”): Фет переводит буквально — «зажигались», Мей — «зажгли». Согласно правилам перевода претеритарных форм Passiv на русский язык, вариант Мей также верен и даже более распространен в практике перевода, Фет же в данном случае переводит буквально, стремясь сохранить при переводе немецкую глагольную конструкцию.

Перевод третьей и четвертой строки в фетовском варианте, на наш взгляд, текстуально более точен, нежели перевод Мей. В переводе Мей присутствует образ моря, невербализованный, представленный в оригинале и у Фета имплицитно. Причем море у Мей является не фоном, как у Гейне и Фета, а основным образом наряду с кораблём, выступающим в стихотворении символом странствий, который уносит девушек, слушающих рассказ лирического героя, на берега Ганга и в Лапландию. Не случайно переводчик дает и достаточно подробную характеристику моря — «рябь свинцового моря» (в оригинале — «широкая даль», у Фета — «вдалеке»).

Сравним:

Гейне:

Und in der weiten Ferne
Ward noch ein Schiff entdeckt

Подстрочник (Жердева О.Н.):

И в широкой дали
Был ещё корабль обнаружен.

Мей:

Над рябью свинцового моря
Корабль показался вдали.

Фет:

И лишний один разглядели
Ещё мы корабль вдалеке.

Фет прекрасно улавливает и смысловое значение немецкого глагола “ward entdeckt” (дословно — «был обнаружен»), несмотря на то что переводит его не страдательным залогом, а изъявительным наклонением («мы разглядели»), и использует другой глагол. В данном контексте глаголы “ward entdeckt” («был обнаружен») и «разглядели» тождественны в смысловом отношении и выступают как синонимы. В переводе Мей корабль «показался».

Таким образом, несоблюдение грамматических особенностей при переводе приводит к смысловым расхождениям переводного и оригинального текстов.

Следующая строфа перевода Мей, хотя поэт-переводчик и сохраняет смысл немецкого стиха, отличается от подлинника по своему лексическому составу. Мей упускает такие гейневские семы, как «страх», «радость», «парить». Фетовский же перевод по словарю более точен.

Гейне:

Wir sprachen von Sturm und Schiffbruch
Vom Seemann, und wie er lebt
Und zwischen Himmel und Wasser
Und Angst und Freude schwebt

Подстрочник (Жердева О.Н.):

Мы говорили о штурме
и кораблекрушениях
О моряке и о том, как он живет,
И между небом и водой
И страхом, и радостью парит.

Мей:

И мы говорили о бурях
Крушеньях, о том, как тяжка
Всегда между небом и морем
Суровая жизнь моряка.

Фет:

Шла речь о крушеньях и бурях,
О том, что матросу беда, —
Что он между небом и бездной,
Надеждой и страхом всегда.

На наш взгляд, и Мей, и Фет усиливают мотив страдания, говоря о доле моряка, за счет введения дополнительных лексем «тяжка», «суровая» жизнь (Мей), «беда» (Фет). Сравним перевод оригинальной строки «О моряке и о том, как он живет» с переводами Мей («Крушеньях, о том, как тяжка»), Фета («О том, что матросу беда»).

Фет заменяет также гейневские лексемы «радость» на «надежду», «воду» на «бездну», тем самым усугубляя представление о жизни моряка как тяжелой, суровой. На наш взгляд, слова «радость» и «надежда» по своей семантике и в данном контексте не тождественны по смыслу: надежда есть вера в возможность лучшего, радость же — это состояние, которое испытывают реально; состояние радости испытывает гейневский моряк, несмотря на опасности, что подтверждает наличие в оригинальном тексте глагола «парить». Фетовский же герой живет надеждой на радость, пребывая в постоянном страхе. Слово «бездна» еще более акцентирует сему «страх».

В четвертой строфе Мей не передает гейневского повтора лексемы «дикий», что делает перевод данной строфы менее выразительным. Гейне выделяет слово «дикий», показывая тем самым экзотичность, необычность народов, живущих на Ганге. Мей несколько разрушает впечатление

экзотики и усиливает элемент прозаичности, наличествующий в оригинальном тексте, не повторяя «диковинный», но повторяя вслед за автором союз «и»:

Гейне: Und von den seltsamen Voelkern
Und seltsamen Sitten dort.

Подстрочник (Жердева О.Н.):
И о диковинных народах,
И о диковинных нравах там.

Мей: О том, как и люди и нравы...

Фет переводит слово «диковинный» как «особый» и, как и Мей, избегает его повторного употребления. Эффект прозаичности достигается в фетовском переводе повтором относительного местоимения «какой», использованного в качестве союза:

Фет: Какие по тем берегам
Особые есть населенья
Какие обычаи там...

Очевидное в оригинале столкновение прозаического и романтического, таким образом, несколько сглаживается в переводных стихотворениях обоих поэтов.

Перевод следующей строфы, сделанный Меем, представляется на первый взгляд, судя по лексике, более точным, нежели перевод Фета. Сравним, например, первую строку:

Гейне:
Am Ganges duftet's und leuchtet's

Подстрочник (Жердева О.Н.):
На Ганге пахнет и светится...

Мей:
На Ганге все блеск, ароматы...

Фет:
В цветах берега у Гангеса...

У Мея, как и в оригинальном тексте, красота природы эксплицитно зрима, а запахи осязаемы. Перевод, пожалуй, даже в большей степени идеализирует красоту пейзажа за счет подбора лексики, а потому более выразителен, эмоционален. У Фета же красота и запахи присутствуют имплицитно и скрыты в семе «цветы». В переводе последней строки данной строфы у Мея наблюдаются расхождения с оригиналом, Фет более точен:

Гейне:
Vor Lotosblumen knien

Непоэтический перевод (Жердева О.Н.):
Перед лотосом стоят на коленях.

Мей:
Пред лотосом гимны поет.

Фет:
Там лотос, склоняясь, чтут.

В шестой строфе Мей хотя и использует иную, чем в оригинале, лексику, передает, в отличие от Фета, стилистические особенности оригинала, используя, как и автор, разговорную лексику, у Фета разговорная лексика заменена нейтральной:

Гейне:
Plattkoeferfig, breitmaeuilig und klein

Подстрочник (Жердева О.Н.):
Лысые, ширококоротые и маленькие...
Квакает и орет...

Мей:
Лоб узкий и рот до ушей...
И квакает в тундре своей...

Фет:
Курносый, невзрачный народ...
Готовя, пищит и орет.

Перевод последней строфы близок к оригиналу и равнозначен как у Мея, так и у Фета.

Проанализировав перевод данного стихотворения, сделанный Меем, мы приходим к выводу, что поэт стремится к точному воспроизведению гейневского словаря и стиля автора, а также улавливает и передает гейневскую иронию. Но даже на этом фоне фетовский перевод отличается безукоризненной точностью. Фет не уступает, а в некоторых отношениях даже превосходит перевод Мея.

Мы считаем, что данный факт можно объяснить тем, что Фет обладает бикультурной идентичностью. Он немец по происхождению, но вырос в России и с детства говорил на двух языках. Это уникальное сочетание двух культур — оригинальной (автора) и родной (переводчика) — находит отражение в его переводных произведениях.

Поэт стремится находить такие языковые параллели на лексическом, синтаксическом, стилевом уровнях, которые не создают ощущения «чуждости», однако при этом сохраняют явные черты оригинала. В переводах А.А. Фета прослеживается гармоничное влияние немецкой и русской культур, что делает его переводы необычайно точными, но в то же время наполненными культурными смыслами оригинальных произведений. Известный постулат В. Гумбольдта о том, что переводчик выполнил свою задачу и поднялся до оригинала, если в его переводе ощущается чужое, но не чуждое, вполне органичен для Фета-переводчика.

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ поэтических переводов стихотворения Г. Гейне “Wir sassen am Fischerhause”, выполненных Л.А. Меем и А.А. Фетом, позволяет утверждать, что языковая картина мира переводчика оказывает сильное влияние на точность его переводов. Являясь носителем знаний о родной культуре и культуре оригинального произведения, переводчик способен находить более точные эквиваленты, создавать более точные образы, передавать более точную эмоциональную и стилистическую окраску оригинального произведения в своем переводе.

Список источников

- Мей Л.А. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и прим. К.К. Бухмейер. Л.: Советский писатель, 1972. 315 с.
 Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. СПб.: Фолио-Пресс, 2004. Т. 2. Переводы. С. 244—245.
 Heine H. Heines Werke: in fuenf Baenden. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1972. Bd. 1: Buch der Lieder; Gedichte, 1827—1839. 469 с.

Список литературы / References

- Гордон Б.Я. Гейне в России 1830—1880 гг. Душанбе: Ирфон, 1973. 360 с.
 (Gordon B.Ya. Heine in Russia 1830—1880, Dushanbe, 1973, 360 p. — In Russ.)
 Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. 2-е изд., М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
 (Komissarov V. N. Modern Translation Studies, 2nd ed., Moscow, 2011, 408 p. — In Russ.)
 Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность и способы её достижения. М.: Международные отношения, 1981. 247с.
 (Latishev L.K. Translation course: Equivalence and how to achieve it, Moscow, 1981, 247 p. — In Russ.)
 Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство, 1996. 846 с.
 (Lotman Yu.M. About poetry and poets, St. Petersburg, 1996, 846 p. — In Russ.)
 Ратгауз Г.И. Немецкая поэзия в России // Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах, 1812—1970. М.: Прогресс, 1974. С. 5—55.
 (Ratgauz G.I. German poetry in Russia, *The Golden Pen: German, Austrian and Swiss poetry in Russian translations*, 1812—1970, Moscow, 1974, 736 p. — In Russ.)

THE PROBLEM OF ADEQUACY OF ARTISTIC TRANSLATION: LINGUOCULTURAL ASPECT

(translations of Heinrich Heine's poem “Wir sassen am Fischerhaus”
by A.A. Fet and L.A. Mey)

Oksana N. Zherdeva

Polzunov Altai State Technical University, Barnaul,
Russian Federation, vigrijanova@mail.ru

Elena V. Abubakarova

Altai branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Barnaul, Russian Federation, hellen_81@mail.ru

Abstract. In this study, the authors attempt to establish the degree of influence of the translator's linguistic picture of the world on the perception of a foreign-language text and the accuracy of its translation on the example of a comparative analysis of poetic translations of Heine's poem “Wir sassen am Fischerhaus” by L.A. Mey and A.A. Fet. The problem of the adequacy of artistic translation appeared at the origins of translation science and does not lose its relevance to this day, which is due to the growing interest of contemporaries in the national pictures of the world, of which national literatures are a part. By the 1940s of the nineteenth century, serious changes had taken place in the history of Russian artistic poetic translation. The free translation dominating in poetic translation was being replaced by the so-called ‘accurate’ translation. This new approach, according to A.A. Fet, emphasizes the need for the translator to preserve the so-called “cultural code” of the original work, which in turn requires a deep understanding of both the source and target cultures. The translator in this case acts not just as a linguist, but also as a cultural mediator capable of conveying the values encoded in the original language. In the course of the study, the authors analyzed the peculiarities of Fet's and Mey's translations at different levels: linguistic (linguistic equivalence), rhythmic-intonational, semiotic, cultural-historical, in order to reveal the national specificity of their translations and define the main linguistic means of transmitting the “cultural code” of the original work.

Keywords: problem of translation adequacy, artistic translation, H. Heine, A.A. Fet, L.A. Mey, literalist tendencies in artistic translation

For citation: Zherdeva O.N., Abubakarova E.V. The problem of adequacy of artistic translation: linguocultural aspect (translations of Heinrich Heine's poem “Wir sassen am Fischerhaus” by A.A. Fet and L.A. Mey), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 56—63.

Статья поступила в редакцию 04.12.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 04.12.2024; approved after reviewing 18.01.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Жердева Оксана Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия, vigrijanova@mail.ru, SPIN: 8850-3315

Zherdeva Oksana Nikolaevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russian Federation, vigrijanova@mail.ru

Абубакарова Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, г. Барнаул, Россия, hellen_81@mail.ru, SPIN: 2597-4589

Abubakarova Elena Viktorovna — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Altai branch of Russian presidential academy of national economy and public administration, Barnaul, Russian Federation, hellen_81@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 64—74.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 64—74.

Научная статья

УДК 81'37: 821.161.1(19)

EDN <https://elibrary.ru/qxcdfr>

DOI: 10.46726/H.2025.3.7

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГЕРОЕВ В ЖАНРЕ РАССКАЗА (И.А. Бунин «Руся»)

Фения Фархасовна Фархутдинова, Беренис Буэссо Малонга

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

fenfar@mail.ru, berenicebouesso@gmail.com

Аннотация. Многократно исследованный и описанный в научной литературе рассказ «Руся» получает разную интерпретацию содержания и вложенных в него смыслов, что обусловлено социальными запросами времени, факторами идеологического и биографического планов, различием аспектов собственно филологического анализа. Эти подходы позволяют рассматривать рассказ как феномен русской культуры. Обращение к анализу коммуникативного поведения героев рассказа нацелено на объективную интерпретацию характера героев, осмысление их отношений, авторский взгляд на рассказанную историю, а также скрытый в ней смысл. Коммуникативное поведение человека обусловлено существующими у народа традициями общения. Оно строится с учетом ситуации общения, возрастных особенностей коммуникантов, гендерной составляющей и т. д. В художественном произведении коммуникативное поведение описывается через слово либо оборот речи, сказанные героем или самим автором. При этом писатель в равной мере обращает внимание на невербальную составляющую общения (взгляды, интонацию, функциональную подвижность), на вербальную составляющую (лексико-фразеологическое наполнение формул речевого этикета, их грамматическое оформление, характер обращений), а также на феномен молчания. Именно поэтому в центре внимания оказались ситуации общения героев рассказа «Руся», дистанция их общения, формулы речевого этикета, используемые ими, тематическая группа глаголов говорения, характеризующая речь персонажей, а также номинативные цепочки, называющие героев произведения. Анализ перечисленных материалов позволил дать новую интерпретацию содержания рассказа, который оказался актуальным для современных реалий.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Руся», коммуникативное поведение, ситуация общения, речевой этикет, молчание, глаголы говорения, отговорка, номинативная цепочка

Для цитирования: Фархутдинова Ф.Ф., Буэссо Малонга Б. Коммуникативное поведение героев в жанре рассказа (И.А. Бунин «Руся») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 64—74.

Рассказ И.А. Бунина «Руся», входящий в цикл «Темные аллеи», не раз оказывался в поле зрения филологов. Подходы к его анализу существенным образом различаются и во многом определяются социальными запросами времени: в советском литературоведении — идеологическими факторами [Волков; Иофьев], в исследованиях постсоветского периода — интересом к биографии писателя и его философии [Мальцев], в работах последних десятилетий — собственно филологическим анализом, опирающимся на современные методики

[Нгуен]. Благодаря этому описано, объяснено и обосновано место рассказа внутри цикла «Темные аллеи» [Марченко 2011], обнаружены и проанализированы его интертекстуальные связи с произведениями русской и зарубежной литературы [Марченко 2011], фабула произведения и его композиция [Есаулов; Лю], показана роль хронотопа в реализации авторского замысла [Есаулов], охарактеризованы герои [Есаулов; Ли Сан; Марченко 2011; Богданова], особенности его антропонимики [Нгуен], доказана важная роль природы и образов-символов в раскрытии характера главной героини и самого автора [Богданова; Марченко 2010; Марченко 2011; Нгуен; Литвинов]. Еще один аспект исследований рассказа — разбор его сценических интерпретаций [Поправка]. Кроме того, предложены методические разработки по его изучению на уроках русского языка и литературы в школе [Чехонина] и в иностранной аудитории (в аспекте РКИ) [Русанова].

При этом различие исследовательских подходов к осмыслению рассказа ведет и к существенным различиям в выводах авторов статей, что было аргументированно показано О.В. Богдановой [Богданова]. Т.В. Марченко объясняет несхожесть трактовок рассказа тем, что до сих пор не проведена «грамотная текстологическая работа с прозаическим наследием Бунина», история текстов, к которым сам писатель относился очень трепетно, не изучена, и главный шаг к созданию фундамента научного издания произведений лауреата Нобелевской премии до сих пор не сделан. К тому же, продолжает она, *большая* часть произведений Бунина изучается на основе текстов, вошедших в собрания сочинений писателя, и не учитывает другие важные материалы: первые публикации, подвергшиеся затем редактированию, рукописное наследие и др., что не позволяет делать объективные выводы о работе писателя над текстами и об изменениях в его замыслах [Марченко 2010]. Действительно, большинство работ, посвященных рассказу «Руся», представляет собой либо результат филологического анализа, который рассматривает произведение как феномен культуры, либо читательскую интерпретацию содержания произведения, его восприятие образов героев и их судеб, а также тех уроков, которые читатель извлекает из прочтения произведения в силу своего опыта и жизненных установок. А это означает, что различие интерпретаций рассказа неизбежно.

Сформулированная нами в названии статьи проблема еще не была предметом специального исследования. Между тем изучение коммуникативного поведения героев художественного произведения дает возможность объективно интерпретировать и характер героев, и развитие их отношений, и авторский взгляд на рассказанную историю, и скрытый в ней смысл.

Коммуникативное поведение определяется как «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности» [Стернин 2000: 3; Прохоров, Стернин]. В данном определении на первый план выведена лингвокультурная обусловленность поведения человека в общении с другими людьми — следование существующим у народа традициям общения, которые строятся с учетом ситуации общения, возрастных особенностей коммуникантов, гендерной составляющей и т. д. Кроме того, определение подчеркивает, что в коммуникативном общении каждый человек индивидуален, хотя и ведет себя в соответствии с нормами социума, сформировавшегося внутри этноса. В коммуникативно-поведенческих чертах индивида реализуются его личностные ценности, установки или привычки [Савенкова, Максютя, Гребенникова].

Единицей коммуникативного поведения называют выражаемый смысл, то есть переживаемое отношение участников общения к миру, ситуации, партнеру и себе [Карасик]. Реализованные в ходе общения коммуникативные смыслы получают разную интерпретацию, что связано с многомерностью и партитурностью коммуникативного поведения. Для коммуникативного поведения одинаково значимы невербальная составляющая общения (взгляды, интонация, функциональная подвижность) и вербальная составляющая (лексико-фразеологическое наполнение формул речевого этикета, их грамматическое оформление, характер обращений) [Карасик; Умирзакова]. В художественном произведении формой выражения коммуникативного поведения становится слово (либо выражение), сказанное героем или самим автором. Именно поэтому в центре нашего внимания оказываются ситуации общения героев рассказа «Руся», формулы речевого этикета, используемые ими, тематическая группа глаголов говорения, характеризующая речь персонажей, а также номинативные цепочки, называющие героев произведения.

Коммуникативное поведение героев рассказа «Руся» определяется жанром рассказа и фабулой, которая лежит в его основе. И.А. Есаулов формулирует ее следующим образом: «Некий господин, имя которого так и остается неизвестным, со своей также безымянной женой едут на вечернем московском поезде в Севастополь. По дороге поезд останавливается — как раз в том самом месте, где у героя когда-то была любовная история. Его девушку звали Маруся, Руся. Об этой давней истории герой и рассказывает, а некоторые подробности вспоминает позже. Утром они с женой завтракают и продолжают разговор» [Есаулов: 86]. При этом композиция рассказа, отмечает исследователь, намного сложнее, потому что включает историю любви с Русей (вставная новелла о том, что было двадцать лет назад) и рассказ о героях в момент повествования. Таким образом, в небольшом по объему рассказе можно наблюдать коммуникативное поведение героев внутри двух семей — семьи безымянного рассказчика, отношения между членами которой читатель видит здесь и сейчас, и семьи его давней возлюбленной, отношения членов которой воссоздается в памяти главного героя.

Одним из факторов, определяющих коммуникативное поведение героев и характер их отношений, является категория вежливости и ее реализация в *ты-форме* и *вы-форме*, употребляемых в русском семейном и внесемейном общении.

Семья рассказчика в описываемый момент времени — это он и его жена. Автор называет их просто: *господин* и *дама*, где *господин* — «В буржуазно-дворянском обществе: человек, принадлежащий к привилегированным слоям общества», а *дама* — «Женщина, принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу (устар.)» [Карта слов].

Коммуникативное поведение героев можно наблюдать с первой реплики дамы — жены героя. Именно она обращается к кондуктору: «*Послушайте. Почему мы стоим?*»* — и слышит в ответ, что встречный курьерский поезд опаздывает. Глагольная форма повелительного наклонения *Послушайте* является «формой обращения, привлечения внимания» и употребляется обычно в препозиции, т. е. «слово говорится перед речью, обращенной вопросительно к кому-л.» [Балакай: 382]. В русском языке существует две формулы привлечения внимания: *послушайте* и *послушай*, которые соответствуют *вы-форме* и

* Здесь и далее текст рассказа цитируется по изданию: [Бунин].

ты-форме общения. Дама при обращении к кондуктору использует *вы-форму*, проявляя тем самым вежливое отношение к железнодорожному служащему. Получив ответ, дама не просто встает рядом с господином, а облакачивается, то есть опирается локтем (локтями) на него. В этом движении проявляется личная свобода женщины: она не нарушает этикетных правил (в проходе вагона никого нет), но и не отделяет свое личное пространство от личного пространства мужа, потому что «Он облокотился на окно, она на его плечо». Она использует его личную зону как свою собственную, а личная зона — та ключевая область общения, куда разрешено проникать только очень близкому человеку. Господин никак не реагирует на это движение жены и, значит, воспринимает его как норму их межличностного общения. Телесное соприкосновение, которое оценивается как сверхинтимная дистанция общения, характерна для очень близких людей (родителей с детьми, супругов, влюбленных) [Стернин 1996: 28]. И в тот самый момент, когда жена облокотилась на господина, он начинает рассказывать о событиях двадцатилетней давности и о своей любви к девушке, которая жила в имении недалеко от станции — места неожиданной остановки пассажирского поезда. Начало его рассказа — это описание местности, где господин оказался двадцать лет назад. Он отличный рассказчик, потому что кратко, точно и в ярких образах дает характеристику здешних мест: «Скучная местность. Мелкий лес, сороки, комары и стрекозы. Вида нигде никакого. В усадьбе любоваться горизонтом можно было только с мезонина. Дом, конечно, в русском дачном стиле и очень запущенный, — хозяева были люди обедневшие, — за домом некоторое подобие сада, за садом не то озеро, не то болото, заросшее кугой и кувшинками, и неизбежная плоскодонка возле топкого берега. Однако дама дополняет эту картину и оживляет ее: «— И, конечно, скучающая дачная девица, которую ты катал по этому болоту». Скучный мир, наполненный комарами и стрекозами, по словам господина, был дик и в чем-то даже страшен. Только в одном господин не согласился с женой: девицу нельзя было назвать *скучающей*.

Как видим, в этой части своего рассказа герой входит в пространство своей памяти и готов делиться своими воспоминаниями не просто с собеседницей, а с женой, не скрывая своих настроений и эмоций двадцатилетней давности. Она сразу приготовилась слушать и засыпала его вопросами: «— Ну и что же у вас с этой девицей было? Настоящий роман? Ты почему-то никогда не рассказывал мне о ней. Какая она была?». В формулировках вопросов есть несколько важных языковых особенностей. В вопросе «Ну и что же у вас с этой девицей было?» дама использует местоимение *у вас*, а не местоимение *у тебя*, хотя для их общения друг с другом характерны *ты-формы*. Женщина предполагает, что в отношениях молодых людей была взаимность (*у вас*) и что чувства были серьезными. Ее интересуют не только сами отношения, но и образ *скучающей девицы*. Не случайно дальше она спрашивает: «Настоящий роман?», где *роман* — это любовные отношения между мужчиной и женщиной. А в конце своей реплики дама замечает: «Ты почему-то никогда не рассказывал мне о ней». В этой реплике проскальзывает удивление, связанное с тем, что жена совсем ничего не знает об этой девушке. По-видимому, о других своих влюбленностях герой рассказывал ей, то есть между супругами были доверительные отношения. Поэтому закономерен вопрос «Какая она была?». Казалось бы, и сейчас он ничего не скрывает от жены: описывает внешность девушки, ее необычный наряд, называет ее имя, рассказывает о ее родителях и брате, о своих чувствах (*был влюблен ужасно*), о том, что роман ничем не

завершился. При этом сам диалог супругов оказался очень коротким, потому что муж не захотел объяснять причины разрыва с Русей.

Исследователи рассказа обращают особое внимание на завершающую часть вечернего диалога: «— Ну, расскажи хоть в двух словах, чем и как ваш роман кончился. — Да ничем. Уехал, и делу конец. — Почему же ты не женился на ней? — Очевидно, предчувствовал, что встречу тебя. — Нет, серьезно? — Ну, потому, что я застрелился, а она закололась кинжалом...». Нежелание героя рассказать историю любви и особенно причину разрыва объясняют по-разному [Богданова; Есаулов; Марченко], обычно оставляя вне поля зрения коммуникативную составляющую. Если жена настроена на продолжение разговора, который совершенно случайно и неожиданно для нее начал муж, то супруг нацелен на прекращение своего повествования. Это проявляется в измененной тональности его речи, которая произошла после паузы. Бунин пишет: «Он помолчал и сухо ответил: Но пойдём спать. Я ужасно устал за день». Почему герой помолчал? Молчание — это коммуникативный и социокультурный феномен. Он сделал паузу, чтобы обдумать свой ответ? Он показал нежелание говорить дальше? Он стал намеренно сдержанным и холодным в своем речевом поведении.

Жена это почувствовала, но не захотела принять такой ответ: «Очень мило! Только даром заинтересовал. Ну, расскажи хоть в двух словах, чем и как ваш роман кончился». А.Г. Балакай отмечает, что этикетная формула «Очень мило!» имеет ироническую окраску и используется для выражения неодобрения, несогласия, возражения [Балакай: 271]. Она недовольна незаконченным рассказом, но и он не спорит, отвечая почти в двух словах о завершении того давнего романа: «— Да ничем. Уехал, и делу конец».оборот *дело с концом /и делу конец* имеет значение «окончательная развязка чего-л.; на этом все и закончилось» [Карта слов]. Таким образом, муж хочет завершить случайно начатый рассказ-воспоминание: двадцать лет назад он уехал из этих мест, и любовный роман завершился. Но он не ответил на вопрос, почему не женился на той девушке. Тогда он прибегает к отговоркам. Отговорка — это ссылка на вымышленное или несущественное обстоятельство, позволяющее уклониться или отказаться от ответа на заданный вопрос [Карта слов]. Господин вначале говорит приятное для жены: «Очевидно, предчувствовал, что встречу тебя», а потом — более жесткое и резкое: «Ну, потому, что я застрелился, а она закололась кинжалом». Речевой жанр *отговорка* соотносится со значением глагола речевой деятельности *отговориться* и опирается на его семантику — «отказаться, уклониться от чего-л., ссылаясь на что-л., оправдываясь чем-л.» [Карта слов]. Известно, что *отговорка* и *отговор* в детском фольклоре — это жанры-реакции (реактивные жанры), цель которых — «восстановить социальное равновесие, погасить конфликт, не прибегая к активной агрессии» [Сидоренко: 235]. В общении взрослых людей отговорки тоже встречаются и используются они с разными целями. В этой ситуации герой с помощью отговорки обрывает свой рассказ об истории любви. Разговор действительно завершился, перейдя в плоскость повседневных привычек: супруги почистили зубы и легли спать «под свежее глянцевитое полотно простынь и на такие же подушки». Она заснула, а он стал восстанавливать в памяти события того необычного лета.

Начало воспоминаний связано с памятью о теле девушки: о том, как оно волновалось при ходьбе, как много на нем было прелестных родинок, какие узкие ступни были у нее, и какое счастье он испытал, целуя их. А потом в памяти стали всплывать разные ситуации их общения и то, как и что она говорила. Он вспоминает, что вначале «она все приглядывалась к нему; когда он

заговаривал с ней, темно краснела и отвечала насмешливым *бормотанием*. Это означает, что она изучала его: «всматривалась в него, пристально и внимательно разглядывала его» [Карта слов]. Он это видел и пытался заводить разговор с ней. Она стеснялась отвечать ему, краснела от смущения и отвечала на его слова тихо и невнятно — «бормотала под нос» [Карта слов].

В других ситуациях ее скромность исчезала, как, например, за обеденным столом, где Руся задевала, обижала и даже оскорбляла его, когда говорила, *«громко обращаясь к отцу: — Не угощайте его, папа, напрасно. Он вареников не любит. Впрочем, он и крошки не любит, и лапши не любит, и протоквашу презирает, и творог ненавидит»*. О человеке, сидящем за столом, она говорит в третьем лице — как об отсутствующем, что, согласно русскому речевому этикету, считается невежливым, поскольку «говорящий как бы исключает собеседника из общения, демонстрируя тем самым неуважительное к нему отношение» [Балакай: 329]. Нарочитую невежливость можно объяснить по-разному, в первую очередь, положением героя в доме родителей Руси. В начале своего рассказа господин сказал, что был репетитором в усадьбе. В русской культурной традиции изначально репетиторами были иностранцы, нанимаемые в качестве гувернеров. Но с середины XIX века частными уроками подрабатывали профессора, учителя с низким жалованьем, студенты, хорошо успевавшие гимназисты. В репетиторы шли главным образом для дополнительного заработка. В летнее каникулярное время репетитор готовил ребенка к поступлению в средние и низшие учебные заведения, а также к зачислению в начальные классы. Нередко репетитор проходил с учеником «несколько вперед» из курса будущего обучения, чтобы облегчить тому обучение зимой [Кондратьева]. Бунинский герой был студентом и, видимо, занимался репетиторством ради денег. Зависимое от хозяев положение заставляло его смиренно принимать невежливое отношение к себе. Но эта невежливость запомнилась еще и потому, что Руся подчеркнуто вежлива с родителями, в общении с которыми она использует исключительно *вы*-формы. Для современного читателя такое семейное общение воспринимается как непривычное и архаичное. Но оно имело и сословный характер: обращение на *вы* детей к родителям, младших к старшим «было распространено в XIX веке преимущественно среди привилегированных сословий, а также в купеческой и мещанской среде» [Балакай: 93; Катрецкая].

В ситуациях, когда герои занимались своими делами (Руся писала с натуры или, стоя на балконе, заводила беседы с героем, который читал книги по истории французской революции), она соблюдала все этикетные нормы, обращалась к нему на *вы*, *«посматривала на него с неопределенной усмешкой»* и говорила с ним *постоянно насмешливым тоном*. Но точно так же она говорит и о своих талантах живописца: *«— А что ж вы свою живопись забросили? — Вот-вот и совсем заброшу. Убедилась в своей бездарности»*. Герой вспоминает, что усвоил себе этот насмешливый тон и начал с ней говорить так же, сохраняя формы *вы*-общения.

В сценах катания на лодке, где он и она были вдвоем, он вспоминает чувства, которые испытывал тогда: нежность к ней и ее испугу, показное равнодушие, озабоченность греблей и тем, что его картуз может упасть на дно лодки и намочить. Насмешливость ушла, когда девушка заговорила с ним просто и улыбалась ему, потому что он во время прогулки по озеру спас ее от ужа, оказавшегося в лодке. Он вспомнил, что *«у него опять нежно дрогнуло сердце»*.

Формы *вы*-общения быстро заменились формами *ты*-общения, когда произошло объяснение в любви и наступила физическая близость, когда они, по ее словам, *стали мужем и женой*. Он вспоминает, что *молчал от нестерпимого счастья*. Герой осмысленно и сознательно отказывается от словесного общения и только целует ее руки. Слова оказываются лишними перед лицом любви. Но он чувствует себя мужчиной-защитником, когда успокаивает ее, услышавшую таинственные лесные шорохи: *«Не бойся, это, верно, лягушка выползает на берег. Или еж в лесу...»*.

Вспомнил он и сцену в гостиной. Кажется, что они с Русей просто сидели на диване, касаясь головами друг друга, и делали вид, что разглядывают картинки в старом журнале «Нива». Но шепотом они говорили о любви: *«— Ты меня еще не разлюбила? — тихо спрашивал он, делая вид, что внимательно смотрит. — Глупый. Ужасно глупый! — шептала она»*. Эта невинная сцена была прервана выстрелом: из старинного пистолета, которым мальчик Петя пугал воробьев, стреляла мать Руси. Герой бросился отнимать у нее пистолет. Женщина же театральными криками поставила дочь перед выбором: *«— Только через мой труп перешагнет она к тебе! Если сбежит с тобой, в тот же день повешусь, брошусь с крыши! Негодяй, вон из моего дома! Марья Викторовна, выбирайте: мать или он!»* Руся выбрала мать, а герой *«был безобразно, с позором, ошеломленный ужасом совершенно внезапной разлуки, выгнан из дому»*.

Таким образом, воспоминания героя о том далеком удивительном лете включают не только яркие эпизоды юношеской любви, не только его чувства и мысли, не только мир природы, ставший свидетелем их любви, но и речь героини: слова, интонацию, манеру говорить. Ее меняющаяся речь отражает изменение ее душевного состояния: она то насмешливо *бормотала*, то *задевала* героя *словами*, могла *говорить* с ним *решительно*, *взвизгнуть* и *дико взвизгнуть*, *крикнуть*, *заговорить просто*, *болтать страшные глупости*, *шептать*, а в последней сцене его воспоминаний она *«говорила, блестя ему в глаза радостными черно-зеркальными глазами»*. Руся была всегда очень разной.

Постоянную изменчивость Руси наблюдаем и в тех номинациях, которые близкие девушки, герой и его жена используют в общении с ней или в рассказе о ней. Совокупность этих номинаций образует следующую номинативную цепочку, каждое слово которой маркирует отношение говорящего к ней: *скучающая дачная девица — девица совсем не скужающая — девица — художница — истеричка — Руся — Маруся — она — совсем еще девчонка — жена — Марья Викторовна — свою дачную девицу с костлявыми ступнями — дачная девица*, в которой самым часто употребляемым словом является *она*, где *она* — «3. Любимая, возлюбленная, героиня романа» [Карта слов]. Заглавное имя в тексте рассказа встречается дважды: в названии рассказа и в ответе героя о том, как звали скужающую девицу из усадьбы. Номинативная цепочка, называющая героя рассказа, выглядит следующим образом: *господин — он — репетитор — революционер — молодец — глупый — муж — негодяй*. При этом совершенно очевидно, что «совокупность различных номинаций создает “номинативный” портрет объекта», задает «в тексте смысловую направленность» [Громыкина: 199] и позволяет выразить отношение к изображаемому. Сказанное особенно справедливо к номинациям матери Руси, где хорошо видно, как она важна для Руси, которая называет ее *мама*, и для героя произведения, для которого она — *мать — какая-то княжна с восточной кровью — полоумная мать*.

Что мог рассказать герой своей жене о том романе, который был двадцать лет назад? О перелесках, сороках, болотах, кувшинках, ужах, журавлях?

О петухе, козереге и стрекозах? О родинках на теле девушки? О том, что Руся бережно прижимала к груди картуз, который хранил запах его головы и его гадкого одеколона? О том, что его счастье было коротким? Или о том, что полубезумная мать выстрелила в него из пугача, которым Петя палил в воробьев? О том, что его назвали *негодяем* и «безобразно, с позором» выгнали из дома родителей Руси? Все это он мог хранить в своей душе и памяти, но не мог сделать достоянием других, в том числе жены. Отсюда и его фраза *Amata nobis quantum arnabitur nulla*, произнесенная вслух и оставленная без перевода. «— Это по-латыни? Что это значит? — Этого тебе не нужно знать». Говорит это герой в вагоне-ресторане, где он после завтрака пьет кофе с коньяком. В начале рассказа господин и его жена смотрели в открытое окно и были на сверхинтимном расстоянии. В конце рассказа их личные зоны не перекрываются, между ними нет близости: один еще погружен в прошлое, другая смотрит на бегущее за окном настоящее. Герой закрыл вход в пространство своей памяти.

Проведенный нами анализ опирался на объективный материал и не строился на предположениях. Мы намеренно дистанцировались от суждений типа «Руся, имя главной героини рассказа, символизирует родину писателя, от которой он был насильственно отлучен. Очевидно, когда Бунин писал “Русю”, спустя двадцать лет, как покинул Россию, “испив чашу несказанных душевных страданий”, ему, литератору, было особенно важно спроецировать в слове свою глубокую муку. Думаю, это не только и не столько боль стареющего мужчины, его несвершившейся любви, но неизбывная печаль и обида сына, так рано превращенного в пасынка своей же собственной матерью — Россией...» [Литвинов].

Наблюдения над коммуникативным поведением героев рассказа «Руся» — содержанием и наполнением их монологов и диалогов, номинативными цепочками, описанием жестов, движений и интонации, паузами и молчанием, позволили увидеть еще один слой в ткани рассказа и понять еще один смысл, заложенный в него автором.

Герой рассказа — успешный человек, у которого все благополучно. Он с комфортом едет на отдых в вагоне первого класса и на завтрак пьет кофе с коньяком. Но комфорт нынешней жизни не дает ему того счастья, которое он испытал только однажды в далекой молодости. И это счастье было отравлено обидными словами и глупыми действиями полоумной женщины. В том, что случилось двадцать лет назад, не было вины героя, как не было и предательства с его стороны — отказалась от него Руся, которая сделала свой выбор между ним и матерью в пользу матери. Оказалось, что унижение после позорного изгнания из усадьбы не забылось: разрыв с любимой и перенесенное оскорбление до сих пор не забылись, и герой ищет утешения в алкоголе и успокоения в чужих мыслях и чужом опыте. Отсюда и стих из Катуллы: *Amata nobis quantum arnabitur nulla!*

Предложенное толкование рассказа и отдельных его фрагментов через анализ коммуникативного поведения героев показывает, что рассказ очень актуален в свете формирования личностных ценностей: комфорт и материальное благополучие, образование и положение в обществе не делают человека счастливым.

Список источников

- Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд. М.: Аст-Пресс, 2001. 672 с.
 Бунин И.А. Руся // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 5. С. 283—291.
 Карта Слов. Ру — Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 17.12.2024).
 Стернин И.А. Русский речевого этикет. Воронеж: ВОИПКРО, 1996. 73 с.

Список литературы / References

- Богданова О.В., Лю Миньцзе. Рассказ И. Бунина «Руся»: субъект и природа, культурная модель // *Среда. Культура: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. междисциплинар. конф.* Н. Новгород, 2023. С. 24—40.
 (Bogdanova O.V., Liu Mingze. I. Bunin's short story "Rusya": subject and nature, cultural model, Environment. Culture: Collection of materials of the First All-Russian Scientific and Practical transdisciplinary conference, Niznyi Novgorod, 2023, pp. 24—40. — In Russ.)
 Волков А.А. Проза Ивана Бунина. М.: Московский рабочий, 1969. 448 с.
 (Volkov A.A. The prose of Ivan Bunin, Moscow, 1969, 448 p.— In Russ.)
 Громыхина А.А. Возможности гетеронимативного подхода к анализу корпуса текстов о Волгограде в СМИ // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание.* 2011. № 1—13. С. 198—203.
 (Gromyhina A.A. Possibilities of heteronominative approach to analyzing the corpus of texts about Volgograd in mass media, *Science journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistic*, 2011, № 1—13, pp. 198—203. — In Russ.)
 Есаулов И.А. Текст и мир рассказа И.А. Бунина «Руся» // *Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы Всероссийской научной конференции.* Елец, 2014. С. 86—91.
 (Esaulov I.A. The text and the world of I.A. Bunin's short story "Rusya", *Ivan Bunin in the spiritual and cultural space of modernity. Materials of the All-Russian Scientific Conference*, Elets, 2014, pp. 86—91. — In Russ.)
 Иофьев М.И. Поздняя новелла Бунина // Иофьев М.И. Профили искусства. М.: Искусство, 1965. С. 277—319.
 (Iofiev M.I. Bunin's late novel, *Iofiev M.I. Profiles of art*, Moscow, 1965, pp. 277—319. — In Russ.)
 Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
 (Karasik V.I. Language keys, Moscow, 2009, 406 p. — In Russ.)
 Катрецакая Д.С. Функционирование местоимений ты, вы в русском речевом этикете: исторический аспект // *Новые горизонты русистики.* 2023. № 2 (20). С. 69—72.
 (Katretskaya D.S. The functioning of the pronouns you and you in Russian speech etiquette: a historical aspect, *New horizons of Russian studies*, 2023, no. 2 (20), pp. 69—72. — In Russ.)
 Кондратьева Г.В. Репетиторство в XIX веке // *Полином.* 2009. № 1. С. 4—9.
 (Kondratieva G.V. Tutoring in the 19th century, *Polynom*, 2009, no. 1, pp. 4—9. — In Russ.)
 Ли Сан Ч. Женский образ в «Темных аллеях» И.А. Бунина в эстетическом прочтении // *Преподаватель XXI века.* 2014. № 2—2. С. 327—332.
 (Lee Sang Ch. The female image in I.A. Bunin's "Dark Alleys" in an aesthetic interpretation, *Teacher of the XXI century*, 2014, no. 2-2, pp. 327—332. — In Russ.)
 Литвинов А. Символы в рассказе Ивана Бунина «Руся» // *Российский психоаналитический вестник.* 1996. № 5. URL: <https://arbat25.ru/o-czentre/publikaczii-i-stati/simvoliyi-v-ras-skaze-ivana-bunina-%C2%ABrusya%C2%BB> (дата обращения: 17.12.2024).
 (Litvinov A. Symbols in Ivan Bunin's short story "Rusya", *Russian Psychoanalytic Bulletin*, 1996, no. 5. — In Russ.)
 Лю Ц. Композиция рассказа И.А. Бунина «Руся» // *Acta Eruditorum.* 2019. № 30. С. 69—72.
 (Liu C. The composition of I.A. Bunin's short story "Rusya", *Acta Eruditorum*, 2019, no. 30, pp. 69—72. — In Russ.)

- Мальцев Ю.В. Иван Бунин 1870—1953. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. 432 с. (Maltsev Yu.V. Ivan Bunin 1870—1953, Frankfurt am Main, 1994, 432 p. — In Russ.)
- Марченко Т.В. Рассказ И.А. Бунина «Руся»: опыт интерпретации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 4. С. 31—44. (Marchenko T.V. I.A. Bunin's short story "Rusya": The experience of interpretation, *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language*, 2011, vol. 70, no. 4, pp. 31—44. — In Russ.)
- Марченко Т.В. Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: к интерпретации поздней Бунинской прозы // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. Вып. 1. С. 107—140. (Marchenko T.V. The experience of the archetypal reading of the story "Rusya": towards the interpretation of late Bunin's prose, *Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad*, 2010, iss. 1, pp. 107—140. — In Russ.)
- Нгуен Т.Т. Антропонимическая семантика в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи»: художественные функции и проблема перевода: дис. ... канд. филол. наук. Иваново. 2016. 169 с. (Nguyen T.T. Anthroponymic semantics in I.A. Bunin's cycle of short stories "Dark Alleys": artistic functions and the problem of translation: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Ivanovo, 2016, 169 p. — In Russ.)
- Поправка М.А. Особенности подготовки сценической интерпретации рассказа И.А. Бунина «Руся» // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: сб. докладов X Всерос. научно-практ. конф. молод. уч.: в 6 т. Белгород, 2022. С. 329—332. (Popravka M.A. Features of the preparation of the scenic interpretation of I.A. Bunin's short story "Rusya", *Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations: coll. of reports of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference of young scientists: in 6 vols.*, Belgorod, 2022, pp. 329—332. — In Russ.)
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2021. 238 с. (Prokhorov Yu.E., Sternin I.A. Russians: communicative behavior: 6th ed., Moscow, 2021, 238 p. — In Russ.)
- Русанова Н.В. Сценарная интерпретация художественного текста в процессе обучения РКИ (на примере рассказа И.А. Бунина «Руся») // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: материалы VI междунар. научно-метод. конф. СПб., 2017. С. 217—219. (Rusanova N.V. Scenario interpretation of a literary text in the process of teaching RCT (on the example of I.A. Bunin's short story "Rusya"), *Actual problems of humanitarian knowledge in a technical university: Materials of the VI International Scientific and Methodological Conference*, 2017, pp. 217—219. — In Russ.)
- Савенкова Л.Б., Максютя К.С., Гребенникова А.С. Личностное и ситуативное начала коммуникативного поведения героя рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека» // Мир Шолохова. 2022. № 2 (18). С. 72—84. (Savenkova L.B., Maksyuta K.S., Grebennikova A.S. The personal and situational beginnings of the communicative behavior of the hero of M.A. Sholokhov's short story "The Fate of Man", *The World of Sholokhov*, 2022, no. 2 (18), pp. 72—84. — In Russ.)
- Сидоренко А.В. Отговорка и отговор в системе речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 234—239. (Sidorenko A.V. Excuse and dissuasion in the system of speech genres, *Genres of speech*, 2019, no. 3 (23), pp. 234—239. — In Russ.)
- Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000. 52 с. (Sternin I.A. Models of description of communicative behavior, Voronezh, 2000, 52 p. — In Russ.)

Умирзакова З.А. Об изучении коммуникативного поведения в лингвистике // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. № 16. С. 59—61.
(Umirzakova Z.A. On the study of communicative behavior in linguistics, *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2018, no. 16, pp. 59—61. — In Russ.)

Чехонина И.Е. Уроки по развитию речи (рассказ И.А. Бунина «Руся») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 1. С. 99—103.

(Chekhonina I.E. Lessons on speech development (short story by I.A. Bunin “Rusya”), *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Questions of education: languages and specialty*, 2009, no. 1, pp. 99—103. — In Russ.)

COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF CHARACTERS IN THE GENRE OF SHORT STORIES (I.A. Bunin “Rusya”)

Feniya F. Farkhutdinova, Berenice Bouesso Malonga

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
fenfar@mail.ru, berenicebouesso@gmail.com

Abstract. Repeatedly researched and analyzed in the scholarly works, the short story “Rusya” receives different interpretations of the content and meanings embedded in it, due to the social demands of the time, factors of ideological and biographical plans, and differences in aspects of philological analysis proper. These approaches allow us to consider the story a phenomenon of Russian culture. The analysis of the communicative behavior of the characters in the story is aimed at an objective interpretation of the main heroes’ characters, an understanding of their relationships, the author's view of the story told, as well as the meaning hidden in it. The communicative behavior of a person is conditioned by the traditions of communication characteristic for a certain ethnic group. It is based on the communicative situation, the age of the communicants, the gender component, etc. In a work of fiction, communicative behavior is represented through a word or a turn of speech chosen by the hero or the author himself. At the same time, the writer equally pays attention to the non-verbal component of communication.

Keywords: Bunin, “Rusya”, communicative behavior, communication situation, speech etiquette, silence, speaking verbs, excuse, nominative chain

For citation: Farkhutdinova F.F., Bouesso Malonga B. Communicative behavior of characters in the genre of short stories (I.A. Bunin “Rusya”), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 64—74.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Фархутдинова Фения Фарвасовна — доктор филологических наук, профессор центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, fenfar@mail.ru, SPIN: 3863-7693

Farkhutdinova Feniya Farvasovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Center for Russian Studies and International Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, fenfar@mail.ru

Буэссо Малонга Беренис — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, berenicebouesso@gmail.com

Bouesso Malonga Berenice — postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, berenicebouesso@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 75—84.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 75—84.

Научная статья

УДК 81'37: 821.111

EDN <https://elibrary.ru/jsromy>

DOI: 10.46726/И.2025.3.8

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ-РЕПЛИК АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

(на материале романа «Урожай смертей» Каролин Уокер)

Владимир Николаевич Бабаян

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, vladimirbabayan@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистических средств выражения экспрессивности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса. Материалом исследования послужил детективный роман «Урожай смертей» Каролин Уокер. В статье приведены определения понятий «дискурс», «художественный дискурс», «диалог» и «высказывание-реплика». Проведен анализ высказываний-реплик англоязычного художественного диалога, выделены анализируемые лингвистические средства выражения экспрессивности и выявлены прагматические функции исследуемых языковых средств в высказываниях-репликах коммуникантов. Цель работы — исследование лингвистических средств выражения экспрессивности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса, а также их прагматических особенностей на всех уровнях языковой иерархии. В результате анализа высказываний-реплик диалога автор приходит к выводу, что на лексическом уровне в диалоге преобладают *сокращенные слова, бранные слова и их эвфемизмы, усилители-интенсификаторы, междометия и междометные выражения, вводные слова, фразы, этикетные формулы* и др. Перечисленные языковые средства способствуют успешной коммуникации, естественному звучанию диалога, его эмоциональной нагрузке. Высказывания-реплики диалога характеризуются следующими морфологическими особенностями: в них преобладают *местоимения первого и второго лица, сокращения, стяженные глагольные формы, аналитические эмфатические формы, фразовые глаголы, глагольные сочетания* и др. Среди синтаксических характеристик высказываний-реплик автор выделяет: *односоставные предложения, связанные в диалогические единства; эллиптические обороты и предложения; вопросы в синтаксической форме утвердительно-предложения; конструкции сослагательного наклонения* и др. Автор статьи приходит к заключению, что англоязычный художественный диалог состоит из высказываний-реплик, характеризующихся специфическими лингвистическими особенностями, реализующими прагматическую функцию высказываний-реплик его участников.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, диалогический дискурс, высказывание-реплика, лингвистические особенности, прагматика

Для цитирования: Бабаян В.Н. О лингвистических средствах выражения экспрессивности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса (на материале романа «Урожай смертей» Каролин Уокер) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 75—84.

© Бабаян В.Н., 2025

Диалогическая речь представляет одну из важнейших форм вербального общения, однако до сих пор она остаётся малоизученной [Бабаян 1998; Блох, Поляков; Круглова, Бабаян; Купцов, Шилова; Мельникова 2022; Тюкина 2021]. Недостаточно изучена и проблема экспрессивности, т. е. эмоциональной стороны высказываний-реплик коммуникантов, точнее лингвистические средства выражения эмоциональности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса. Диалогический дискурс представляется продуктом любого акта коммуникации как минимум двух его участников. Дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические факторы (знания о мире, интересы, цели коммуникатора) [Арутюнова; Бабаян 2021; Григорян; Тюкина, Мельникова 2022; Купцов, Шилова]. Дискурс есть отражение языковой и социокультурной действительности, он представляет особый способ применения языка для выражения ментальности, что находит свое выражение в особой грамматике и правилах лексики и, в конце концов, создает особый «ментальный мир» [Степанов: 38—39]. «Дискурс — интерактивная деятельность коммуникантов, взаимный обмен информацией, оказание воздействия общающимися друг на друга, применение различных коммуникативных приемов, их речевое и невербальное воплощение в практике общения» [Денисов: 12]. Дискурс — связный монологический/диалогический текст, представляющий семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний-реплик в устной/письменной форме, обращенный к слушателю/читателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывает в качестве экстралингвистических факторов всех ее продуцентов-участников [Бабаян 2021: 68]. Диалог, представляя устный тип речи двух и более лиц, является одной из важнейших форм диадического межличностного взаимодействия.

Говоря о художественном дискурсе, часто подразумевают дискурс художественной литературы. Художественный дискурс — «совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства. Под “произведением искусства” понимают текст, объект или событие, обладающее эстетической ценностью и являющееся продуктом художественного творчества. Это определение ставит, таким образом, категорию художественного дискурса в ряд других лингвоэстетических понятий, таких как художественный текст, художественная коммуникация, художественное высказывание и др.» [Фещенко: 30].

«Диалог (от греч. dialogos), <...> форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц, речевая коммуникация посредством обмена репликами» [БЭС: 388].

Единицей дискурса считают *высказывание-реплику* коммуниканта. Высказывание — минимальная структурная единица вербального общения, т. к. полноценный речевой обмен включает в себя сочетание как минимум двух *реплик-высказываний* коммуникантов [Мельникова, Тюкина 2022].

Форма, содержание и эмоциональность диалога зависят от множества различных факторов. Значимость эмоционального компонента в высказываниях-репликах диалогического художественного дискурса велика. Это есть следствие реакции коммуниканта на окружающий мир. Эмоция, воздействуя на высказывание-реплику, оказывает значительное влияние на интонацию, с которой коммуникант его произносит. Отметим, что при этом модификации,

наблюдаемые в процессе общения, могут касаться длительности звуков, темпа речи, логического ударения, мелодического рисунка высказывания-реплики в целом или отдельных его компонентов.

Эмоциональность — общая склонность человека к разнообразным положительным или отрицательным переживаниям. Экспрессивность — речевое или невербальное выражение эмоциональности, свойство определенной совокупности языковых единиц, обеспечивающее их способность передавать субъективное отношение коммуниканта к содержанию или адресату речи, а также совокупность качеств речи или текста, организованных на основе языковых единиц [Сороковых, Зыкова: 14].

Экспрессия как одна из функций языка давно привлекала внимание лингвистов. Говоря об экспрессивных языковых средствах, В.В. Виноградов отмечал: «История экспрессивных форм речи и экспрессивных элементов языка вообще в языкознании мало исследована, пути и направления их развития в отдельных конкретных языках не выяснены» [Виноградов]. Сказанное В.В. Виноградовым до сих пор актуально. Слово приобретает экспрессивную окраску в результате того, что его значение уже содержит элемент оценки.

Экспрессивность представляет свойство языкового знака, посредством которого он воздействует на воображение адресата и/или на его эмоциональную сферу. Экспрессивность относится к стилистическому значению языковой единицы. Однако экспрессивность не является таким же его компонентом, как эмоциональность, спонтанность и нормативность, так как сама по себе не несет информацию о субъекте речи, а лишь определяет характер и интенсивность восприятия как стилистической, так и предметно-логической информации, содержащейся в знаке [Богданова, Крамаренко]. К лингвистическим средствам вербализации эмоциональности в диалоге относятся средства всех языковых уровней: фонетики, лексики, грамматики (морфологии и синтаксиса) и стилистики.

В зависимости от коммуникативно-речевой ситуации, социального статуса коммуникантов, интенсивности испытываемого общающимися эмоционального состояния, совместимости того или иного способа с употреблением определенных лексических единиц и др. осуществляется выбор коммуникантом определенных средств эмоциональности в высказывании.

В свою очередь отметим, что эмоциональное состояние (напряжение) создается разнообразными вербальными и невербальными средствами, вызывающими заинтересованное отношение участников диалога (например, тема разговора). Так, возникающие при этом переживания могут передаваться *мимикой, жестами, смехом, плачем* и прежде всего *интонацией*. В результате эмоционального сопереживания у коммуниканта может возникнуть желание выразить свои *чувства, переживания, мнения* и др.

Экспрессивность и *эмоциональность*, по мнению В.И. Шаховского, частично сходные, но автономные явления. Согласно исследователю, эмоциональность высказывания всегда связана с реализацией эмоциональной оценки, в то время как экспрессивность чаще связана с интеллектуальным намерением убедить в чем-то адресата [Шаховский: 3—25].

Экспрессивность и *эмоциональность* характерны для англоязычного диалога. Значимость эмоционального компонента в реакции человека на окружающий его мир велика. Каждый в процессе своих взаимоотношений с действительностью испытывает определенное эмоциональное состояние, находящее свое выражение (вербализацию) в речи.

Говоря о **лексических средствах выражения экспрессивности**

высказываний-реплик англоязычного диалога, отметим, что высказывания-реплики, как правило, насыщены различными специфическими *лексемами, фразами, разговорными формулами — клише, фразеологизмами, сленгом и сленговыми выражениями* и др., репрезентирующими эмоциональное состояние говорящего в момент произнесения им своего высказывания.

Так, например, **эмотивная функция** речи является причиной обилия в высказываниях-репликах разного рода **усилителей** (англ. **intensifiers**), которые могут выступать в них в различных сочетаниях. Они также различны для литературно-разговорного и фамильярно-разговорного стилей. В фамильярно-разговорном стиле такие лексемы, как **how, who, when, where, which, what, why** сочетаются со словом **ever**, или суффиксом **-ever**, или с такими выражениями, как: **the devil, the hell, on earth** и т. п. Например:

(1) “That’s it. Come on, let’s go and celebrate in the pub. I’ll buy you **whatever** you want.”*

(2) “**What the hell’s** going on, ma’am?”

Поясним, что такая эмфаза возможна только в *вопросительных* или *восклицательных* типах высказываний-реплик диалога. Кроме того, заметим, что эмоциональность при этом имеет грубый, невежливый характер, т. е. связана с *раздражением, нетерпением, упреком*.

Эмоциональны и зависят от контактоустанавливающей функции такие лексемы-усилители, как **after all, actually, certainly, really** и др. Например:

(3) “**Anyway**, do you have some information, Pete?”

(4) “I think we’re **really** beginning to get somewhere, ma’am.”

Что касается *отрицательных* и *вопросительных* высказываний-реплик англоязычного диалога, отметим, что эмоциональность им часто придает выражение ... **at all**, которое обычно стоит в конечной позиции:

(5) “Yes... er... no, ma’am. No problem, no problem **at all**,” said Constable Plumb hurriedly.

Однако заметим, что это эмфатическое выражение может использоваться и в необычной позиции. Подобное употребление эмфатического выражения ...**at all** свойственно разговорному стилю диалогической речи. Например:

(6) “The man wasn’t **at all** pleased by that...”

В фамильярно-разговорном стиле с его эмоциональностью и эмфатичностью сочетается также множество **бранных слов** или их **эвфемизмов**: **damn, dash, beastly, lousy** и др. Они могут выражать в диалоге как отрицательные, так и положительные эмоции и оценки: **damned pretty, damned nice, beastly, mean, damn decent** и др. Например:

(7) “Those **bloody** bees of his are dangerous.”

(8) “Are you all right?” Jane asked Elisa.

“**Bloody hell!**”

Спецификой диалога также является обилие в высказываниях-репликах таких **грамматически самостоятельных языковых элементов**, как:

а) **междометия** и **междометные выражения**, которые, как известно, выражают чувства и побуждения, не называя их, не являясь членами предложения: **ah, alas, come, dear me, eh, goodness gracious, hullo, hey, my God, oh,**

* Здесь и далее текст романа Каролин Уокер цитируется по изданию: [Walker].

well, why, и др. Отметим, что данный лексический пласт языка принадлежит к эмотивной лексике и выражает различные эмоции (*гнев, печаль, радость, раздражение, удивление* и т. д.). Например:

(9) “*Oh, my God, I’m going to be late!*”

(10) “*Well, here goes. Good luck,*” *Jane said...*;

в) **вводные слова, фразы, клише и предложения.** Таковыми являются: *as a matter of fact, as you know, besides, certainly, however, indeed, in a word, of course, probably, firstly, secondly, speaking/ talking of, I wonder, I say, I think/ believe, you see* и др. Например:

(11) “*As you know, she will be taking over the running of this department as from today.*”

(12) “*Could be worse, I suppose...*”

Далее представляется интересным рассмотреть средства выражения экспрессивности высказываний-реплик диалога на **грамматическом уровне: морфологическом и синтаксическом**. На данных уровнях грамматики представляется возможным выявить характеристики, присущие высказываниям-репликам диалога, придающим им особую экспрессивность, знание этих признаков позволяет читателю более адекватно понимать и интерпретировать речи персонажей англоязычного диалогического художественного дискурса.

Поскольку диалог обычно содержит *иницирующие* и *реагирующие* высказывания-реплики его продуцентов, в нем, как правило, используются местоимения первого и второго лица ***I*** и ***you***:

(13) “*You have no right to be in here. Get out. I know my rights, you should have a search warrant to come in here, nosing around,*” *he growled.*

“*I’m afraid you’re wrong there, Mr Peck.*”

Характерная особенность диалога, как отмечают исследователи [Арнольд; Бабаян 2021; Бузаров; Гальперин; Купцов, Шилова; Тюкина 2021], — наличие **сокращений**, которые вызваны особыми условиями общения. Дело в том, что темп устной речи значительно ускорен по сравнению с письменной. В устной речи происходит слияние форм лексем: *He isn’t..., She hasn’t..., You aren’t..., I don’t..., She can’t..., They won’t..., You mustn’t..., he’s..., I’d..., I’ll..., it’s..., they’ve...* и др. Например:

(14) “*Oh no, I don’t believe it! The bastards!*”

(15) “*I thought I’d left this kind of thing behind. Obviously not,*” *she muttered angrily...*

Поскольку в своих произведениях мастера слова стараются передать звучащую речь персонажей, в их высказываниях-репликах довольно часто встречаются **стяженные формы: *dunno* (= *don’t know*), *gotta* (= *got to/have got to*), *wanna* (= *want to*)** и др. Например:

(16) “*Gotcha!*” *she exclaimed.*

Отметим, что стяжение в приведенном примере высказывания-реплики способствует стилизации разговорной речи.

Кроме того, англоязычному диалогу присуще использование в реплике коммуниканта **аналитической эмфатической т. н. *do*-формы (англ. *do-form*)**. Заметим, что это наблюдается в высказываниях-репликах в настоящем и прошедшем времени изъявительного и повелительного наклонения. Например:

(17) “*...I do hope the person who did this awful thing to Rose goes to prison*

for a long time...”

(18) “Not only **did** she **recognise** Jack but she also saw a white Escort estate outside Rose’s house early Monday afternoon...”

Таким образом, приходим к выводу, что диалог, представляя одну из основных форм устной речи, характеризуется особыми морфологическими особенностями, которые отличают его от других типов текста.

Говоря о **синтаксических особенностях** устной речи, прежде всего отметим, что в высказываниях-репликах диалога содержатся **эллиптические обороты**. Опущение отдельных частей высказывания является нормой диалогической речи, т. к. сама коммуникативно-речевая ситуация не требует упоминания опущенного. Однако синтаксически полные предложения-высказывания в диалоге иногда могут рассматриваться как нарушение нормы. Следует иметь в виду, что такие предложения-высказывания могут быть использованы намеренно, например, для выражения в отдельном высказывании или в диалоге в целом *подчеркнуто-официального тона, раздражения, вежливого, но настойчивого приказания, скрытой угрозы* и пр.

В англоязычной диалогической речи часто наблюдается опущение **подлежащего, именной части сказуемого** или **вспомогательного глагола**. Подлежащее обычно опускается вместе с глаголом-связкой. Например:

(20) “...He applied for promotion to DCI, you know. **Didn’t get it, though.**”
“**Really?**” Jane said.

(21) “**Nice to meet you, ma’am, welcome to Pilton.**”

В английской разговорной речи, как видно из приведенных примеров, **местоименное подлежащее** опускается. Однако заметим, что некоторые эллиптические обороты уже закреплены общественной практикой и используются в виде *штампов (формул-клише) разговорной речи*: “**Okay!**”; “**Pardon!**”, “**Glad to meet you**”; “**Most proper**” и др. Другими словами, такие эллиптические обороты не создаются заново, а повторяются в речи и этой своей особенностью они приближаются к фразеологическим единицам. Приведем другой пример:

(22) “**Sorry to disturb you, ma’am,**” said a voice she thought was PC Plumb, but a body has been found.

Совсем иначе обстоит дело с эллиптическими оборотами, которые возникают только в самом диалоге. Например:

(23) “There are not enough people to do all that (crime. — V. B.),” Pete said.
“**And why not?**”

Диалогическая речь в связи с указанными ранее условиями устной речи характеризуется еще одной важной особенностью. Процесс формирования мысли протекает почти одновременно с процессом непосредственной коммуникации, как бы «на ходу». Синтаксис поэтому получает характер непоследовательности, — следствие непродуманности. Эта непоследовательность, в частности, сказывается и в **нарушении синтаксических норм** [Гальперин: 30].

Известно, что для английской устной речи характерен **вопрос в синтаксической форме утвердительного предложения**:

(24) “Hello,” she said. “**You are...?**”

(25) “**You found the place all right then?**”

Иногда англоязычное **вопросительное предложение-высказывание-реплика** может употребляться в **эллиптической форме**: обычно опускается **вспомогательный глагол (do/does; shall/will; have/has)**, а также **подлежащее, выраженное местоимением you**:

(26) *“Want to have a look?”*

Следует подчеркнуть, что подобные высказывания-реплики относят к *нелитературным, просторечным оборотам*.

Кроме того, в разговорной речи довольно часто употребляются грамматические структуры **сослагательного наклонения**, указывающие на то, что говорящий рассматривает действие не как реальный факт, а как нечто предполагаемое или желательное. Отметим, что в английском языке сослагательное наклонение выражается различными формами:

(27) *“I’d appreciate it if you would knock before you come in, Pete,” Jane said. “Even if you have been up all night.”*

(28) *“It could also have been done for no reason at all by an insane person, but the chances of that are very slim.”*

Анализ эмпирического материала позволяет говорить о выявленных *синтаксических средствах выражения экспрессивности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса*, отражающих его специфику. К ним можем отнести следующие языковые явления, используемые в высказываниях-репликах диалогов: *эллиптические обороты, нарушение синтаксических норм, вопросы в синтаксической форме утвердительного предложения, конструкции сослагательного наклонения, просторечные обороты и разговорные клише, штампы* и др.

Таким образом, можем заключить, что выражение эмоций всегда интерактивно и ситуативно: говорящий постоянно обращается или отвечает партнеру по акту коммуникации в определенной коммуникативно-речевой ситуации с конкретной коммуникативной интенцией, причем у него всегда остается определенная степень свободы в выборе того, что сказать и каким образом это сделать. Экспрессивность не может возникать сама по себе, она всегда спровоцирована, мотивирована и активизирована ситуационными рамками, а также потребностью выражать свое эмоциональное состояние, опираясь на существующий в языке арсенал лексико-грамматических форм, являющихся базой и необходимой составляющей экспрессивного выражения.

Высказывания-реплики коммуникантов англоязычного диалогического художественного дискурса насыщены **лингвистическими средствами выражения экспрессивности** на всех языковых уровнях: *фонетики, лексики, грамматики (морфологии и синтаксиса) и стилистики*, позволяющими им выполнять прагматическую функцию высказываний-реплик.

Таким образом, приведенный материал позволяет сделать вывод, что *лингвистические средства выражения экспрессивности высказываний-реплик англоязычного художественного диалога* придают ему специфические, присущие устной речи оттенки *эмоциональности* на фонетическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях языка и способствуют выполнению прагматической функции как отдельному высказыванию-реплике, так и всему диалогу. Диалог является особой диадической формой общения со специфическими лингвопрагматическими и аксиологическими особенностями, знание и учет которых позволяет глубже понять лингвистическую природу как отдельного высказывания-реплики, так и всего диалога.

Список источников

Walker C. Deadly Harvest. Murder Mystery. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 112 p.
Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. 863 с.

Список литературы / References

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 383 с.
(Arnold I.V. Stylistics. Modern English language: textbook for universities, Moscow, 2002, 383 p. — In Russ.)
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
(Arutyunova N.D. Language and the world of man, Moscow, 1999, 896 p. — In Russ.)
- Бабаян В.Н. Особенности диалога при молчащем наблюдателе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1998. 15 с.
(Babayan V.N. Features of the dialogue with a silent observer: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Yaroslavl, 1998, 15 p. — In Russ.)
- Бабаян В.Н. О 'переключении языкового кода' и смене темы разговора в диалогическом дискурсе терциарной речи // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 2 (57). С. 68—78.
(Babayan V.N. On "the language code switching" and changing the topic of conversation in the dialogical discourse of tertiary speech, *Foreign languages in higher education*, 2021, no. 2 (57), pp. 68—78. — In Russ.)
- Блох М.Я., Поляков С.М. Строй диалогической речи. М.: Прометей, 1992. 154 с.
(Blok M. Ya., Polyakov S.M. The structure of dialogical speech, Moscow, 1992, 154 p. — In Russ.)
- Богданова О.Ю., Крамаренко О.Л. Заглавие и заголовок с позиций теории диктемной структуры текста и лингвистики эмоций // Казанская наука. 2020. № 9. С. 68—70.
(Bogdanova O. Yu., Kramarenko O.L. Title and heading from the standpoint of the theory of dictemic structure of the text and linguistics of emotions, *Kazan Science*, 2020, no. 9, pp. 68—70. — In Russ.)
- Бузаров В.В. Основы синтаксиса английской разговорной речи. М.: Крон-Пресс, 1998. 365 с.
(Buzarov V.V. Basics of Syntax of English Colloquial Speech, Moscow, 1998, 365 p. — In Russ.)
- Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003. 390 с.
(Vinogradov V.V. Selected Works. Language and style of russian writers. From Gogol to Akhmatova, Moscow, 2003, 390 p. — In Russ.)
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
(Galperin I.R. Text as an object of linguistic research, Moscow, 1981, 139 p. — In Russ.)
- Григорян А.А. Дискурс и текст // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 26—27 февраля 2005 г. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2005. С. 16—22.
(Grigoryan A.A. Discourse and text, *Genres and types of text in scientific and media discourse*. Oryol, 26—27th February 2005, ed. by A.G. Pastukhov, Orel, 2005, pp. 16—22. — In Russ.)
- Денисов К.М. Терминология когнитивной парадигмы англоязычного политического дискурса // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Иваново: Ивановский государственный университет, 2012. С. 9—16.
(Denisov K.M. Terminology of the cognitive paradigm of the English political discourse, *Theory and practice of foreign language in higher education*, Ivanovo, 2012, pp. 9—16. — In Russ.)
- Круглова С.Л., Бабаян В.Н. Основные классификации диалогов и диалогических высказываний-реплик // Вестник Костромского государственного университета, 2016. Т. 22, № 3. С. 155—159.
(Kruglova S.L., Babayan V.N. Principal classifications of dialogues and dialogic utterances, *Bulletin of Kostroma State University*, 2016, vol. 22, no. 3, pp. 155—159. — In Russ.)
- Купцов А.Е., Шилова Н.В. Семантические и коммуникативно-прагматические особенности дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 86—92.

- (Kuptsov A.E., Shilova N.V. Semantic and communicative-pragmatic features of discourse markers in the Spanish fictional discourse, *Upper Volga Philological Bulletin*, 2022, no. 4 (31), pp. 86—92. — In Russ.)
- Мельникова К.А. Различные подходы к определению понятий ‘дискурс’ и ‘медиадискурс’ // Казанская наука. 2022. № 1. С. 132—134.
(Melnikova K.A. Different approaches to defining the notions of ‘discourse’ and ‘media discourse’, *Kazan Science*, 2022, no. 1, pp. 132—134. — In Russ.)
- Мельникова К.А., Тюкина Л.А. Различные типы дискурса в современном языкознании: монография. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2022. 160 с.
(Melnikova K.A., Tyukina L.A. Various types of discourse in modern linguistics: monograph, Yaroslavl, 2022, 160 p. — In Russ.)
- Сороковых Г.В., Зыкова А.В. Обучение средствам выражения экспрессивности французской речи // Иностранные языки в школе. 2012. № 10. С. 14—20.
(Sorokovykh G.V., Zyukova A.V. Teaching means of expressiveness of the French speech, *Foreign languages at school*, no. 10, 2012, pp. 14—20. — In Russ.)
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века / науч. ред. Ю.С. Степанов. М.: Институт Языкознания РАН, 1995. С. 35—73.
(Stepanov Yu.S. Alternative world, discourse, fact and principle of causality, *Language and science of the end of the 20th century*, ed. by Yu.S. Stepanov, Moscow, 1995, pp. 35—73. — In Russ.)
- Тюкина Л.А. Юмористический диалогический дискурс в современном языкознании: определение и основные характеристики // Казанская наука. 2021. № 3. С. 120—124.
(Tyukina L.A. Humorous dialogical discourse in modern linguistics: definition and main characteristics, *Kazan Science*, 2021, no. 3, pp. 120—124. — In Russ.)
- Фещенко В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвостетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1. С. 16—35.
(Feshchenko V.V. Fictional discourse: on the definition of the term in the perspective of linguistics, *New Philological Bulletin*, 2021, no. 1, pp. 16—35. — In Russ.)
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 190 с.
(Shakhovsky V.I. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language, Voronezh, 1987, 190 p. — In Russ.)

ON THE LINGUISTIC EXPRESSIVE MEANS OF UTTERANCES OF THE ENGLISH DIALOGICAL FICTIONAL DISCOURSE (based on the novel “Deadly Harvest” by Carolyn Walker)

Vladimir N. Babayan

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation, vladimirbabayan@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic expressive means of utterances in the English dialogical discourse. The work is done on the basis of the detective novel “Deadly Harvest” by Carolyn Walker. The definitions of “discourse”, “fictional discourse”, “dialogue” and “utterance” are presented. A detailed analysis of the utterances in the English dialogue is made, linguistic expressive means revealing their pragmatic functions are studied. The aim of the work is to study the linguistic expressive means of utterances in the English dialogical discourse and their pragmatic characteristics at all the language levels. As a result of the English utterances analysis the author comes to the conclusion that at the lexical level the English dialogue is dominated by abbreviated words, intensifiers, swear words or their euphemisms, interjections and interjectional expressions, introductory words, phrases, etiquette formulas, etc. The listed linguistic expressive means contribute to successful

communication, its natural sounding, emotional aspect, etc. The utterances of the English dialogue can be characterized by the following morphological features: they contain the first and second person pronouns, abbreviations, contracted verb forms, analytical emphatic forms, phrasal verbs and verb combinations, etc. Among the syntactic characteristics of the utterances, the author points out: syntactically simple sentences, elliptical phrases and sentences, questions in the form of an affirmative sentence, the subjunctive mood constructions, etc. Thus, the English dialogue consists of interlocutors' utterances characterized by specific phonetic, lexical, grammatical and stylistic peculiarities that realize the pragmatic function of the interlocutors' utterances. These characteristics present the two-way verbal form of speech.

Keywords: discourse, fictional discourse, dialogical discourse, utterance, linguistic characteristics, pragmatics

For citation: Babayan V.N. On the linguistic expressive means of utterances of the English dialogical fictional discourse (based on the novel "Deadly Harvest" by Carolyn Walker), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 75—84.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Бабаян Владимир Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, vladimirbabayan@rambler.ru, SPIN: 3608-2127

Babayan Vladimir Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, vladimirbabayan@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 85—92.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 85—92.

Научная статья

УДК 81'27:2-1

EDN <https://elibrary.ru/hdtjpe>

DOI: 10.46726/И.2025.3.9

ИМЕНОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ПРАЗДНИКА УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Наталья Владимировна Суворова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru

Аннотация. В данной статье описываются русские и польские именованья христианского праздника *Успение Пресвятой Богородицы*. С целью обнаружения лингвокультурологической специфики данных образований анализируются особенности семантики и структуры официальных и неофициальных (народных) наименований рассматриваемой памятной даты, имеющих в своем составе религиозный компонент. В результате сопоставления русских и польских геортонимов были установлены сходства в механизме номинации официальных названий праздника *Успение Пресвятой Богородицы*, связанные с религиозной общностью народов (принадлежностью к христианству). Основные мотивационные признаки, характерные для этих образований, указывают на лицо, которому посвящена памятная дата, а также на событие, центром которого является Богородица. Однако конфессиональные различия (русское православие и польский католицизм) обусловили несходства во внутренней форме лексем, репрезентирующих разные смысловые акценты праздника *Успение Пресвятой Богородицы*.

Ключевые слова: геортоним, внутренняя форма слова, лингвокультурология, мотивационный признак, народные названия, семантика, славянские языки, структура

Для цитирования: Суворова Н.В. Именованья христианского праздника *Успение Пресвятой Богородицы* в русском и польском языках (лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 85—92.

Религиозные праздники занимают особое место в культуре каждой нации независимо от характера вероисповедания и исторического отрезка времени и являются отражением духовной сферы жизни как отдельного человека в частности, так и общества в целом. В связи с этим представляется интересным и актуальным сопоставительное лингвокультурологическое описание названий памятных дат (геортонимов), благодаря которому можно выявить не только сходства, но и различия в менталитете народов, а также проследить эволюцию их взглядов на мир.

Для русского и польского народов, исповедующих христианство, одним из важнейших двенадцатых праздников является *Успение Пресвятой Богородицы*, которое в России отмечается 28 августа, а в Польше — 15 августа. Эта памятная дата связана «с мирной кончиной, воскресением и вознесением (или прославлением) Божьей Матери» [Шангина: 192]. В русском языке как полное церковное название праздника *Успение Пресвятой Владычицы нашей*

© Суворова Н.В., 2025

Богородицы и Приснодевы Марии, являющееся калькой с греческого языка (Κοίμησις τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας), так и его сокращенные варианты (*Успение Пресвятой Богородицы*, *Успение*) содержат компонент, указывающий только на первое событие божественной триады. Слово «успление» составляет центр приведенных выше номинаций. Современные словари подают эту лексему с пометой «церковное» в двух значениях: «смерть, кончина» и «церковный праздник в память смерти Богородицы». Такая трактовка памятной даты, на первый взгляд, свидетельствует о том, что церковь понимает этот праздник как день скорби. И отчасти это действительно так. Известно, что в *Успение Пресвятой Богородицы* в Вологодской губернии пожилые женщины надевали черную одежду, потому что воспринимали этот день как день траура [Славянские древности 5: 380]. Однако если рассмотреть словообразовательную структуру слова *успление*, то становится очевидным, что данная лексема является этимологически родственной существительному «сон», возникшему из праславянского *sponь (где присутствует взрывной звук «п», утратившийся впоследствии в данном слове во всех славянских языках в результате диерезы). Следовательно, более точная трактовка рассматриваемого слова связана с процессом засыпания (кончиной), за которым последует пробуждение (воскресение). Косвенным подтверждением этой мысли могут послужить данные иконографии. В частности, на Новгородской иконе «Успение Пресвятой Богородицы», написанной в XIII веке неизвестным мастером (хранится в Государственной Третьяковской галерее в Москве), Богоматерь изображена на смертном одре в окружении двенадцати апостолов, а вверху помещен Иисус Христос, который в своих руках держит младенца, символизирующего душу его матери, перешедшей из жизни земной в жизнь небесную, вечную.

В польском языке среди геортонимов, обозначающих праздник *Успение Пресвятой Богородицы*, как и в русском, есть именованья, содержащие в своей структуре общий компонент, связанный с кончиной Богородицы: *Zaśnięcie Bogurodzicy*, *Zaśnięcie Matki Bożej*, *Zaśnięcie Marii Panny*. Польское слово *zaśnięcie* так же, как и русское *успление*, является отглагольным существительным с корнем *sen* «сон», имеет то же метафорическое значение и так же характеризуется функциональной ограниченностью (фиксируется в словарях с пометой «церковное»). При семантической тождественности русская и польская лексемы различаются морфемной структурой (характером префикса, разными абстрактными суффиксами). Причина этого явления чисто лингвистическая.

Несоответствие компонентов, обозначающих лицо, с которым связано событие, напротив, обусловлено исключительно экстралингвистическими факторами. Двухкомпонентный геортоним *Zaśnięcie Bogurodzicy* включает имя матери Христа в виде кальки с греческого (*Bogurodzica*), что говорит о его большей древности по сравнению с номинацией *Zaśnięcie Matki Bożej*, где словосочетание *Matka Boża* является чисто польским (прилагательное находится в постпозиции по отношению к существительному). Что же касается геортонима *Zaśnięcie Marii Panny*, то здесь следует отметить следы другого направления в христианстве. В большинстве европейских стран сторонники католицизма называют Богородицу Девой Марией (в польском варианте — *Maria Panna*), делая акцент на ее девственности, непорочности зачатия Иисуса Христа. Принимая во внимание некоторые различия в составе русских и польских номинаций религиозного праздника *Успение Богородицы* (*Zaśnięcie Bogurodzicy*, *Zaśnięcie Matki Bożej*, *Zaśnięcie Marii Panny*), следует отметить и сходство,

связанное с наличием общего ключевого слова (*Успение*, *Zaśnięcie*) в данных именовании, отражающего греко-православные традиции в понимании рассматриваемой памятной даты.

Однако в качестве официального названия праздника *Успение Пресвятой Богородицы* в Польше, где господствует католицизм, закрепился геортоним *Wniebowzięcie Najświętszej Maryi Panny* (Внебовзятие Пресвятой Девы Марии). Можно предположить, что это название появилось сравнительно недавно, после 1 ноября 1950 года, когда, как известно, Папа Римский Пий XII в своей апостольской конституции определил *Успение Пресвятой Богородицы* как Вознесение Девы Марии на небеса с телом и душой. Внутренняя форма польского отглагольного существительного *Wniebowzięcie* отражает последнее важнейшее событие из жизни Богоматери: взятие ее в небесную славу сыном. В отличие от православной, в римско-католической традиции, которой придерживается большая часть населения Польши, акцент делается не на мирной кончине Богородицы, а на ее переходе из земной жизни в жизнь небесную (вечную). Прилагательное *Najświętsze*, стоящее в превосходной степени, отличаясь только характером аффиксов (префиксом *naj-* и суффиксом сравнительной степени *-e-*), в семантическом плане полностью совпадает с русским прилагательным *Пресвятая* в превосходной степени. Таким образом, механизм номинации русского и польского геортонимов является сходным.

Кроме полного официального калькированного названия праздника *Wniebowzięcie Najświętszej Maryi Panny*, в польском языке есть его сокращенные варианты: *Matka Boska Wniebowzięta* (Богоматерь Вознесшаяся) и *Wniebowzięcie* (Вознесение). Первый геортоним является многокомпонентным образованием, построенным по продуктивной для польского языка модели с постпозитивным определением, и включает именование Богоматери и причастие, перешедшее в прилагательное, а не отглагольное существительное со значением «вознесшаяся». Прилагательное *Wniebowzięty* отмечается авторами польских словарей в двух значениях: «przepełnion u zachwytem, radością, pełen uniesienia» («переполненный восторгом, радостью, полный счастья») с пометой «книжное» и «o Matce Boskiej, wzięta do nieba» («о Богоматери, взятой на небо») с пометой «церковное» [Uniwersalny słownik... 4: 476]. В отличие от официального варианта, ядром которого является событие (*Wniebowzięcie*, Вознесение), в сокращенном неофициальном варианте фокус номинации перемещается на лицо, с которым оно связано (*Matka Boska*). По мнению Т. Буниковского, это не случайно, т. к. «kult Maryi i pobożność maryjna są bardzo stare w Kościele» («поклонение Марии и ее почитание очень стары в католической церкви») [Bunikowski: 17].

Однокомпонентный польский геортоним *Wniebowzięcie*, как и русский геортоним *Успение*, представляет собой крайнюю степень редукции полного канонического именовании памятной даты. В нем отсутствует упоминание о лице, с которым связано событие. Данный факт, по всей вероятности, объясняется тем, что среди названий Господних праздников нет именовании, содержащих лексемы *Wniebowzięcie* или *Успение*, поэтому отсутствует необходимость уточнять, кому посвящена дата — Иисусу Христу или его матери. Следует отметить, что в словарях современного польского языка в качестве аналога русскому названию праздника *Успение Пресвятой Богородицы* фиксируется именно существительное *Wniebowzięcie* с пометой «церковное»: «w niektórych wyznaniach chrześcijańskich wzięcie Matki Boskiej do nieba; *Wniebowzięcie* związane z tym święto kościelne, odchodzone w Kościele rzymsko-katolickim 15 sierpnia» («в некоторых христианских учениях Вознесение

Богородицы; *Успение Пресвятой Богородицы* — религиозный праздник, связанный с этим событием, который отмечается римско-католической церковью 15 августа») [Uniwersalny słownik... 4: 476]. Таким образом, в современных толковых словарях русского и польского языков отмечаются только однокомпонентные названия одного из важнейших двенадцатых христианских праздников *Успение Пресвятой Богородицы* (*Wniebowzięcie Najświętszej Maryi Panny*) — *Успение* и *Wniebowzięcie*, — в основе которых лежат разные мотивационные признаки. Русский геортоним содержит в своей внутренней форме указание на окончание земной жизни Богородицы, а польский — на переход ее в жизнь вечную. Данное различие обусловлено разными традициями: греко-православной (придерживается русская церковь) и римско-католической (придерживается польская церковь).

Праздник *Успение Пресвятой Богородицы* (*Wniebowzięcie Najświętszej Maryi Panny*) в русском и польском языках имеет немало народных названий, отражающих историко-культурные традиции и особенности конфессий. В структуре данных образований содержится компонент, непосредственно указывающий на религиозный характер памятной даты. В русском языке народные варианты именовании рассматриваемого праздника достаточно разнообразны по своей структуре и семантике. С точки зрения мотивационного признака, лежащего в основе этих названий, можно выделить группу геортонимов, отражающих произошедшее событие (*Успеница*, *Успенкин день*, *Успенев день*, *Летняя Пасха*, *Вторая Пасха*, *Малая Пасха*), и группу геортонимов, называющих лицо, с которым связано это событие (*Первая Пречистая*, *Большая Пречистая*, *Госпожин день*, *Госпожинки*, *Оспожинки*).

Внутренняя форма геортонимов *Успеница*, *Успенкин день*, *Успенев день* отражает событие, связанное с мирной кончиной Богородицы. Различия в ключевых компонентах носят структурный характер (первое — отглагольное существительное с разговорным суффиксом, второе и третье — притяжательные прилагательные с соответствующими суффиксами). Эта дата в обиходном понимании была связана для русского народа со сбором урожая, когда спедали овощные, ягодные и зерновые культуры. Судя по словарным материалам, указанные варианты именовании праздника *Успение Пресвятой Богородицы* характерны для говоров. Например, в Пермском крае считалось, что «на *Успенкин день* все успело, можно убирать» [Славянские древности 5: 380]. В данном выражении находим народно-этимологическое сближение разных по семантике лексем: *успеть* «заснуть, умереть» и *успеть* «стать спелым, созреть». Отметим, что глагол *успеть* в значении «созреть» является диалектным вариантом литературного глагола *поспеть*, то есть в данном случае в результате замены префикса происходит своеобразная языковая игра, в результате которой проявляется бытовой характер праздника в честь Богородицы.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают геортонимы *Летняя Пасха*, *Вторая Пасха*, *Малая Пасха*, основной компонент которых отражает не кончину земного пути матери Иисуса Христа (как в большинстве наименований праздника *Успение Пресвятой Богородицы* согласно православной церковной традиции), а ее воскресение. Как известно, праздник *Пасха* является торжеством из торжеств, имеющим самый высокий ранг среди церковных праздников, и посвящен воскресению Иисуса Христа. Благодаря второму компоненту, входящему в состав перечисленных выше именовании, становится понятным, что речь идет о другом событии. Прилагательное *Летняя* конкретизирует время события (Господний праздник *Пасха* всегда отмечается

весной), порядковое числительное *Вторая* и прилагательное *Малая* указывают на то, что по статусу рассматриваемая памятная дата уступает по своей значимости центральному религиозному торжеству. Однако в данном случае следует обратить внимание не на определения, которыми сопровождается ключевое слово, а непосредственно на лексему *Пасха* в составе этих трех геортонимов, свидетельствующих о том, что в народном понимании *Успение Пресвятой Богородицы* — это не только день памяти о кончине Богородицы, но и праздник, символизирующий ее воскрешение и воссоединение с сыном.

Народные варианты названия праздника *Успение Пресвятой Богородицы* — *Большая Пречистая* и *Первая Пречистая* — в своей структуре содержат общий компонент *Пречистая*, составляющий центр геортонимов и указывающий не на событие, а на лицо, стоящее в его центре. Данная лексема является старославянской по происхождению (префикс *пре-* содержит элемент неполногласия). В значении «безгрешная, беспорочная, неоскверненная» в русском языке она появилась еще в древнерусский период и употреблялась только при характеристике Богоматери: «(1268): Силою же креста честнаго и помощию святыи троицы и молитвами пречистыя владычица наша богородица приснодѣвы Мариа и всѣх святых одолѣ князь велики нѣмцом. Моск. Лет., 147 [Словарь русского языка XI—XVII вв. 19: 83]. Качественное прилагательное *Большая* и порядковое числительное *Вторая* здесь крайне важны, т. к. благодаря им определяется место этой памятной даты среди других праздников, связанных с фигурой Богородицы (*Рождество*, *Благовещение*, *Покров*). Данные определения указывают на то, что этот праздник, в частности, важнее *Рождества Пресвятой Богородицы*, имеющего народные варианты именованья *Малая Пречистая* и *Вторая Пречистая*. Памятная дата, связанная с кончиной Богородицы, как показывает сопоставление геортонимов (*Успение Пресвятой Богородицы* и *Рождество Пресвятой Богородицы*), с религиозной точки зрения оказывается по рангу выше праздника, связанного с ее рождением, как и *Пасха* по отношению к Рождеству Христову: «переход в жизнь вечную (*Успение*) важнее, чем земное рождение (*Рождество Пресвятой Богородицы*), поэтому и *Пасха* по рангу выше *Рождества*» [Суворова: 90].

В геортонимах *Госпожин день*, *Госпожинкин день*, *Госпожинки*, как и в названиях праздника *Большая Пречистая* и *Первая Пречистая*, семантический акцент делается не на событие, с которым связана памятная дата, а на лицо, которое стоит в его центре. Притяжательные прилагательные (*Госпожин*, *Госпожинкин*), входящие в состав данных названий, образованы от существительного *Госпожа* в значении «Богородица». Лексема *Госпожа*, образованная от слова мужского рода *Господь* при помощи суффикса женскости **jā*, является праславянской по происхождению и отмечается еще в глаголическом старославянском памятнике Ассеманиевом Евангелии: «род(ь)ство с(ва)тыѡа г(оспо)жда б(огороди)ца» [Старославянский словарь: 176]. Интересным является тот факт, что геортонимы *Госпожин день* и *Госпожинкин день* в некоторых диалектах употреблялись для обозначения как *Успения*, так и *Рождества Пресвятой Богородицы*, однако изначально оба были связаны только с днем кончины матери Христа: «*Госпожинкин день* — то же, что *госпожин день* (церковный праздник в честь богородицы, отмечавшийся 15 августа по ст. стилю). (1228): Той ж осени найде дѣжгъ велии и день и ночь, на госпожькин день, оли до Никулина дни не видѣхомъ свѣтъль дни. Новг. I лет., 227 [Словарь русского языка XI—XVII вв. 4: 104]. Существительное *Госпожинки* обозначает праздник, посвященный Успению Богородицы, только в говорах. Вот что пишет об этом в книге «Народная Русь» известный русский бытописатель Аполлон Коринфский: «Другие же народоведы ведут его [Успения] название от Госпожи,

т. е. Владычицы (Богородицы), и величают его иным, подслушанным в других местностях именем — *Госпожинки*» [Коринфский: 435].

Однокомпонентный геортоним *Оспожинки* занимает промежуточное положение среди именовании *Успения Пресвятой Богородицы*, имеющих религиозный элемент, и названий праздника, связанных с бытом славян. С одной стороны, слово *Оспожинки* является фонетическим вариантом лексемы *Госпожинки*, где прослеживается процесс утраты начального согласного, который, согласно литургическому канону, произносился как фрикативный, что и привело к его дальнейшей утрате. С другой стороны, народно-этимологически *Оспожинки* можно сблизить с глаголом *жать* (историческое чередование -ин- и -а/я- в корне слова прослеживается и в современном русском языке). И это вполне объяснимо: *Успение Пресвятой Богородицы* — это не только религиозный праздник. Русские, как и другие славянские народы, в том числе и поляки, устраивали торжества после сбора урожая, т. е. после жатвы. По всей вероятности, в лексеме *Оспожинки* «можно увидеть проявление своеобразного симбиоза языческих верований и христианской религии» [Суворова: 92].

В отличие от русского языка, в польском языке количество народных геортонимов, связанных с праздником *Успение Пресвятой Богородицы* (*Zaśnięcie Bogurodzicy*), невелико. Чаще всего используются два названия рассматриваемой памятной даты: *Matka Boża Owocowa* (Богоматерь Фруктовая) и *Święto Matki Boskiej Zielnej* (Праздник Божьей Матери Травяной). В структуре данных геортонимов содержатся два основных компонента. Один из них называет лицо, с которым связана дата — *Matka Boża, Matki Boska*. Именно этот элемент многокомпонентного сочетания имеет церковный характер. Причем для именовании матери Иисуса Христа используется не калькированный греческий вариант (*Bogurodzica*), а исконно польские сочетания, построенные по модели «существительное + прилагательное». Второй компонент обоих польских геортонимов (*Owocowa* и *Zielnej*) опосредованно указывает на вид сельскохозяйственной деятельности, которая осуществляется в то время, когда отмечается *Успение Пресвятой Богородицы* (*Zaśnięcie Bogurodzicy*). Речь идет о сборе плодово-ягодных культур, целебных трав и злаков и освящении их в церкви для дальнейшего посева, лечения людей и скота, защиты жилища. Поляки верили, что «ягодный сезон достигает своего апогея ко дню *Matki Boskiej Zielnej*, после чего сок в ягодах превращался в кровь змеи» [Славянские древности 5: 380].

Польский геортоним *Święto Matki Boskiej Zielnej* (Праздник Божьей Матери Травяной) имеет затемненную внутреннюю форму при всей кажущейся прозрачности. Дело в неоднозначности трактовки лексемы *Zielna* (Травяная). С церковной (теологической) точки зрения, «zioła są powiązane z Matką Bożą poprzez walor zieloności (łac. viriditas), który przez teologów średniowiecznych był wiązany z dziewictwem. Pełna zieloności w swym dziewictwie Matka Boża stawiała się naturalną opiekunką również pełnych zieloności ziół» («травы связаны с Божьей Матерью через ценность зелени (лат. viriditas), которую средневековые богословы связывали с девственностью. Преисполненная зелени в своей девственности, Божья Матерь становилась естественной хранительницей также полных зелени трав») [Bunikowski: 21]. Кроме того, как известно, Богородица исцеляет, поэтому «wielka uroczystość Uzdrowicielki jest więc najlepszym dniem dla święcenia uzdrawiających ziół» («великий праздник целительницы — лучший день для освящения целебных трав») [Там же: 22]. Согласно одной из народных легенд, после открытия гробницы Марии вместо ее тела были найдены свежие травы и цветы, что положило начало обычаю их освящать. Впоследствии освященные травы по-разному использовались в зависимости от региона в Польше. Например, «w okolicach Jasła i Gorlic poświęcone ziele wkładano na jeden dzień do kapusty,

aby nie miała roba ków («в окрестностях Ясля и Горлиц освященную траву клали на сутки в капусту, чтобы в ней не было червей») [Там же]. Практически повсеместно в *Święto Matki Boskiej Zielnej* (Праздник Божьей Матери Травяной) венки из собранных трав вешали на дверь, букеты клали за иконы, «czasem podkładano je też umarłym pod głowę» («иногда даже под голову мертвым») [Там же], а также сжигали во время грозы. Таким образом, наблюдается расхождение церковного и народного понимания лексемы *Zielna*, а в связи с этим и трактовки памятной даты.

Проведенный лингвокультурологический анализ русских и польских вариантов именованья праздника *Успение Пресвятой Богородицы* (*Zaśnięcie Bogurodzicy* и *Wniebowzięcie Najświętszej Maryi Panny*) выявил как сходства, так и различия в механизме их номинации. Официальные и народные именованья этой памятной даты в большинстве случаев в обоих славянских языках построены по одной модели: «наименование лица + именованье события, с которым связано лицо». Судя по словарным материалам, официальных вариантов именованья праздника *Успение Пресвятой Богородицы* (с учетом полных и сокращенных форм) в польском языке больше, чем в русском. Данный факт связан с тем, что в Польше одна часть населения (большая) исповедует католицизм, а другая часть (меньшая) — православие, соответственно используются геортонимы как с компонентом *Zaśnięcie* (Успение), так и с компонентом *Wniebowzięcie* (Вознесение). Однако в словарях современного польского языка название праздника *Успение Пресвятой Богородицы* подается в римско-католической традиции, т. к. она является основной в Польше и даже поддерживается государством (этот день всегда в стране объявляется нерабочим). При общих структурных особенностях русских и польских геортонимов следует отметить различия во внутренней форме компонента, называющего религиозное событие, послужившее основой праздника. В русских названиях памятной даты отразились восточнохристианские традиции (*Успение* — «мирная кончина земной жизни Богородицы»), а в официальных польских названиях, как уже было отмечено выше, — западнохристианские (*Wniebowzięcie* — «Вознесение Божьей Матери»).

Неофициальные (народные) названия праздника *Успение Пресвятой Богородицы*, содержащие религиозный компонент, напротив, более разнообразны в русском языке. Одна часть геортонимов называет лицо, с которым связан праздник (*Госпожин день*, *Госпожинкин день*, *Госпожинки*, *Большая Пречистая*, *Первая Пречистая*), другая — событие, в честь которого он объявлен (*Успеница*, *Успенькин день*, *Успенев день*, *Летняя Пасха*, *Вторая Пасха*, *Малая Пасха*). Польские неофициальные названия рассмотренной памятной даты содержат только компонент, указывающий на лицо, которое находится в центре религиозного события (*Matka Boża Owocowa* «Богоматерь Фруктовая» и *Święto Matki Boskiej Zielnej* «Праздник Божьей Матери Травяной»), что свидетельствует о популярности культа Девы Марии в католической церкви.

Таким образом, основные различия между русскими и польскими именованьями христианского праздника *Успение Пресвятой Богородицы* обусловлены не лингвистическими, а экстралингвистическими факторами, связанными с принадлежностью к разным религиозным конфессиям русского и польского народов, а также с самобытностью их культурно-исторических традиций.

Список источников

- Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2009.
Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М.: Наука, 1975—2011.

Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин. М.: Русский язык, 1999. 842 с.

Uniwersalny słownik języka polskiego PWN: w 4 t., red. S. Dubisz, Warszawa, 2004.

Список литературы / References

Коринфский А. Народная Русь / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 944 с.

(Korinfsky A. Folk Rus', ed. by O.A. Platonov, Moscow, 2013, 944 p. — In Russ.)

Суворова Н.В. Народные именованья христианского праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* в русском и польском языках (лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 88—95. — In Russ.)

(Suvorova N.V. Folk names of the Christian holiday of the *Nativity of the Pre-Holy Virgin* in Russian and Polish (linguistic and cultural aspect), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 88—95. — In Russ.)

Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.

(Shangina I.I. Russian traditional holidays, St. Petersburg, 2008, 336 p. — In Russ.)

Bunikowski T. Marija w polskiej pobożności ludowej na wybranych przykładach, *Legnickie Studia Teologiczno-Historiczne XVIII*, 2019, nr. 2 (35), s. 17—28.

NAMES OF THE CHRISTIAN HOLIDAY OF THE ASSUMPTION OF THE PRE-HOLY VIRGIN IN RUSSIAN AND POLISH (LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT)

Natalia V. Suvorova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

Abstract. This article describes the Russian and Polish names of the Christian holiday of the Assumption Day. In order to identify the linguistic and cultural specificity of these names, the article analyzes the semantics and structure of the official and unofficial (folk) names of the holiday, which include a religious component. By comparing the Russian and Polish names, the article reveals similarities in the mechanism of naming the official names of the Assumption of the Virgin Mary, which is related to the religious unity of the two nations (their adherence to Christianity). The main motivational features that form these formations indicate the person to whom the commemorative date is dedicated, as well as the event centered on the Virgin Mary. However, the differences in religious affiliation (Russian Orthodoxy and Polish Catholicism) have led to variations in the internal form of the lexemes that represent the different meanings associated with the Feast of the Assumption of the Virgin Mary.

Keywords: georhonym, internal form of the word, linguoculturology, motivational sign, folk names, semantics, Slavic languages, structure

For citation: Suvorova N.V. Names of the Christian holiday of the *Assumption of the Pre-Holy Virgin* in Russian and Polish (linguistic and cultural aspect), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 85—92.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Суворова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru, SPIN: 4177-9980

Suvorova Natalia Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 93—97.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 93—97.

Научная статья

УДК 81'27:316.647.82-055.2/.3

EDN <https://elibrary.ru/hirojx>

DOI: 10.46726/И.2025.3.10

ЯЗЫК, СТЕРЕОТИПЫ И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ

Ашот Арамович Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Аннотация. С момента зарождения современных исследований в области гендерной лингвистики это направление пережило/переживает целый ряд принципиальных изменений, связанных с трактовкой взаимоотношений таких понятий как язык, гендер, стереотип, сексизм, эссенциалистский и перформативный характер гендера. Из примерно полувековой истории современных гендерных штудий (если отправной точкой считать книгу Р. Лакофф “Language and Woman’s Place”, вышедшую в 1975 году), около 30 лет у ученых ушло на доказательство и опровержение идей, связанных с бинарным, эссенциалистским пониманием гендера. Первые работы, фокусирующиеся на перформативном характере гендера, на внимании к ‘doing gender’ появились на рубеже веков. Сегодня именно такое понимание гендера является доминантным.

Ключевые слова: гендер, язык, стереотип, вежливость, эссенциализм, перформативность

Для цитирования: Григорян А.А. Язык, стереотипы и гендерные исследования: о некоторых тенденциях // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 93—97.

Как известно, ученые, работавшие в русле постулатов так называемой второй волны феминистской лингвистики, исходили из принципа об эссенциалистской сущности гендера, из того, что у этого явления существуют некие неотъемлемые, фиксированные, связанные прежде всего с биологией, черты. Подобный подход к анализу языкового материала был и остается по-своему привлекательным и удобным, т. к. позволяет анализировать полученные экспериментальные данные в рамках бинарной модели о гендерных различиях. К тому же рассмотрение гендера в качестве фактора, который оказывает влияние или даже определяет языковую деятельность всех женщин вообще, способствует упрощению исследовательской работы. Очевидно, однако, что предположение об однородности/гомогенности всех женщин (или мужчин) не способствует точной оценке и пониманию той роли, которую в языке играет гендер. Если предположить, что стереотипы существуют в некой материальной, конкретной форме, которую люди либо принимают, либо отвергают, будет нелегко объяснить выбор тех или иных стереотипов в процессе выработки собственной позиции говорящего, а также адаптации к позиции собеседника. Столь же трудно может оказаться объяснить тот факт, что стереотипы меняются так же, как меняется и их восприятие. С другой стороны, полное игнорирование роли стереотипов в производстве и восприятии речи приведет к тому,

© Григорян А.А., 2025

что понимание процесса принятия решений и суждений относительно речи других людей станет затруднительным. Очевидно, что попытка анализа гендерного фактора без учета других характеристик (расовая и классовая принадлежность, уровень образования, сексуальная ориентация и т. д.), приведет к неправильному пониманию роли и значения гендера. К такому же результату приведет и понимание гендера как чего-то, чем люди изначально обладают.

Столь же неприемлемой и непродуктивной представляется попытка корреляции гендера с определенными языковыми единицами. Как справедливо отмечает профессор Элинор Окс: "...the relation between language and gender is mediated and constituted through a web of socially organized pragmatic meanings. Knowledge of how language relates to gender is not a catalogue of correlations between particular linguistic forms and sex of speakers, referents, addressees and the like. Rather, such knowledge entails tacit understanding of (1) how particular linguistic forms can be used to perform particular pragmatic work... and (2) norms, preferences and expectations regarding the distribution of this work vis a vis particular social identities of speakers, referents, addressees" [цит. по: Brown: 139]. Таким образом, соотнесение использования, например, разделительных вопросов (tag questions) с женщинами — это, бесспорно, пример стереотипной трактовки таких ситуаций. Вместе с тем, подобный стереотип может повлиять на самооценку участников ситуации, а также на роль, которая им отводится в том, что принято называть 'community of practice'.

Ученые-гендерологи, принадлежащие к так называемой третьей волне феминистской лингвистики, четко понимая всю силу давления, оказываемого на женщин обществом и его различными институтами, сосредоточили свое внимание на разработке анти-эссенциалистской модели анализа взаимодействия языка и гендера. В результате такого подхода женщины перестали восприниматься как «слабое звено», в прошлое ушла идея об их виктимизации. Стало понятно, что отношение к власти, смысловое наполнение языковых единиц создается и воссоздается в контексте. Исследователи сосредоточились также на перформативной природе гендерной идентичности, на том, как такая идентичность достигается в рамках контекста, ограниченного рамками 'community of practice'. Такое понимание неоднородности/гетерогенности женщин означает, что такие факторы, как расовая и классовая принадлежность не могут рассматриваться просто как отдельные добавления к гендерному аспекту. Иными словами, подход, при котором сначала рассматривается гендерный фактор, а затем к нему добавляется расовый, а далее — классовый и т. д. является неправильным. Все факторы, являющиеся существенными для идентичности человека, следует рассматривать одновременно, в комплексе. В частности, фактор власти следует рассматривать не столь односторонне, как это было свойственно для совсем еще недавних исследований. Следует понимать, например, что не все женщины, или темнокожие люди, или люди, принадлежащие к рабочему сословию, полностью лишены власти, безвластны. Власть, властные отношения вырабатываются и реализуются через взаимодействие и взаимовлияние людей как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Хотя институты власти, безусловно, оказывают на конкретных людей (как на индивидов) влияние с целью очертить какие-то рамки и указать их положение в социальной иерархии, люди, тем не менее, достигают какого-то статуса на локальном и более широком уровнях за счет взаимодействия и взаимовлияния внутри различных 'communities of practice'. Можно согласиться с Джули Даймонд, которая пишет, что необходимо учитывать, какие из ресурсов, доступных для

человека, были использованы для достижения определённого положения в иерархии группы [Diamond: 58]. Однако кроме этого следует учитывать не только то, каким образом те или иные индивиды приобретают все большую власть, прибегая к традиционно маскулинным стратегиям поведения (выбор темы обсуждения, перефразирование утверждений собеседников и т. д.). Для достижения большей власти во взаимодействии так же хорошо, как маскулинные, подходят традиционные фемининные стратегии: предоставление всем участникам равных прав для выражения мнения, совместный поиск решений и устранение возникающих проблем и т. д. Представляется важным при отходе от стереотипов, характерных для второй волны феминистской лингвистики (например, мужской язык vs женский язык), не скатиться в анализ дихотомии «маскулинность/фемининность», подразумевая, что маскулинное, конечно, обладает большей властью. Не следует забывать, что различные 'communities of practice' имеют разные взгляды на то, что именно наделено большей властью.

Сегодня, размышляя о взаимоотношениях между языком, гендером и властью, необходимо уйти от идей характерных для работ, выполненных в русле второй волны феминистской лингвистики. В частности, речь идет о теории патриархатности, согласно которой все женщины считаются угнетенными, а все мужчины извлекают выгоду из такого положения дел. Понятно, что сегодня дела обстоят вовсе не так драматично. Тем не менее дисбаланс, несомненно, существует. Это проявляется в самых разных областях: а) женщины нередко получают меньшую зарплату за равный с мужчинами труд; б) женщины существенно меньше представлены в органах власти всех уровней; в) работа по дому в существенно большей степени лежит на плечах женщин; г) они гораздо чаще сталкиваются с проявлением разного рода несправедливости и насилия и т. д. Иными словами, несмотря на произошедшие изменения, едва ли можно считать преувеличением утверждение о том, что женщины больше подвергаются дискриминации как на глобальном (институциональном, общественном), так и на локальном (домашнем) уровнях. Важно отметить, что ученые-гендерологи перестали воспринимать и трактовать всех женщин как некую однородную группу. В действительности отличия между группами совершенно разных женщин — с этнической, классовой, политической, образовательной и т. д. точек зрения — могут быть даже больше по сравнению с отличиями между мужчинами и женщинами, принадлежащими к одному классу, имеющими приблизительно одинаковое образование и взгляды. Несмотря на продолжающееся давление, оказываемое обществом в целом на женщин, различные группы женщин пытаются по-своему противостоять этому. При этом позиции, которые занимают как отдельные женщины, так и их группы, могут довольно сильно отличаться. В частности, по мнению С. Холланд, можно выделить людей и группы, которые считают традиционные, стереотипные фемининные черты (сотрудничество, эмпатия, желание понять партнера и т. д.) весьма важными и продуктивными как для решения локальных проблем, так и для развития общества в целом [Holland: 33]. С другой стороны, есть индивиды и группы, которые выше ценят традиционно маскулинные характеристики (соперничество, важность конкретных результатов, индивидуальное достижение и т. д.) [Idid: 35]. Отметим также, что женщины, ценящие традиционные фемининные ценности и соотносящие себя с ними, имеют несколько иные (по сравнению с более маскулинистским вариантом) взгляды на соотношение и взаимосвязь гендера и вежливости. У них есть свое понимание того, как должны говорить мужчины и женщины [Ibid: 65]. Представляется, что, учитывая сказанное выше, работы в области гендерной лингвистики сегодня

должны фокусироваться как на исследованиях, связанных с построением гендерной идентичности людей, взаимодействующих на локальном уровне, так и на анализе более широких процессов, в результате которых определенные возможности становятся доступными для участников взаимодействия.

Может показаться, что анти-эссенциалистский характер работ в русле третьей волны с их фокусом на локальном ('communities of practice') сделает невозможным все утверждения о гендере, которые носят обобщающий характер. Представляется, что это не так. В частности, размышляя о взаимоотношениях гендера и вежливости, можно заметить, что есть определенные индивиды и даже группы женщин, которые в конкретных ситуациях, обладая некоторыми ресурсами вежливого поведения, именно так — вежливо — себя и ведут. Они себя так позиционируют. Другими участниками взаимодействия эта позиция может быть воспринята критически или, наоборот, позитивно. Таким образом, стереотипу о вежливости группы «белые женщины, принадлежащие к среднему классу», может быть брошен вызов. Подобное развитие событий может оказать влияние — в плане построения собственных гендерных взаимоотношений с вежливостью — на другие группы мужчин и женщин, принадлежащих к иным социальным классам и этническим группам. Это, в свою очередь, может привести и приводит к вниманию исследователей к тенденциям, имеющим место на так называемом 'glocal' (global + local) уровне.

Список литературы / References

- Brown P. Gender, politeness and confrontation in Tenejapa, *Gender and conversational interaction*, ed. by D. Tannen, Oxford: Oxford University Press, 1993, pp. 34—35.
- Diamond J. Status and power in verbal interaction: a study of discourse in a close-knit social network, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Press, 1996, 244 p.
- Holland S. Not just girly: alternative women and femininity, Sheffield: Sheffield University Press, 2002, 174 p.
- Lakoff R. Language and woman's place, New York: Harper and Row, 1975, 124 p.

LANGUAGE, STEREOTYPES AND GENDER STUDIES: ON SOME TENDENCIES

Ashot A. Grigoryan

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Abstract. Robin Lakoff's seminal book "Language and Woman's Place" devoted to gender and language interplay gave rise to a number of research projects aiming to prove or refute professor's insights. Basically, the scholars attempted to prove that men and women speak and are spoken of differently. This binary essentialist approach based on the idea that human beings simply 'have gender' prevailed for quite a long time. Around the turn of the centuries another approach emerged focusing on the performative character, on 'doing gender'. At present, such approach to understanding gender-language interplay is dominant in gender studies.

Keywords: gender, language, stereotype, politeness, essentialism, performativity

For citation: Grigoryan A.A. Language, stereotypes and gender studies: on some tendencies, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 93—97.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 10.08.2025.

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 10.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Григорян Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru, SPIN: 3406-3447

Grigoryan Ashot Aramovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 98—105.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 98—105.

Научная статья

УДК 327(44+662.5)"2020/2024"

EDN <https://elibrary.ru/imsics>

DOI: 10.46726/И.2025.3.11

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ФРАНЦИИ И БУРКИНА-ФАСО В 2020—2024 ГГ.

Ольга Анатольевна Смирнова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, oasmirnova64@mail.ru

Аннотация. В период с 2020 по 2024 гг. отношения между Францией и Буркина-Фасо претерпели значительные изменения, что связано с несколькими факторами. Во-первых, политическая нестабильность в Буркина-Фасо, выраженная в двух военных переворотах (2022 и 2023 гг.), существенно повлияла на характер двустороннего сотрудничества. Во-вторых, на фоне усиливающихся антифранцузских настроений в Западной Африке Буркина-Фасо стала одной из стран, где французское военное и политическое присутствие начало подвергаться серьезным критическим нападкам. Это повлияло на вывод французских войск и изменение стратегии Франции в регионе.

Автор попытался проанализировать характер и динамику отношений между Францией и Буркина-Фасо в 2020—2024 гг., выделить ключевые факторы, влияющие на динамику этих отношений в условиях политической нестабильности и региональных кризисов, исследовал исторический контекст и основы франко-буркинийских отношений до 2020 года для понимания их эволюции; рассмотрел влияние политической нестабильности в Буркина-Фасо, включая государственные перевороты 2022 и 2023 гг., на двусторонние отношения; дал оценку роли Франции в обеспечении безопасности в регионе Сахеля, включая участие в военных операциях и изменение стратегии Парижа по выводу войск; изучил влияние антифранцузских настроений в Буркина-Фасо и регионе на дипломатические и экономические отношения между странами; постарался оценить последствия для двусторонних экономических отношений в условиях изменяющейся геополитической обстановки.

Методологическую основу исследования составил системный подход, заключающийся в комплексном изучении политики Пятой республики в Буркина-Фасо, включая ее эволюцию, механизмы реализации, а также институциональные и правовые основы. Кроме того, автор использовал контент-анализ политических и экономических отчетов, публикаций СМИ и аналитических материалов о франко-африканских отношениях; сравнительный анализ динамики внешней политики Франции и Буркина-Фасо в рамках событий 2020—2024 гг. и метод case study, с акцентом на государственные перевороты и военные операции в регионе.

Ключевые слова: Франция, Буркина-Фасо, Сахель, государственный переворот, обеспечение безопасности, геополитическая обстановка, экономические отношения

Для цитирования: Смирнова О.А. Эволюция отношений Франции и Буркина-Фасо в 2020—2024 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 98—105.

Введение

Исторические отношения между Францией и Буркина-Фасо уходят корнями в колониальный период, когда территория современного Буркина-Фасо, ранее известная как Верхняя Вольта, была частью Французской Западной Африки. В 1919 году Верхняя Вольта была официально признана отдельной колонией, хотя и находилась под контролем французской администрации. Этот период характеризовался жесткой эксплуатацией природных ресурсов и населения, что создало глубокое социальное и экономическое неравенство. После обретения независимости в 1960 году Верхняя Вольта сохранила тесные политические и экономические связи с Францией в рамках политики франкофонии и системы «Франсафрика», направленной на сохранение влияния Франции в её бывших колониях.

С момента независимости Франция продолжала играть важную роль в поддержании стабильности в стране, несмотря на частые военные перевороты и политическую нестабильность. Поддержка Франции была важным элементом выживания авторитарных режимов в Буркина-Фасо. Однако в 1980-х годах приход к власти Томаса Санкара стал поворотным моментом во франко-буркинийских отношениях. Санкара, придерживавшийся марксистских и пан-африканских идеалов, резко критиковал французский неокOLONIALИЗМ и предпринимал шаги для снижения экономической зависимости страны от Франции. Он переименовал страну из Верхней Вольты в Буркина-Фасо, что означало «страна честных людей», и стремился к большей независимости в международных отношениях [Thomas Sankara...].

Однако его революционные идеи встретили сопротивление как внутри страны, так и за её пределами. В 1987 году Санкара был убит в результате военного переворота, организованного его соратником Блезом Компаоре, который восстановил тесные отношения с Францией. В период правления Компаоре (1987—2014 гг.) Буркина-Фасо вновь стала одним из ключевых партнеров Франции в регионе. Париж активно поддерживал режим Компаоре в обмен на стратегическое, военное и экономическое сотрудничество. Франция использовала Буркина-Фасо как плацдарм для своих операций в регионе Сахеля, а также как важного политического партнёра в решении региональных конфликтов, включая кризисы в Кот-д'Ивуаре и Мали.

Экономические связи между двумя странами также развивались. Французские компании инвестировали в горнодобывающую промышленность и инфраструктурные проекты. Буркина-Фасо активно экспортировала золото и хлопок во Францию, что стало основой экономического сотрудничества. Франция, в свою очередь, предоставляла значительную финансовую и техническую помощь для развития страны. Однако это экономическое сотрудничество не всегда было сбалансированным и часто подвергалось критике за неравенство в распределении выгод [Après le Niger...].

В начале 2000-х годов регион Сахеля стал ареной усиления террористических группировок, что еще больше укрепило военное сотрудничество между Францией и Буркина-Фасо [Comment la France a perdu le Sahel...]. Операция «Сервал» в 2013 году и последующая операция «Бархан» были направлены на борьбу с терроризмом в регионе, и Буркина-Фасо играла ключевую роль как союзник Франции. Французские войска присутствовали на территории страны, поддерживая правительство в борьбе с джихадистскими группировками, действующими на севере и востоке Буркина-Фасо.

Тем не менее к концу 2010-х годов отношения между странами начали ухудшаться на фоне растущего недовольства французским присутствием. Массовые протесты и антифранцузские настроения охватили Буркина-Фасо, где многие граждане обвиняли Францию в неспособности эффективно бороться с терроризмом и считали, что её вмешательство продиктовано не столько заботой о безопасности региона, сколько собственными геополитическими интересами. Это недовольство, вместе с политической нестабильностью, усугублялось ухудшающейся ситуацией с безопасностью, которая создала почву для политических переворотов и дальнейшего осложнения отношений с Францией, что стало особенно заметно в период с 2020 по 2024 год.

К 2020 году исторические связи между Францией и Буркина-Фасо оставались сложными и многослойными. Несмотря на традиционно тесное сотрудничество, растущее недовольство среди населения Буркина-Фасо в отношении французской политики и вмешательства в дела региона постепенно подрывало авторитет Франции в глазах буркинийского общества. В это время Франция всё ещё была значительным экономическим и военным партнёром, но ситуация с безопасностью в регионе Сахеля продолжала ухудшаться. Усиливающаяся активность джихадистских группировок, несмотря на присутствие французских военных сил, вызывала вопросы о реальной эффективности французской стратегии борьбы с терроризмом в Западной Африке. Население Буркина-Фасо все чаще воспринимало Францию не как гаранта стабильности, а как колониальную силу, стремящуюся сохранить контроль над регионом.

Политическая нестабильность, кризисы власти и обострение террористической угрозы привели к тому, что правительство Буркина-Фасо начало искать альтернативные пути укрепления своей безопасности, что способствовало изменению направления внешней политики страны. Влияние внешних акторов, таких как Россия и Китай, начало расти, что также ослабило позиции Франции в регионе. В ответ на это в 2020-х годах Франция попыталась адаптировать свою политику, сократив прямое военное присутствие и активизировав дипломатические усилия на уровне ЕС и других международных организаций, таких как ООН и ECOWAS [ECOWAS leaders postpone...].

Основная часть

С 2020 по 2024 год отношения между Францией и Буркина-Фасо претерпели значительные изменения, которые были вызваны как внутренними кризисами в Буркина-Фасо, так и общими тенденциями в Западной Африке, где антифранцузские настроения усиливались. Одним из ключевых событий стало обострение кризиса безопасности в регионе Сахеля, где Буркина-Фасо столкнулась с растущей угрозой со стороны джихадистских группировок. Несмотря на активное участие Франции в операциях «Бархан» и «Такуба», направленных на борьбу с терроризмом, ситуация с безопасностью в стране ухудшалась. С начала 2020-х годов число нападений со стороны боевиков увеличилось, что подорвало доверие к французской стратегии и усилило критику со стороны местного населения [Crise sécuritaire au Sahel...].

Особую роль в изменении двусторонних отношений сыграли политические события в самой Буркина-Фасо. В 2022 году в стране произошел первый военный переворот, в результате которого был смещен президент Рок Марк Кристиан Каборе. Новое временное правительство заявило о необходимости пересмотра внешней политики, особенно в отношении Франции, которая, по мнению многих граждан, не смогла обеспечить безопасность и способствовала затягиванию кризиса. Это событие стало поворотным моментом в отношениях с Парижем, так как временное правительство начало открыто обсуждать

возможность сокращения французского военного присутствия и поиска альтернативных партнеров для укрепления обороноспособности.

Критическая точка наступила в начале 2023 года, когда в Буркина-Фасо произошел второй переворот, в результате которого власть перешла к капитану Ибраиму Траоре. Траоре, пришедший к власти на волне антифранцузских настроений, предпринял шаги по кардинальному изменению внешнеполитического курса страны. В январе 2023 года правительство Буркина-Фасо потребовало вывода французских войск в течение месяца, что стало символом радикального разрыва с традиционной моделью сотрудничества. Вывод французских сил, участвующих в операции «Бархан», стал важным сигналом для региона, показывающим, что Буркина-Фасо готова пересматривать свои связи с бывшей колониальной державой [Protests et montée des sentiments...].

Одновременно с этим Буркина-Фасо начала активно налаживать контакты с новыми внешними акторами, такими как Россия и Китай. Россия стала играть важную роль в политической и военной сфере Буркина-Фасо, предоставляя оружие и военных консультантов в рамках более широкого влияния на африканские страны через частные военные компании, такие как «ЧВК Вагнер» [Chine et Russie...]. Это изменение курса вызвало обеспокоенность в Париже, так как французское руководство осознавало, что геополитическая конкуренция в регионе усиливается.

Кроме политических и военных аспектов, изменения затронули и экономическое сотрудничество. Буркина-Фасо сократила зависимость от французских инвестиций, стремясь диверсифицировать свои экономические связи. Французские компании, ранее доминировавшие в горнодобывающей и инфраструктурной сферах, столкнулись с конкуренцией со стороны китайских и российских компаний, что привело к снижению французского экономического влияния [La Chine pousse...]. Эти перемены отразили более широкую тенденцию в Африке, где бывшие французские колонии стремились к большей самостоятельности и диверсификации внешнеэкономических связей.

К 2024 году отношения между Францией и Буркина-Фасо кардинально изменились. Вместо традиционного союзничества на основе военного и экономического сотрудничества, страны оказались на пороге холодного конфликта, где на первый план вышли новые игроки, такие как Россия. Антифранцузские настроения в Буркина-Фасо, вызванные многолетней нестабильностью и отсутствием ощутимых результатов от французского вмешательства, стали частью более широкой геополитической трансформации в Западной Африке, где Франция постепенно теряла свои позиции в пользу других глобальных сил [Situation politique...].

После вывода французских войск в 2023 году отношения между Францией и Буркина-Фасо стали ещё более напряжёнными. Одним из важнейших событий этого периода стало установление более тесных связей Буркина-Фасо с Россией. Страна стала частью общего тренда в регионе, где государства Сахеля начали открыто сотрудничать с Россией в поисках военной и экономической поддержки. Влияние России усиливалось через частные военные компании, такие как «ЧВК Вагнер» [Ценный континент...], которые активно действовали в регионе, предоставляя военную помощь правительствам, стремящимся избавиться от зависимости от Запада. Для Франции это стало серьёзным вызовом, так как её традиционная роль регионального гаранта безопасности оказалась под угрозой.

На политической арене также произошли значительные изменения. Правительство Буркина-Фасо во главе с Ибраимом Траоре стало проводить более независимую внешнюю политику, направленную на ослабление французского влияния. Траоре неоднократно заявлял о необходимости преодолеть

наследие колониализма и найти новые пути для развития страны. Этот курс находил отклик среди буркинийского населения, которое в течение нескольких десятилетий выражало недовольство сохраняющимся экономическим неравенством и отсутствием ощутимых результатов от французской помощи. Эти настроения подкреплялись ростом антифранцузских протестов и демонстраций, на которых звучали призывы к пересмотру отношений с Францией.

Экономические изменения также были важной частью новых франко-буркинийских отношений. После ухода французских войск сократился и экономический обмен. Многие французские компании начали выводить свои инвестиции из Буркина-Фасо, что ещё больше усилило экономическую нестабильность в стране. Это ослабило позиции Франции как основного экономического партнера и дало возможность другим государствам, в первую очередь Китаю и России, активнее развивать экономическое сотрудничество с Буркина-Фасо. К примеру, Китай значительно увеличил свои инвестиции в инфраструктуру, горнодобывающую промышленность и сельское хозяйство, что укрепило его влияние в стране.

Кроме того, на фоне ухудшения отношений с Францией правительство Буркина-Фасо стало более активно искать международные альянсы и развивать многосторонние дипломатические отношения. На международных форумах, таких как Африканский союз и ООН, страна начала всё больше дистанцироваться от традиционно тесных связей с Парижем, предпочитая поддерживать партнёрство с новыми игроками, включая Россию, Китай и другие неевропейские государства [Филиппов: 143].

Эти шаги отражали более широкую тенденцию в Западной Африке, где многие государства Сахеля стали пересматривать свои внешнеполитические ориентиры в пользу альтернативных глобальных сил.

К концу 2024 года отношения между Францией и Буркина-Фасо оказались на исторически низком уровне. Франция потеряла значительную часть своего влияния в регионе, что стало серьёзным ударом для её общей африканской политики. Буркина-Фасо, в свою очередь, укрепляла сотрудничество с новыми союзниками, всё более отдаляясь от своих колониальных связей. В условиях политической нестабильности и продолжающейся террористической угрозы в Сахеле будущее франко-буркинийских отношений остаётся неопределённым, но очевидно, что прежние модели сотрудничества и взаимозависимости больше не актуальны для обеих сторон.

Заключение

К 2024 году отношения между Францией и Буркина-Фасо оказались в глубоком кризисе, что свидетельствует о значительных изменениях во внешней политике обеих стран. Антифранцузские настроения, выросшие на фоне неспособности Парижа справиться с региональными угрозами, и внутренняя политическая нестабильность в Буркина-Фасо сделали невозможным сохранение прежних моделей сотрудничества. В перспективе двусторонние отношения, вероятно, будут развиваться в направлении дальнейшего охлаждения, особенно учитывая активизацию новых геополитических игроков, таких как Россия и Китай. Для Франции это серьёзный вызов, так как регион Сахеля традиционно рассматривался как ключевой для её африканской политики и безопасности.

Один из возможных сценариев развития — это дальнейшая диверсификация внешнеполитических связей Буркина-Фасо, где важную роль будет играть Россия. Поддержка со стороны Москвы в виде военной помощи и экономических инвестиций может продолжать расти, что даст Буркина-Фасо альтернативные ресурсы для борьбы с терроризмом. Однако это не решит

коренных проблем безопасности и может привести к увеличению зависимости от новых партнеров, что, в свою очередь, создаст новые вызовы для независимости и суверенитета страны.

С другой стороны, Франция, столкнувшись с ослаблением своего влияния, вероятно, продолжит адаптировать свою стратегию, делая акцент на многосторонние форматы сотрудничества, такие как Европейский Союз и ООН. Это позволит Парижу сохранить определённое влияние в регионе, пусть и не на прежнем уровне. В долгосрочной перспективе Франция может попытаться перезагрузить отношения с Буркина-Фасо и другими странами Сахеля, ориентируясь на новые формы экономического и гуманитарного сотрудничества, менее зависящие от военных инструментов.

Региональная политика в целом может развиваться в двух направлениях. В первом сценарии страны Сахеля, включая Буркина-Фасо, продолжат искать внешних партнёров помимо традиционных европейских союзников, укрепляя связи с Россией и Китаем. Этот вариант приведет к дальнейшей маргинализации Франции и её союзников в Западной Африке. Во втором сценарии возможен постепенный возврат к многосторонним дипломатическим усилиям, при которых как Франция, так и другие европейские государства будут стремиться к более равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству с африканскими странами, основываясь на принципах экономического развития и социальной стабильности.

Перспективы восстановления отношений между Францией и Буркина-Фасо зависят от ряда факторов, включая стабилизацию политической ситуации внутри страны, снижение террористической активности и готовность обеих сторон к поиску компромиссов. Однако в краткосрочной перспективе следует ожидать продолжения напряженности, особенно если влияние новых международных акторов продолжит усиливаться. Важно отметить, что будущее сотрудничество Франции с Буркина-Фасо и другими странами региона будет определяться не только двусторонними отношениями, но и общим контекстом глобальной борьбы за влияние в Африке, где ключевыми игроками становятся Россия, Китай и Турция.

Перспективы двустороннего сотрудничества между Францией и Буркина-Фасо остаются неопределёнными, особенно в условиях растущей геополитической конкуренции в Западной Африке. После вывода французских войск и усиления влияния России и Китая Франция столкнулась с необходимостью пересмотра своей стратегии на континенте. В будущем возможно несколько сценариев развития отношений.

Первый сценарий предполагает дальнейшее отчуждение Буркина-Фасо от Франции. На фоне антифранцузских настроений как среди политической элиты, так и среди населения, Буркина-Фасо может продолжить развивать стратегическое партнёрство с Россией и Китаем. Эти государства предложат альтернативные формы сотрудничества, такие как военная помощь, поставки вооружений и экономические инвестиции в ключевые секторы. Этот вариант создаёт риск для Франции потерять своё влияние в регионе, что также может затронуть её экономические и политические интересы в Африке в целом.

Второй сценарий заключается в возможной стабилизации отношений, если Буркина-Фасо и Франция решат смягчить риторику и искать точки соприкосновения. Франция может предложить гуманитарные и экономические инициативы, направленные на развитие инфраструктуры, здравоохранения и образования, что может способствовать снижению напряжённости. Тем не менее это потребует значительного пересмотра французской внешнеполитической

стратегии, перехода от военной интервенции к более мягким формам дипломатии и сотрудничества.

Третий, менее вероятный, но возможный сценарий — это возобновление военного сотрудничества на новых условиях. Этот сценарий предполагает пересмотр Францией своих обязательств в рамках многосторонних усилий, направленных на борьбу с терроризмом в регионе. В случае если угроза со стороны джихадистских группировок усилится, правительство Буркина-Фасо может вновь обратиться к Франции за помощью, хотя уже на новых, более жестких условиях, где Париж будет выступать как один из нескольких внешних партнёров, а не доминирующий актор.

В региональном контексте важную роль будет играть дальнейшее развитие франко-африканских отношений в рамках более широких международных альянсов. В условиях глобальной конкуренции за влияние в Африке, Франции придётся адаптировать свою политику к новым реалиям. В будущем она может сделать ставку на сотрудничество с другими странами ECOWAS и Африканского союза для поддержания стабильности в регионе и восстановления своего влияния в тех странах, где её роль пока ещё сохраняет значимость, таких как Кот-д'Ивуар или Нигер.

Таким образом, перспективы двусторонних отношений между Францией и Буркина-Фасо будут зависеть от множества факторов, включая внутреннюю политическую стабильность, влияние новых международных игроков и готовность обеих сторон к диалогу. Франция столкнулась с необходимостью пересмотра своей роли в регионе, а Буркина-Фасо, вероятно, будет продолжать поиск новых внешнеполитических ориентиров, что приведёт к значительным изменениям в региональной политике в ближайшие годы.

Список литературы / References

- Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона. М., 2023. 214 с. (Filippov V.R. African policy of French President E. Macron, Moscow, 2023, 214 p. — In Russ.)
- Ценный континент: зачем Россия расширяет военное сотрудничество с Африкой // РБК. 21.08.2018 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/08/2018/5b7c05df9a7947342260319a> (дата обращения 26.01.2025).
- (Valuable continent: why Russia is expanding military cooperation with Africa, *RBC*, 21.08.2018. — In Russ.)
- Après le Niger, Paris ferme le robinet financier au Burkina, *Le jeune Afrique*. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1471509/economie-entreprises/apres-le-niger-paris-ferme-le-robinet-financier-au-burkina/> (accessed: 20.01.2025)
- Chine et Russie: les nouveaux partenaires économiques du Burkina Faso, *Jeune Afrique*. URL: <https://www.jeuneafrique.com/123456/chine-et-russie-les-nouveaux-partenaires-economiques-du-burkina-faso> (accessed: 16.11.2024).
- La Chine pousse à l'élargissement des BRICS pour légitimer sa vision d'un nouvel ordre mondial, *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2024/10/22/la-chine-pousse-a-l-elargissement-des-brics-pour-legitimer-sa-vision-d-un-nouvel-ordre-mondial_6358088_3210.html (accessed: 17.11.2024).
- Comment la France a perdu le Sahel, *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2023/09/03/comment-la-france-a-perdu-le-sahel_6187599_3210.html (accessed: 12.11.2024).
- Crise sécuritaire au Sahel: les échecs de l'opération Barkhane, *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/12/05/crise-securitaire-au-sahel-les-echecs-de-l-operation-barkhane_6152764_3212.html (accessed: 16.11.2024).
- ECOWAS leaders postpone decision on sanctions in Mali, Burkina Faso and Guinea, *France 24*, 2022, June 4. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20220604-ecowas-leaders-discuss-sanctions-against-juntas-in-mali-burkina-faso-and-guinea> (accessed: 25.05.2023).

Protests et montée des sentiments anti-français en Afrique de l'Ouest, *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/11/15/protests-et-montee-des-sentiments-anti-francais-en-afrique-de-l-ouest_6149089_3212.html (accessed: 17.11.2024).

Situation politique et sécuritaire au Burkina-Faso. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/conseils-aux-voyageurs/conseils-par-pays-destination/burkina-faso/> (accessed : 17.11.2024).

Thomas Sankara, une icône panafricaine toujours populaire au Burkina Faso, *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/04/06/thomas-sankara-une-icone-panafricaine-toujours-populaire-au-burkina-faso_6120810_3212.html (accessed: 12.11.2024).

EVOLUTION OF FRANCE—BURKINA-FASO RELATIONS IN 2020—2024

Olga A. Smirnova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oasmirnova64@mail.ru

Abstract. Between 2020 and 2024, relations between France and Burkina Faso have undergone significant changes due to several factors. First, political instability in Burkina Faso, expressed in two military coups (2022 and 2023), has significantly affected the nature of bilateral cooperation. Second, against the backdrop of growing anti-French sentiment in West Africa, Burkina Faso has become one of the countries where the French military and political presence has come under serious critical attack. This influenced the withdrawal of French troops and a change in French strategy in the region.

The author has attempted to analyze the nature and dynamics of France-Burkina Faso relations in 2020—2024, to highlight the key factors influencing the dynamics of these relations in the context of political instability and regional crises, to explore the historical context and foundations of Franco-Burkinian relations until 2020 in order to understand their evolution. The researcher also analyzes the impact of political instability in Burkina Faso, including the coups d'état of 2022 and 2023, on bilateral relations as well as attempts to assess France's role in the security of the Sahel region.

The methodological basis of the study is a systematic approach, which consists in a comprehensive study of the Fifth Republic's policy in Burkina Faso, including its evolution, implementation mechanisms, as well as institutional and legal frameworks. In addition, the author used content analysis of political and economic reports, media publications and analytical materials on Franco-African relations; comparative analysis of the dynamics of French and Burkina Faso foreign policy within the framework of the events of 2020-2024 and the case study method, with a focus on coups d'état and military operations in the region.

Keywords: France, Burkina Faso, Sahel, coup d'état, security, geopolitical environment, economic relations

For citation: Smirnova O.A. Evolution of France—Burkina-Faso relations in 2020—2024, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 98—105.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted to the editorial office 19.02.2025; approved after review 17.04.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнова Ольга Анатольевна — кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, oasmirnova64@mail.ru, SPIN: 8126-6208

Smirnova Olga Anatolyevna — Candidate of Sciences (Political), Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Linguacultural, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oasmirnova64@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 106—113.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 106—113.

Научная статья

УДК 327:330.342(510+73)

EDN <https://elibrary.ru/nkxvqd>

DOI: 10.46726/И.2025.3.12

ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС КАК ЭФФЕКТИВНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ВАШИНГТОНСКОМУ КОНСЕНСУСУ

Ирина Вячеславна Минакова, Антон Андреевич Расторгуев

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия,

irene19752000@mail.ru, guimo-swsu@yandex.ru

Аннотация. Авторами представлена эволюция социально-экономического развития Китая, который за относительно небольшой период времени стал второй экономикой мира по величине номинального ВВП, опередив Японию. В настоящее время Китай является крупнейшим в мире экспортером высокотехнологичной продукции, на долю которого приходится около половины ее объема. Обосновано положение, что основой экономического роста страны стали, с одной стороны, очень прогрессивные и прагматичные реформы, осуществляемые с конца 1970-х гг. (в отличие от «шоковой терапии», реализованной в странах Восточной Европы и государствах, образовавшихся после распада СССР); с другой стороны, политика расширения экспорта и привлечения прямых иностранных инвестиций. Китай создал новую модель развития, основанную на его собственных традициях и культуре. Пекинский консенсус является контрмоделью Вашингтонскому консенсусу и предполагает использование рыночных инструментов, если только они способны обеспечить динамичное экономическое развитие: приватизация и свободная торговля не являются самоцелью и целесообразны только в случае, если приведут к экономическому росту. Китайское руководство хорошо понимает, что попытки лобового столкновения с Соединенными Штатами Америки, стремящимися всеми средствами сохранить свое доминирующее положение в мире, достаточно опасны, в связи с чем руководство Китая концентрирует усилия на создании асимметричной силы в отношениях с США, чтобы иметь возможность конвертировать экономический вес страны в ее геополитическое доминирование.

Ключевые слова: китайская модель развития, Пекинский консенсус, Вашингтонский консенсус, экономическое доминирование, либеральная модель развития

Благодарности: работа выполнена в рамках Государственного задания на 2025 г. № 075-03-2025-526.

Для цитирования: Минакова И.В., Расторгуев А.А. Пекинский консенсус как эффективная альтернатива Вашингтонскому консенсусу // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 106—113.

По оценкам авторитетного историка экономики А. Мэддисона, еще в XIII в. Китай был одновременно самой населенной и самой богатой страной в мире с доходами на душу населения, превышающими аналогичный показатель стран Западной Европы [Lemoine]. Однако впоследствии в Европе происходит динамичное социально-экономическое развитие, а в Китае начался застой, трансформировавшийся в XIX в. в упадок. Хотя на рубеже XIX и XX вв. предпринимались попытки модернизации китайской экономики, но реального экономического роста в стране так и не произошло. Лишь в 1949 г. Китай восстановил свое

единство и обрел независимость, а коммунистическое правительство заложило основы модернизации страны.

Однако вплоть до конца 1970-х гг. Китай все еще оставался одной из беднейших стран мира с доходами на душу населения ниже, чем в Индии. Бедность и закрытость Китая контрастировали с ситуацией в соседних экономиках, переживавших «экономическое чудо»: это «азиатские драконы» (Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань), двое из которых были населены китайцами. Их динамичный экономический рост базировался на стимулировании промышленного экспорта и импорте иностранных технологий. Принятие Китаем новой стратегии экономического развития в 1979 г. произошло в значительной степени благодаря примеру соседних государств. Развитие Китая начиная с этого периода сопоставимо с ростом Японии с 1950-х гг. до конца 1980-х гг. Правительство Китая реализует активную промышленную политику в таких секторах, как судостроение, железнодорожный транспорт, авиастроение, космическое приборостроение и т. д. Модель социально-экономического развития Китая получила название «Пекинского консенсуса».

Целью данной работы выступает комплексное теоретическое исследование феномена Пекинского консенсуса как базовой модели социально-экономического развития Китая, выступающей альтернативой либеральному капитализму англосаксонского типа.

Авторами применялись диалектический, комплексный и стратегический подходы к изучаемым процессам и явлениям. Исследование осуществлено на основе принципов и методов логического, сравнительного, статистического анализа, синтеза, индукции, дедукции, теоретического обобщения.

Высокие темпы экономического роста, которые демонстрировал Китай на протяжении практически сорока лет, позволили ему увеличить доход на душу населения как минимум в пять раз [Meuer 2010]. Драйверами этого роста стали, с одной стороны, очень прогрессивные и прагматичные внутренние экономические реформы (в отличие от «шоковой терапии», реализованной в странах Восточной Европы и государствах, образовавшихся после распада СССР); с другой стороны, политика расширения экспорта и привлечения прямых иностранных инвестиций.

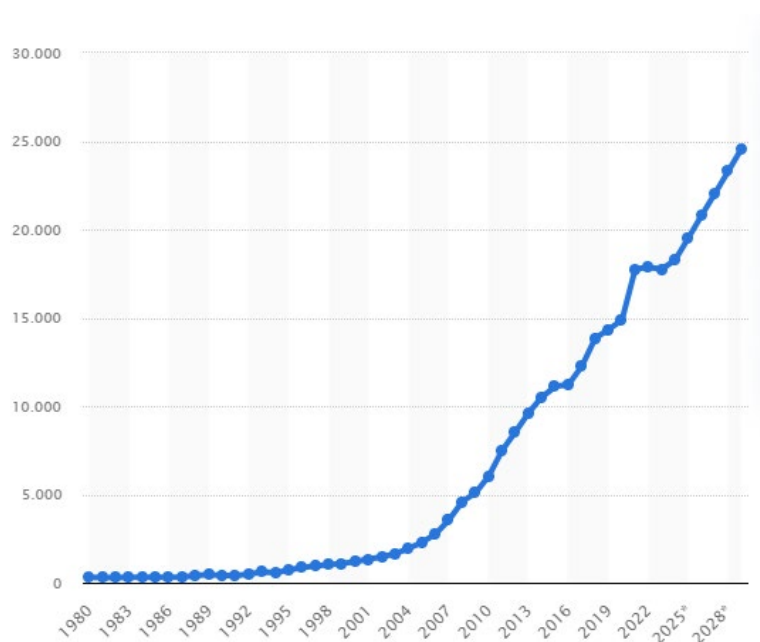
Китай извлек выгоду из огромных иностранных инвестиций, которые были направлены на развитие экспортных отраслей и новых технологий. Компании с иностранным капиталом (совместные или полностью иностранные) были широко представлены в промышленности Китая, где на их долю приходилось от четверти до трети всей производимой продукции [Там же].

Стать «процветающей и могущественной страной» — такова была цель, поставленная перед Китаем Дэн Сяопином в 1980-х гг. Экономический рост, социальная справедливость, региональное лидерство и глобальная власть — четыре императива политики, проводимой Коммунистической партией и не терпящей иностранного вмешательства.

Стремительный рост Китая не имеет исторических прецедентов. Этой огромной стране с населением в 1,4 млрд человек понадобилось всего около тридцати лет, чтобы преодолеть состояние экономической отсталости и стать второй по величине экономикой в мире (по показателю номинального ВВП), тем самым нарушив сохранявшийся десятилетиями международный баланс и иерархию великих держав. При среднегодовых темпах роста 9,8 % в течение тридцати лет (за исключением отдельных непродолжительных периодов неблагоприятной мировой конъюнктуры — кризис 2008 г., пандемия COVID-19

и др.), ВВП Китая сегодня достигает 8 % мирового производства (рис.) [Produit intérieur brut...].

ВВП Китая до 2029 г. (прогноз), в млрд долл. США

Ни одна экономика мира никогда не переживала такого стремительного роста за столь короткое время. Если в 2001 г. добавленная стоимость, произведенная китайской экономикой, составила всего 1,3 трлн долл., то в 2021 г. она достигла 14,3 трлн долл. Добавленная стоимость в США и Европе за это время возросла всего в 2 раза [La Chine est-elle...].

С момента вступления Китая в ВТО китайский экспорт постоянно увеличивался и достиг 2500 млрд долл. в 2019 г. по сравнению с 326 млрд долл. в 2001 г. Так, импорт электрических машин и аппаратов из Китая в США возрос с 16,5 млрд долл. в 2001 г. до 124,5 млрд долл. в 2019 г., в страны ЕС — с 12,4 млрд долл. до 134,5 млрд долл., продукции химической промышленности в США — с 4,9 млрд долл. до 31,5 млрд долл., в ЕС — с 4,4 млрд долл. до 32,1 млрд долл., алюминия и изделий из него в США — с 0,2 млрд долл. до 2,3 млрд долл., в ЕС — с 0,1 млрд долл. до 3,9 млрд долл. [Там же].

Являясь в настоящее время ведущей промышленной державой в мире, Китай занимает лидирующие позиции не только в традиционных секторах (производство текстильной продукции, игрушек, обуви и т. д.), но и в значительном количестве высокотехнологичных отраслей. Например, в электронной промышленности по некоторым продуктам китайское производство составляет практически половину мирового производства или даже превышает её. В качестве еще одного примера можно привести автомобилестроение. Китайский рынок опередил рынок США в 2009 г. Если в 1990 г. китайскими предприятиями было произведено 0,3 млн автомобилей, в 2010 г. — 18,2 млн автомобилей, то в 2022 г. — 27 млн автомобилей, что составило 39 % от всего мирового производства [Автомобильный рынок Китая...].

В течение четырнадцати последних лет Китай является лидером и в сфере судостроения, где в 2023 г. на его долю приходилось 55 % общемирового показателя [Судостроительная промышленность КНР...].

Китаю удалось включиться в процесс глобализации с максимальной выгодой для своей экономики. В период с 2000 г. по 2008 г. его экспорт увеличился в шесть раз, а положительное сальдо торгового баланса увеличилось в двенадцать раз и достигло 7 % ВВП, что является феноменальным показателем для развивающейся страны [Lemoine].

Такая динамика в значительной мере явилась следствием увеличения производительности факторов производства: капитала и труда. С 1980 г. по 2010 г. население трудоспособного возраста (15—59 лет) увеличилось в Китае на 360 млн человек, составив более 914 млн человек [Maddison 2007]. Дэн Сяопин также стал проводить в начале 1980-х гг. политику открытости и привлечения иностранного капитала, передовых технологий. Процесс открытости осуществлялся постепенно, в несколько основных этапов. В первую очередь в начале 1980-х гг. китайское правительство создало четыре специальные экономические зоны. Появление этих зон преследовало следующие цели: привлечение капитала, изучение методов и опыта управления, развитие внешней торговли, содействие реструктуризации отраслей национальной экономики.

Затем в 1984 г. Китай открыл 14 крупных портовых городов. С 1990-х гг. открытые территории постепенно расширились от прибрежных территорий до внутренних городов [Maddison 2006].

Геополитическое влияние и значение Китая в мировой экономике значительно возросли. Китай стал второй по величине экономикой в мире по объему, со значительным отрывом обогнав Японию (см. таблицу) [Там же].

**Динамика ВВП на душу населения и экспорта, 1950—2003 гг.
(% роста)**

	ВВП на душу населения			Объем экспорта		
	1950 — 1973 гг.	1973 — 1990 гг.	1990 — 2003 гг.	1950 — 1973 гг.	1973 — 1990 гг.	1990 — 2003 гг.
Япония	8,1	3,0	0,9	15,3	6,7	2,6
Китай	2,9	4,8	6,8	2,7	10,3	16,5
Индия	1,4	2,6	3,9	2,5	3,7	12,8
Республика Корея	5,8	6,8	4,7	20,3	13,2	12,5
Филиппины	2,7	0,7	1,0	5,9	6,9	10,0
Франция	4,0	1,9	1,3	8,2	4,2	5,2
Германия	5,0	1,7	1,2	12,4	4,5	5,1
Великобритания	2,4	1,9	2,0	3,9	4,0	4,3
США	2,5	2,0	1,7	6,3	4,9	5,6

Экономическая политика Китая, социализм «с китайской спецификой», основана на концепции «социалистической рыночной экономики». Китайская

модель развития известна также как Пекинский консенсус [Ramo]. Это сочетание «конфуцианского» авторитаризма с элементами рыночной экономики [André].

Пекинский консенсус в очень значительной степени базируется на азиатской модели развития и утверждает, что либеральная модель развития, предлагаемая Вашингтонским консенсусом не только не универсальна, но и неэффективна. Пекинский консенсус предполагает использование рыночных инструментов, если только они способны обеспечить динамичное экономическое развитие: приватизация и свободная торговля не являются самоцелью и целесообразны только в случае, если приведут к экономическому росту.

Одновременно Китай реализует собственную доктрину безопасности. Испытав на себе в течение достаточно продолжительного периода времени господство Запада (со второй половины XIX в. вплоть до 1949 г.), он стремится не допустить повторения такого полуколониального положения. Пекинский консенсус предполагает абсолютное уважение национального суверенитета и, таким образом, отвергает любую возможность иностранного вмешательства.

Китайское руководство хорошо понимает, что попытки лобового столкновения с Соединенными Штатами Америки, стремящимися всеми средствами сохранить свое доминирующее положение в мире, достаточно опасны. В связи с этим руководство Китая концентрирует усилия на создании асимметричной силы в отношении с США, чтобы иметь возможность конвертировать экономический вес страны в геополитическое доминирование.

Китай создал новую модель развития, основанную на его собственных традициях и культуре. Пекинский консенсус является контрмоделью Вашингтонскому консенсусу. Это отказ следовать «западному» пути, предлагаемому Вашингтонским консенсусом, отказ от принятия так называемых «западных» ценностей (права человека, свобода прессы, господство частной собственности и т. д.).

Подтверждением эффективности политики Пекинского консенсуса стали результаты либеральных реформ, проводимых после распада СССР. Чрезмерная и стремительная либерализация экономики в соответствии с идеологией Вашингтонского консенсуса, а также процесс демократизации привели к тому, что СССР, являвшийся вместе с Соединенными Штатами Америки на протяжении полувека мировой сверхдержавой, оказался в глубочайшем экономическом кризисе [Maddison 2007].

Согласно прогнозам МВФ, к 2030 г. Китай станет крупнейшей экономикой мира, а Соединенные Штаты Америки займут второе место. ВВП Поднебесной к 2030 г. достигнет 26 млрд долл. В то же время Индия займет ранг третьей мировой экономики с населением в 5,9 млрд человек и, таким образом, обгонит Германию и Японию [Dieffembacq].

Первоочередной целью Китая является утверждение себя в качестве бесспорного лидера в Азии, где он реализует стратегию успешного и доброжелательного регионального игрока. Основное внимание уделяется соглашениям о свободной торговле, прямым инвестициям и помощи в целях развития. Китай увеличивает количество предложений стратегического партнерства в духе добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества.

Немаловажным аспектом азиатской политики Китая выступают его инициативы в области обеспечения региональной безопасности, направленные на прекращение американского доминирования в регионе и установление нового порядка в Азии, где Китай будет играть центральную роль, обусловленную его экономическим и стратегическим весом. Однако здесь политика Китая встречает

достаточно сильное противодействие со стороны США, действующих в союзе с Японией, которая, несмотря на декларируемый пацифизм, располагает седьмой армией в мире.

При этом Китай не ограничивается только усилением своего влияния в развивающихся странах. Он демонстрирует желание изменить сложившийся глобальный порядок и традиционную мировую иерархию. Китай больше не является «безбилетным пассажиром» глобализации, напротив, он хочет быть ее капитаном: он выступает с инициативами реформирования существующих международных институтов, например, Международного валютного фонда и создания новых, таких как «Новый банк развития БРИКС», «Азиатский инвестиционный банк инфраструктуры» и др. Воссоздание Великого Шелкового пути как древнейшего торгово-экономического маршрута по предложению президента Си Цзиньпина в 2013 г. представляет собой комплексную стратегию активизации и расширения международного сотрудничества стран евроазиатского континента.

«Мы должны сделать нашу страну культурной сверхдержавой... Мы должны увеличить “мягкую силу” Китая, сформировать привлекательную национальную идеологию и лучше донести послания Китая до остального мира» [Meuer 2018]. Эти заявления президента Си Цзиньпина выражают стремление восстановить влияние и силу притяжения Срединного царства, которые так поразили иезуитов в конце XVI в. Для этих целей Китай использует все инструменты «народной дипломатии»: проведение крупных глобальных мероприятий, размещение культурных и медиа-центров за рубежом, популяризацию языка, прием иностранных студентов и т. д. Китай прилагает значительные усилия для продвижения своего исключительного культурного наследия (он занимает второе место в списке всемирного наследия ЮНЕСКО после Италии), а также для освещения достижений в области искусства, литературы, спорта.

Таким образом, за 1990—2000-х гг. Китай постепенно превратился в производственную площадку, обеспечивающую значительную долю мирового потребления. В то же время рост экспорта позволил ему получить значительный профицит торгового баланса, который он инвестировал в политику экономического и научно-технического развития. Эта модель, которую Пекин предпочитает называть «китайским путем», противостоит западным рецептам, основанным на демократии и либеральном капитализме англосаксонского типа. Китай считает, что достигнутые им результаты говорят в пользу его экономической и социальной модели, получившей название Пекинского консенсуса.

Список литературы / References

- Автомобильный рынок Китая в картинках и цифрах: исследование // Auto.ru. 15.09.2023. URL: https://auto.ru/mag/article/avtomobilnyy-rynok-kitaya-v-cifrah/?utm_referrer= (дата обращения: 23.12.2024).
(China's car market in pictures and figures: research, Auto.ru, 15.09.2023. — In Russ.)
- Судостроительная промышленность КНР по трём основным показателям занимает 1-ое место в мире 14 лет подряд. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-01-15/1746836994433110017/index.html> (дата обращения: 21.01.2025)
(The shipbuilding industry of the People's Republic of China has been ranked 1st in the world for 14 years in a row according to three main indicators. — In Russ.)
- Судостроительная промышленность Китая в 2023 году // Seanews. 15.01.2024. URL: <https://seanews.ru/2024/01/15/ru-sudostroitelnaja-promyshlennost-kitaja-v-2023-godu/> (дата обращения: 21.01.2025).
(China's shipbuilding industry in 2023, Seanews, 15.01.2024. — In Russ.)

- André P. Le consensus de Pékin : modèle d'économie confucéenne ou modèle ad hoc? URL: [https://books.openedition.org/septentrion/8226_\(accessed: 18.01.2025\)](https://books.openedition.org/septentrion/8226_(accessed: 18.01.2025)).
- Dieffembacq L. La Chine première économie mondiale en 2030, RTBF Actus, 26.09.2018. URL: [https://www.rtf.be/article/la-chine-premiere-economie-mondiale-en-2030-10029136 \(accessed: 05.02.2025\)](https://www.rtf.be/article/la-chine-premiere-economie-mondiale-en-2030-10029136 (accessed: 05.02.2025)).
- La Chine est-elle une menace?, Grand Continent. URL: [https://legrandcontinent.eu/fr/2023/08/31/la-chine-est-elle-une-menace-11-graphiques/ \(accessed: 15.01.2025\)](https://legrandcontinent.eu/fr/2023/08/31/la-chine-est-elle-une-menace-11-graphiques/ (accessed: 15.01.2025)).
- Lemoine F. La Chine, futur géant dans l'économie mondiale, Études, 2005, Tome 402 (6), pp. 739—749. URL: [https://shs.cairn.info/revue-etudes-2005-6-page-739?lang=fr \(accessed: 10.12.2024\)](https://shs.cairn.info/revue-etudes-2005-6-page-739?lang=fr (accessed: 10.12.2024)).
- Maddison A. La Chine dans l'économie mondiale de 1300 à 2030. 01.06.2006. URL: [https://shs.cairn.info/revue-outre-terre1-2006-2-page-89?lang=fr \(accessed: 15.01.2025\)](https://shs.cairn.info/revue-outre-terre1-2006-2-page-89?lang=fr (accessed: 15.01.2025)).
- Madison A. The World Economy: A Millennial Perspective, Washington DC: Brookings Institute Press, 2007. URL: [http://piketty.pse.ens.fr/files/Maddisson2001.pdf \(accessed: 18.01.2025\)](http://piketty.pse.ens.fr/files/Maddisson2001.pdf (accessed: 18.01.2025)).
- Meyer C. La Chine, centre du monde, Études, 2010, T. 412 (4), p. 439—450. URL: [https://shs.cairn.info/revue-etudes-2010-4-page-439?lang=fr \(accessed: 15.01.2025\)](https://shs.cairn.info/revue-etudes-2010-4-page-439?lang=fr (accessed: 15.01.2025)).
- Meyer C. L'Europe face à la Chine. 2018. URL: [https://www.revue-etudes.com/article/l-europe-face-a-la-chine/19554 \(accessed: 05.02.2025\)](https://www.revue-etudes.com/article/l-europe-face-a-la-chine/19554 (accessed: 05.02.2025)).
- Produit intérieur brut (PIB) de la Chine, exprimé en prix courants de 1980 à 2029. URL: [https://fr.statista.com/statistiques/665738/pib-de-la-chine-exprime-en-prix-courants/\(accessed: 20.01.2025\)](https://fr.statista.com/statistiques/665738/pib-de-la-chine-exprime-en-prix-courants/(accessed: 20.01.2025)).
- Ramo J.C. The Beijing Consensus, The Foreign Policy Center, 18th March 2004. URL: [https://fpc.org.uk/publications/the-beijing-consensus/ \(accessed: 17.01.2025\)](https://fpc.org.uk/publications/the-beijing-consensus/ (accessed: 17.01.2025)).

THE BEIJING CONSENSUS AS AN EFFECTIVE ALTERNATIVE TO THE WASHINGTON CONSENSUS

Irina V. Minakova, Anton A. Rastorguev

Southwestern State University, Kursk, Russian Federation,
irene19752000@mail.ru, guimo-swsu@yandex.ru

Abstract. The authors present the evolution of China's socio-economic development, which in a relatively short period of time has become the world's second largest economy in nominal GDP, ahead of Japan. China is currently the world's largest exporter of high-tech products, accounting for about half of its volume. The article substantiates the position that the basis of the country's economic growth was, on the one hand, very progressive and pragmatic reforms implemented since the late 1970's (in contrast to the "shock therapy" implemented in Eastern European countries and states formed after the collapse of the USSR); on the other hand, the policy of expanding exports and attracting direct foreign investments. China has created a new development model based on its own traditions and culture. The Beijing Consensus is a counter-model to the Washington Consensus and presupposes the use of market instruments, if only they are capable of ensuring a dynamic economic development. The Chinese leadership is well aware that attempts to clash head-on with the United States of America, which is striving by all means to maintain its dominant position in the world, are quite dangerous, and therefore the Chinese leadership is concentrating on creating an asymmetric force in relations with the United States in order to be able to convert the country's economic weight into its geopolitical dominance.

Keywords: Chinese development model, Beijing consensus, Washington consensus, economic dominance, liberal development model

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the State Assignment for 2025 № 075-03-2025-526.

For citation: Minakova I.V., Rastorguev A.A. The Beijing Consensus as an effective alternative to the Washington Consensus, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 106—113.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted to the editorial office 18.02.2025; approved after review 17.04.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Минакова Ирина Вячеславна — доктор экономических наук, профессор, декан факультета государственного управления и международных отношений, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия, irene19752000@mail.ru, SPIN: 8703-5224

Minakova Irina Viatcheslavna — Doctor of Sciences (Economy), Professor, Dean of the Faculty of Public Administration and International Relations, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, irene19752000@mail.ru

Расторгуев Антон Андреевич — преподаватель кафедры международных отношений и государственного управления Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия, guimo-swsu@yandex.ru, SPIN: 6806-8300

Rastorguev Anton Andreevich — Lecturer at the Department of International Relations and Public Administration, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, guimo-swsu@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 114—123.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 114—123.

Научная статья

УДК 94(47)"17":321.01(091)"19"

EDN <https://elibrary.ru/gwxcjs>

DOI: 10.46726/И.2025.3.13

ЭПОХА ПЕТРА I В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЫ В ПЕРИОД ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ К.Д. КАВЕЛИНА)

Нина Владимировна Старикова, Михаил Юрьевич Шляхов

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
г. Нижний Новгород, Россия, ninast78@yandex.ru; mik-shlyakhov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды К.Д. Кавелина, сформулированные им в 1840-х годах, на российский исторический процесс и в особенности на эпоху Петра I. Определено место, роль и влияние эпохи петровских преобразований на формирование концептуальных основ государственной школы российской исторической науки. Предметом исследования являются теоретические воззрения К.Д. Кавелина на эпоху реформ Петра I. Авторы уделяют особое внимание анализу влияния этих взглядов на построение общей теории исторического процесса представителями государственной школы. Среди факторов, оказавших воздействие на становление основных постулатов государственной школы, следует выделить острую общественно-политическую дискуссию между западниками и славянофилами, а также ситуацию, сложившуюся внутри исторической науки, где созрела необходимость в создании новой теории, объясняющей исторический процесс. В концепции Кавелина важное место занимает эпоха Петра I, олицетворяющая, по мнению автора, победу государственного начала над родовым, ставшая рубежом между старой и новой Россией, произошедшие изменения историк считал органичными и закономерными. Насильственный характер реформ Петра Великого оправдывается их крайней необходимостью и объективными историческими условиями: незрелостью государственных начал, подавляемых родовых традиций. Взгляды К.Д. Кавелина на эпоху Петра I во многом определили ее теоретическое осмысление и трактовку историками государственной школы в последующие годы.

Ключевые слова: государственная школа, реформы Петра I, К.Д. Кавелин, отечественная историография, западники, славянофилы

Для цитирования: Старикова Н.В., Шляхов М.Ю. Эпоха Петра I в теоретических построениях государственной школы в период ее формирования (на материале работ К.Д. Кавелина) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 114—123.

Появление в конце XIX века, с легкой руки П.Н. Милокова, термина «юридическая» (впоследствии «государственная») школа оказалось очень устойчивым и закрепилось в российской историографии [Милоков 1886]. Историк смог указать на важное явление в развитии отечественной исторической науки XIX века — акцентирование внимания на государственных структурах и учреждениях, а также их роли в отечественной истории. Дальнейшее изучение государственной школы, а также творчества ее отдельных представителей можно разделить на несколько этапов.

Дореволюционный период, который являлся подготовительным; на него пришелся сбор биографической информации и первоначальное осмысление путей развития исторической науки в XIX веке. В конце XIX — начале XX века вышли собрания сочинений, небольшие научные работы, посвященные жизни и творчеству ученых, относящихся к этому направлению, послужившие впоследствии основой для всестороннего историографического изучения [Бестужев-Рюмин; Миллюков 1913; Коялович; Корсаков].

В советский период продолжилось изучение развития отечественной исторической науки XIX века, но ее осмысление шло под влиянием и давлением марксистского материалистического подхода. Советская историография делала упор на оценки государственной школы как либерального и охранительного направления историографии в противовес зарождающемуся параллельно народническому, а чуть позже марксистскому. Такая оценка подчеркивала относительную прогрессивность идей представителей государственной школы на начальном этапе ее существования и консервативный, «охранительный» характер этих идей впоследствии. Это давало возможность советским историкам изучать представителей государственной школы, но ограничивало объективную оценку их творчества узкими идеологическими рамками [Покровский; Рубинштейн; Черепнин; Иллерицкий 1959, 1980; Цамутали]. Особенно критически воспринималось творчество К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, которые активно участвовали в общественно-политической борьбе середины XIX века и подвергались критике А.И. Герцена и других революционных демократов.

Современный этап начался с большого интереса к либеральной идеологии, принес много важных публикаций как по отдельным представителям государственной школы, так и по направлению в целом [Шапиро; Китаев; Киреева; Арсланов]. Эти публикации отходили от марксистской парадигмы и более объективно оценивали достижения и значение государственной школы в отечественной науке. В последнее десятилетие интерес к творческому наследию и осмыслению роли видных деятелей исторической науки середины — второй половины XIX века растет, но большая часть публикаций касается отдельных знаковых фигур в ее развитии, например, С.М. Соловьева [Соловьев]. Интерес к другим представителям государственной школы заметно снизился, изучение творчества многих из них остановилось на концептуальном и фактологическом уровне, закреплённом исследованиями рубежа веков [Арсланов, Линькова 2019; Арсланов, Линькова 2021]. Аналогичным образом обстоит ситуация и в целом с государственной школой, современные исследователи формулируют ряд проблем в ее изучении: это неопределенность состава участников, хронологические рамки деятельности, внутренняя периодизации (выделение поколений), выявление характерных методологических и содержательных черт ее творческого наследия [Литвинова].

В данной работе мы рассмотрим генезис государственной школы, оформление ее теоретических положений во второй половине 1840-х годов и место, которое в нем занимает эпоха преобразований Петра Великого. Основным источником для анализа являются первые исторические работы К.Д. Кавелина, которые цитируются по собранию сочинений, подготовленному его племянником, известным казанским историком Д.А. Корсаковым.

Создание государственной школы было тесно связано с дискуссией западников и славянофилов. Острые философские и общественно-политические проблемы, поднятые в дискуссии, дали мощный импульс и во многом определили направление развития гуманитарных наук в России в последующие

десятилетия. Другим важным фактором, влияющим на формирование государственной школы, стало состояние отечественной науки в 30—40-е годы XIX века. В ней отсутствовала единая теория исторического процесса, объясняющая развитие всей русской и всемирной истории. Она должна была объяснить не только факты прошлого, но и состояние российского государства и общества в середине XIX века, а также определить дальнейший вектор его развития. Сочетание этих двух факторов делало фигуру Петра I и его преобразования ключевой точкой не только в дискуссии между западниками и славянофилами, но и в создании теории новой научной школы. Конструируя новую историческую теорию, Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) не просто определил роль эпохи Петра Великого в русской истории, а сделал ее одним из ключевых ее элементов.

Первой программной работой, своеобразным манифестом государственной школы стала большая статья К.Д. Кавелина, вышедшая в журнале «Современник» в 1847 году под названием «Взгляд на юридический быт Древней России» [Кавелин: 5—66]. В этой обширной работе была дана общая схема развития русской истории, которая сформировалась у молодого преподавателя по итогу чтения лекций по истории отечественного права в Московском университете. Основной своей задачей автор видел создание теории, объясняющей ход исторического процесса в России. В самом начале он ставит перед читателем несколько вопросов: «В чем же состояло наше развитие до XVIII века? Какой смысл его? Какое его движущее начало? Вот тайна, до сих пор еще никем не разгаданная!» [Там же: 8]. Данные вопросы предваряло наблюдение о полной несхожести между русской и европейской историей до XVIII века, сопровождающееся перечислением расхождений в формировании феодального строя, крепостного права, развития церкви и многого другого. Это кардинальное несоответствие, по мнению автора, нивелируется преобразованиями Петра I: «наше отчуждение, холодность к Европе вдруг совершенно исчезает, и заменяется тесной связью, глубокой симпатией» [Там же: 7]. Этот крутой поворот К.Д. Кавелин хочет объяснить в своей работе, со всей строгостью науки показать его органический, естественный характер, доказать его закономерность: «чтобы понять тайный смысл нашей истории, чтобы оживить нашу историческую литературу, необходим взгляд, теория. Они должны представлять русскую историю как развивающийся организм, живое целое, проникнутое одним духом, одними началами» [Там же: 10].

Важным наблюдением автора является то, что закономерности нужно искать в самой своей истории, а не во внешних причинах: «Итак мы жили сами собой, развивались из самих себя» [Там же: 14]. Этим наблюдением историк не умаляет значение внешних факторов в истории Руси, таких как призвание варягов или приход монголов, но считает, что закономерности истории нужно искать в быту, законах и культуре народа. Изучив их, автор приходит к выводу о доминировании у древних славян родовых начал. Кавелин противопоставляет европейскую историю, где личностное начало развивалось органически и естественно на протяжении всего средневековья, и отечественную историю, где его первоначально нет. У восточных славян, или, как Кавелин их называет, русско-славянских племен, «начала личности не существовало» [Там же: 17], все сферы жизни поглощались родовыми отношениями. Это различие между Европой и славянами является основой всех дальнейших расхождений. Но при этом, как замечает историк, направление исторического процесса у всех народов едино, оно состоит в постепенном развитии личностных начал из родовых

и семейных. Целью этого процесса является не полная победа личностного начала над коллективным (родовым и семейным), а их «глубокое внутреннее примирение» [Там же: 18]. Эта типичная гегелевская диалектика о синтезе противоположностей как конечном продукте развития ярко прослеживалась в творчестве К.Д. Кавелина [Рубинштейн: 336]. Являясь сторонником «норманнской теории», автор связывает истоки государственности с приходом варягов, последующим принятием христианства, которое несет в себе зачатки личностных начал в истории. Удельный период в истории России, датируемый ученым с правления Ярослава Мудрого, является временем зарождения семейных («семейственных») норм при продолжающемся господстве родовых. Следующей важной точкой развития государственного начала стала система управления новым Московским государством, созданная Иваном III. Кровные интересы уступили место государственным, территориальным, которые привели к росту деятельности личности, ранее скованной родовыми и семейными узами. При этом Московское государство сохранило в XVI—XVII веках старые родовые и семейственные формы, но в нем возникают новые начала: «Начало подданства начинает сменять начало холопства, является понятие о государственной службе, о гражданстве, о равенстве перед судом» [Кавелин 1897: 46]. Этот период, по мнению К.Д. Кавелина, переходный. Автор начинает его с Ивана IV Грозного и продолжает до петровской эпохи, замечая, что «царствование Петра было продолжением царствования Иоанна» [Там же: 47].

Сравнение политики и личности Ивана Грозного и Петра I является важным элементом схемы К.Д. Кавелина, который считает их величайшими деятелями русской истории. Их объединяло стремление утвердить идею государства, убрать кровные родовые элементы из управления и заменить их новыми, государственными, с опорой на личность. Подобная политика проводилась и до этого, но Иван IV реализовал ее резко, энергично и насильственно. Он боролся с боярством, кормленщиками, не думавшими о пользе государства и угнетавшими простой народ. Все его реформы и опричный террор — следствие стремления «сломить вельможество, дать власть и простор одному государству» [Там же: 52]. Важная черта схемы К.Д. Кавелина — представление Ивана Грозного защитником населения от власти корыстных вельмож. Оправдывая опричнину, автор пишет, что невозможно критиковать царя тому, «кто знает любовь Иоанна к простому народу, угнетенному и раздавленному в его время вельможами, кому известна заботливость, с которой он пытался облегчить его участь...» [Там же]. Эту черту защитника простого народа мы увидим впоследствии в описании Петра I у самого К.Д. Кавелина и других представителей государственной школы.

Последующий XVII век в концепции Кавелина представлял собой сначала временный откат, а затем новый подступ к решению проблемы, поставленной Иваном Грозным, о смене родовых элементов государственными формами. Административные реформы Алексея Михайловича и Федора Алексеевича подготовили почву для последующих петровских преобразований. К.Д. Кавелин видит в этом столетии «порчу общественных нравов», которая является следствием развития личности: «грубая неразвитая и непризнанная личность искала простора; в тесном кругу преобладающих кровных отношений ей становилось душно; они не давали ей развиваться, подавляли ее своими непреложными законами» [Там же: 56]. Эти замечания предвещают описание петровских преобразований и помогают автору еще раз подчеркнуть органичность процесса перехода

от родового начала к личностному, а также предупредить славянофильскую критику о сильном падении нравов при Петре I.

Оценивая и анализируя события XVIII века, историк замечает, что реформы Петра I привели к освобождению личности, побудили ее к самостоятельности, нравственности и духовному развитию. Верхнюю границу этого периода К.Д. Кавелин не обозначает, упоминая, что этот процесс закончился недавно. Очевидно особенное отношение историка к Петру I, все царствование которого, по мнению К.Д. Кавелина, было подчинено этой задаче. «В Петре Великом личность на русской почве, вступила в свои безусловные права, отделилась от непосредственных, природных, исключительно-национальных определений, победила их и подчинила себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории» [Там же: 58].

К.Д. Кавелин прямо выступает апологетом и защитником Петра I, он подробно разбирает основные постулаты критики императора славянофилами и строит защиту на нескольких тезисах, теоретическое основание которых подготовлено всей вышеизложенной схемой русской истории.

Главный тезис защиты заключается в органичности, закономерности реформ Петра Великого. Они не были внезапным явлением, произошедшим по воле одного человека, а были подготовлены всей предыдущей историей, что и доказывал Кавелин на протяжении всей статьи с помощью сконструированной им новой теории исторического развития России.

Второй тезис — это оправдание насильственного, жесткого характера петровских реформ. К.Д. Кавелин признает это и аргументирует закономерность и даже неизбежность такого варианта преобразований. Он сравнивает Россию с ребенком, окруженным самыми неблагоприятными условиями, который только начал интеллектуальную и нравственную жизнь, параллельно сравнивая положение страны в начале реформ Петра I с аналогичным периодом при Иване Грозном. «Только такая грубая, дикая, жалкая среда, в которой не было и тени общественного мнения, никаких общих, ни нравственных, ни даже физических интересов, сделала возможным преобразование в том виде, в каком оно свершилось, со всеми его крутыми мерами и насилиями» [Там же: 59]. Далее следует сравнение Петра с врачом, хирургом, которого нельзя обвинять в крутых и насильственных действиях во время радикального, но ответственного лечения больного ребенка. Общая сложность положения (война, нехватка денег, сопротивление элиты), по мнению К.Д. Кавелина, также делало его преобразования невозможными в спокойном, тихом, размеренном темпе.

Третьим тезисом, который развивает К.Д. Кавелин в защиту своей позиции, является опровержение возможности потери народом своего национального духа вследствие реформ Петра I и безусловного подчинения европейскому влиянию. Сначала автор выступает критиком статичного понятия «народность», опирающегося на внешние проявления материальной культуры («внешние формы»). Он считает, что понятие «национальность» выражает внутреннее нравственное содержание [Там же: 61]. Внешние формы могут меняться, и примеры таких изменений мы видим не только в петровскую эпоху, но и в культурных заимствованиях из Европы в предыдущие столетия. А вот внутренние нравственные основания национальности потеряться не могут: «мы никогда не теряли народности; нельзя указать ни на одну минуту в нашей исторической жизни, начиная с какого угодно времени, в которую мы бы перестали быть русскими и славянами, потому что это совершенно, математически невозможно»

[Там же: 62]. Привлечение иностранцев на службу было необходимым шагом из-за отсутствия надлежащих русских специалистов и должно было привести к укреплению и процветанию страны и дальнейшему продвижению по пути реформ. Ведя заочную полемику со славянофилами, К.Д. Кавелин утверждает, что идея о потере русской идентичности в прошлом столетии появилась из-за проблем в современной России. После окончания реформ наступило переходное состояние общества, «нравственная дряхлость», что и привело к мысли о противопоставлении европейского и русского. Общество раскололось на горячих сторонников европеизации и стремящихся «действовать и чувствовать национально» [Там же: 64], что в корне противоречит идее петровского царствования. Это деление показывает, что настоящий замысел реформ Петра I оказался забыт, и общество оказалось на перепутье. Говоря о последнем десятилетии, автор отмечает наметившееся исчезновение дуализма между противоборствующими партиями. «Непереступаемые границы между прошедшим и настоящим, русским и иностранным разрушаются» [Там же: 64]. Фигура Петра Великого поэтому и вызывает такой интерес и симпатию у современников, что может стать примером примирения крайних позиций на пути новых реформ. В конце своей работы К.Д. Кавелин еще раз утверждает, что при разнонаправленном в допетровские времена историческом развитии России и Европы теперь они будут идти вместе в одном направлении: «вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один» [Там же: 66]. В этом тезисе заключается стремление К.Д. Кавелина к государственным реформам, во многом аналогичным европейским, расширяющим права личности. Эта позиция давала возможность советской историографии оценивать Кавелина, Чичерина и Соловьева как либералов, представителей «правого крыла западничества», готовых сотрудничать с царизмом в деле преобразования страны в едином с Европой направлении [Рубинштейн: 331].

Статья Кавелина вызвала ожидаемые возражения со стороны славянофилов, в журнале «Москвитянин» вышла работа «О мнениях Современника, исторических и литературных» с инициалами автора Г. М.З.К. (псевдоним Ю.Ф. Самарина). Продолжая дискуссию, К.Д. Кавелин выпустил в последнем номере 1847 года новую работу «Ответ Московитянину» [Кавелин: 67—96], где, отвечая на замечания оппонента, и развивал свою теорию исторического процесса.

Основной проблемой, обсуждаемой в ответной статье, стала тема общественного прогресса и его важнейших характеристик. Выдвинув свою теорию, К.Д. Кавелин постулировал наличие общемирового прогресса в едином направлении, в котором каждый народ участвует с присущим ему своеобразием. Этот процесс выражается в постепенном освобождении личности от родовых устоев, который приводит к ее нравственному и духовному совершенствованию. Автор так описывает главное расхождение с оппонентом: «Г. М.З.К. думает, что человек искони был то, что теперь, только формы изменились; а мы напротив, думаем, что человек с большими усилиями сквозь тысячу ошибок, заблуждений, предрассудков и страданий, стал тем, что он теперь есть и не позволяем себе отделять форму от содержания. У Г. М.З.К. есть готовый рецепт для всех исторических деятелей и явлений, а мы по необходимости выводим его из данных фактов» [Там же: 93]. Дискутируя об оценке таких исторических фигур, как Иван Грозный или Петр I, К.Д. Кавелин прежде всего имел в виду пользу, которую принес правитель в деле общего прогресса, понимаемого как усиление государства, отмирание родовых отношений, развитие личностного начала. Его утверждение, «что только в XVIII веке, мы только что начинали жить

умственно и нравственно» [Там же: 94], вызвало резкую критику со стороны Ю.Ф. Самарина, но автор настойчиво и аргументировано защищал это положение. Духовная жизнь понималась им только через призму самостоятельности личности, и так как она в его теоретической схеме возникает лишь после начала петровских преобразований, то и духовная, и интеллектуальная жизнь до этого времени просто была невозможна. Обвиняя оппонента в следовании ненаучным абстрактным идеальным схемам, сам К.Д. Кавелин оказался заложником собственной теории. Причина такого положения историка связана с влиянием на его концепцию постулатов немецкой классической философии, оформленных в рамках просветительской парадигмы в единый общественный прогресс и исторический процесс.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Формирование государственной школы происходит в конце 1840-х годов под влиянием острой общественно-политической дискуссии между западниками и славянофилами, а также ситуации внутри исторической науки, где созрела необходимость в переосмыслении исторического процесса и создании теории, объясняющей общий ход и закономерности российской истории. Эта теория, опираясь на последние достижения европейской и отечественной философской мысли, должна была объяснить большой массив накопленных к этому времени исторических фактов, помочь осмыслить настоящее страны и перспективы ее развития. Теоретическому осмыслению исторического процесса служат работы представителей государственной школы отечественной исторической науки. Формирование ее основных положений произошло в ранних работах К.Д. Кавелина. В созданной им концепции исключительное место занимает эпоха Петра I: в ней государственное начало окончательно побеждает родовое, что становится рубежом между старой и новой Россией; подчеркивается органичность и закономерность происходящих изменений, отсутствие разрыва с предыдущими историческими периодами; насильственный характер реформ оправдывается их крайней необходимостью и объективными историческими условиями; отрицается утеря национального, народного духа через европеизацию. Еще более высокую оценку получает личность Петра Великого — он является учителем и выразителем интересов русского народа, создателем великой империи, в которой национальное и европейское органично сочетаются, является примером деятельного правителя для современников. Эти основные положения концепции К.Д. Кавелина 1840-х годов повлияли на творчество его университетского коллеги С.М. Соловьева и ученика Б.Н. Чичерина, которые в 50—60 годы XIX века продолжают развитие положений государственной школы. Базовые положения, высказанные К.Д. Кавелиным об эпохе Петра I, во многом определили теоретическое осмысление этой эпохи и ее оценки, данные историками государственной школы в их последующих исследованиях.

Список литературы / References

- Арсланов Р.А. История Российского государство в концепции К.Д. Кавелина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 1. С. 37—47.
- (Arslanov R.A. History of the Russian state in the concept of K.D. Kavelin. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seria: Istoriia Rossii*, 2007, no 1, pp. 37—47. — In Russ.)
- Арсланов Р.А., Линькова Е.В. Либерал — Консерватор — Социалист. Кем был К.Д. Кавелин? Историография вопроса // Вопросы истории. 2021. № 4 (1). С. 278—287.

- (Arslanov R.A., Lin'kova E.V. Liberal — Conservative — Socialist. Who was C.D. Cavelin? Historiography of the question, *Voprosy istorii*, 2021, no. 4 (1), pp. 278—287. — In Russ.)
- Арсланов Р.А., Линькова Е.В. Русский либерал К.Д. Кавелин в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 158—170.
- (Arslanov R.A., Lin'kova E.V. Russian liberal K.D. Cavelin in modern Russian historiography, *Voprosy istorii*, 2019, no. 2, pp. 158—170. — In Russ.)
- Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики: Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1882. 358 с.
- (Bestuzhev-Riumin K.N. Biographies and characteristics: Tatishchev, Shletser, Karamzin, Pogodin, Soloviev, Yeshevsky, Hilferding, St. Petersburg, 1882, 358 p. — In Russ.)
- Горлов А.В. Два «Взгляда» русского либерала XIX века: К.Д. Кавелин о развитии института собственности в России // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 39—49.
- (Gorlov A.V. Two “Views” of a 19th-century Russian liberal: K.D. Kavelin on the development of the institution of property in Russia, *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia*, 2012, no. 3, pp. 39—49. — In Russ.)
- Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980. 192 с.
- (Illeritskii V.E. Sergey Mikhailovich Soloviev, Moscow, 1980, 192 p. — In Russ.)
- Иллерицкий В.Е. О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 141—159.
- (Illeritskii V. E. About public school in Russian historiography, *Voprosy istorii*, 1959, no. 1, pp. 141—159. — In Russ.)
- Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М.: Высшая школа, 1971. 458 с.
- (Historiography of the history of the USSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution, ed. by V.E. Illeritsky and I.A. Kudryavtseva, Moscow, 1971, 458 p. — In Russ.)
- Кавелин К.Д. Собрание сочинений К.Д. Кавелина: в 4 т. Т. 1: Исторические монографии. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. 1140 с.
- (Kavelin K.D. Collected works of K.D. Kavelin: in 4 vols, vol. 1: Historical monographs, St. Petersburg, 1897, 1140 pp. — In Russ.)
- Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. 216 с.
- (Kireeva R.A. The study of domestic historiography in pre-revolutionary Russia from the middle of the XIX century until 1917, Moscow, 1983, 216 pp. — In Russ.)
- Киреева Р.А. Государственная школа: Историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Москва: ОГИ, 2004. 506 с.
- (Kireeva R.A. Public School: The historical concept of K.D. Kavelin and B.N. Chicherin, Moscow, 2004, 506 pp. — In Russ.)
- Китаев В.А. К.Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством. // В раздумьях о России (XIX век). М: Археографический центр, 1996. С. 243—271.
- (Kitaev V.A. K.D. Kavelin: between Slavophilism and Westernism, *Thoughts about Russia (XIX century)*, Moscow, 1996, pp. 243—271. — In Russ.)
- Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К. Д. Кавелина // Собрание сочинений К.Д. Кавелина: в 4 т. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. С. IX—XXX.
- (Korsakov D.A. Life and activities of K. D. Kaveli, *Collected works of K.D. Kavelin: in 4 vols*, vol. 1, St. Petersburg, 1897, pp. IX—XXX. — In Russ.)
- Коялович М.И. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Синодальная типография, 1893. 593 с.
- (Koyalovich M.I. History of Russian identity on historical monuments and scientific works, St. Petersburg, 1893, 593 p. — In Russ.)

- Литвинова И.В., Маландин В.В., Артамонов Г.А., Большакова Е.А. Государственная (юридическая) школа в отечественной историографии о церкви и государстве: к постановке проблемы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 4. С. 112—126.
- (Litvinova I.V., Malandin V.V., Artamonov G.A., Bolshakova E.A. State (legal) school in Russian historiography about church and state: to the formulation of the problem, *Lokus: liudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 112—126. — In Russ.)
- Милоков П.Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1886. Кн. 6. Июнь. С. 80—92.
- (Milyukov P.N. Law School in Russian historiography, *Russkaia mysl'*, 1886, vol. 6, June, pp. 80—92 — In Russ.)
- Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб.: издание М.В. Аверьянова, 1913. 342 с.
- (Milyukov P.N. The main currents of Russian historical thought, St. Petersburg, 1913, 342 p. — In Russ.)
- Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература. Л.: Прибой, 1927. 124 с.
- (Pokrovsky M.N. Class struggle and Russian historical literature, Leningrad, 1927, 124 p. — In Russ.)
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941. 642 с.
- (Rubinstein N.L. Russian historiography, Moscow, 1941, 642 p. — In Russ.)
- С.М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2020. 407 с.
- (S.M. Soloviev and his era: on the 200th anniversary of the birth of the historian, ed. by Yu.A. Petrov, Moscow, 2020, 407 p. — In Russ.)
- Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. 256 с.
- (Tsamutali A.N. The struggle of currents in Russian historiography in the second half of the XIX century, Leningrad, 1977, 256 p. — In Russ.)
- Черепнин Л.В. Соловьев как историк // История России с древнейших времен: в 15 кн. Кн. I. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 5—51.
- (Cherepnin L.V. Soloviev as a historian, *History of Russia since ancient times: in 15 books*, book 1, Moscow, 1959, pp. 5—51. — In Russ.)
- Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М.: Культура, 1993. 761 с.
- (Shapiro A.L. Russian historiography from ancient times to 1917, Moscow, 1993, 761 p. — In Russ.)

**THE ERA OF PETER THE GREAT IN THE THEORETICAL
CONSTRUCTIONS OF THE STATE SCHOOL
DURING ITS FORMATION
(BASED ON THE WORKS OF K.D. KAVELIN)**

Nina V. Starikova, Mikhail Yu. Shlyakhov

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Russian Federation, ninast78@yandex.ru, mik-shlyakhov@yandex.ru

Abstract. The article examines the views of K.D. Kavelin, formulated by him in the 1840s, on the Russian historical process and especially on the era of Peter I. The place, role and influence of Peter the Great transformations on the formation of the conceptual foundations of the state school of Russian historical science has been determined. The subject of the study is the theoretical views of K.D. Kavelin on the era of reforms of Peter I. The authors pay special attention to the analysis of the influence of these views

on the construction of a general theory of the historical process by representatives of the public school. Among the factors that influenced the formation of the main tenets of the public school, one should single out an acute socio-political discussion between Westerners and Slavophiles, as well as the situation within historical science, where the need has ripened to create a new theory explaining the historical process. In the concept of Kavelin, an important place is occupied by the era of Peter I, personifying, according to the author, the victory of the state principle over the patrimonial, which became the borderline between old and new Russia. The historian considered the changes that took place organic and natural. The violent nature of Peter the Great's reforms is justified by their extreme necessity and objective historical conditions: the immaturity of state principles suppressed by tribal tradition. The views of K.D. Kavelin on the era of Peter I to a large extent determined its theoretical understanding and interpretation by historians of the public school in subsequent years.

Keywords: public school, reforms of Peter I, Kavelin K.D., domestic historiography, Westerners, Slavophiles

For citation: Starikova N.V., Shlyakhov M.Yu. The Era of Peter the Great in the theoretical constructions of the state school during its formation (based on the works of K.D. Kavelin), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 114—123.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Старикова Нина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия, ninast78@yandex.ru, SPIN: 6604-5847

Starikova Nina Vladimirovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ninast78@yandex.ru

Шляхов Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия, mik-shlyakhov@yandex.ru, SPIN: 6408-3454

Shlyakhov Mikhail Yuryevich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, mik-shlyakhov@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 124—134.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 124—134.

Научная статья

УДК 94(47)"1917/1920":929

EDN <https://elibrary.ru/fhqhad>

DOI: 10.46726/И.2025.3.14

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СКИТАНИЯ Ф.В. ТАРАНОВСКОГО КАК ПРИМЕР СУДЬБЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1917—1920 ГГ. (к 150-летию со дня рождения ученого)

Любовь Владимировна Исакова

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, gorkova.l.v@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению личной жизни, преподавательской, общественной и политической работе историка права, профессора Федора Васильевича Тарановского в период с 1917 г. по 1920 г. Хронологические рамки исследования обусловлены необходимостью рассмотрения его биографии в сложный исторический период революции и Гражданской войны в России. На основе привлечения архивных материалов, а именно писем Тарановского другу, попечителю Рижского учебного округа В.Э. Грабарю, воспоминаний его коллеги по Киевской Академии наук, механика С.П. Тимошенко был реконструирован важный этап жизни ученого. Выводы по итогам проведенного исследования позволяют говорить о том, что судьба Федора Васильевича, наполненная жизненными неурядицами и экономическими проблемами, является классическим примером судьбы представителя русской интеллигенции указанного времени. Именно анализ жизни и деятельности Тарановского в 1917—1920 гг. позволяет ответить на вопрос, почему же он, как и многие другие представители русской научной элиты начала XX в., был вынужден покинуть пределы Родины.

Ключевые слова: Тарановский, революция, эмиграция, научная работа, Академия наук, письма, воспоминания, Юрьев, Петроград, Харьков

Для цитирования: Исакова Л.В. Революционные скитания Ф.В. Тарановского как пример судьбы представителя русской интеллигенции в 1917—1920 гг. (к 150-летию со дня рождения ученого) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 124—134.

В отечественной исторической литературе период жизни крупного российского историка права Федора Васильевича Тарановского (1875—1936) между 1917 и 1920 гг. представлен предельно упрощенно. Исследователи, как правило, указывают, что вначале ученый-правовед поддержал революцию, даже выступил с публичной лекцией 11 марта 1917 г. в Юрьеве (бывшем — Дерпте, Российская империя, ныне — Тарту, Эстония), в которой обосновал причины падения старой власти («измена государственным интересам России») и выдвинул задачи «нового государства» [Михальченко 2017: 24].

Сегодня С.И. Михальченко констатирует, что с июля 1919 г. Тарановский входил в состав Особого Агитационного Отряда Отдела Пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге

России и читал публичные лекции; участвовал в создании Украинской академии наук, был избран деканом юридического факультета в Екатеринославе (совр. город Днепр), а далее получил «искомую кафедру» истории западноевропейского права в Харькове [Там же: 25]. Однако дальнейшее развитие событий вынудило его искать пристанища за пределами Родины, которое он сам рассматривал как временную меру и не терял надежды на возвращение.

В.А. Томсинов отметил, что в период Гражданской войны Тарановский «следовал за Белой гвардией и преподавал курс истории русского права в университетах, городах, находившихся под контролем белогвардейских властей: в Харькове, Екатеринославе и Симферополе», а с осени 1919 года — на юридическом факультете Таврического университета [Томсинов: 219—220].

Изучая условия жизни российских ученых в годы Гражданской войны, А.Н. Еремеева пришла к выводу, что многие из них «стояли во главе контрреволюционных центров, союзов, принимали активное участие в формировании белогвардейских правительств». К их числу автор относит и Тарановского, который, по мнению исследовательницы, сотрудничал с деникинским Осведомительным агентством [Еремеева: 168].

Даже Е.А. Гончарова, специально обращавшаяся к вопросу «комплексной реконструкции жизни и деятельности Тарановского в указанный период» [Гончарова: 342], довольно обзорно описала произошедшие изменения в жизни ученого. Основным источником автора являются письма Тарановского его другу и соратнику Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863—1945). Здесь же встречается упоминание о том, что Тарановский в 1919 г. покинул Киев и направился в Крым, «где вскоре вступил в Добровольческую армию» [Там же: 343], что не подтверждается ни архивными источниками, ни ссылками на печатные издания.

А.Л. Бредихин и Г.С. Кириенко указали, что после Октябрьской революции ученый вынужден был покинуть Россию и эмигрировать в Украину. Его надеждам, связанным с Харьковским университетом, где планировалось открыть специальную кафедру истории права, не суждено было сбыться. Некоторое время он работал в Екатеринославе, а затем в Крыму на юридическом факультете Таврического университета, а по мере развития революционных событий, весной 1920 г., вынужден был вместе с семьей эмигрировать в Сербию [Бредихин, Кириенко: 86—87].

Как видно из приведенного анализа историографии вопроса, многие исследователи отмечали частые перемещения Тарановского из одного города в другой, его работу сразу в нескольких учебных заведениях, даже указывали на причастность к белогвардейским силам. Однако комплексного исследования данного периода жизни историка права, видимо, не предпринималось. Общие сведения о его жизни кочуют из одной публикации в другую. Основой для них является обширная статья С.И. Михальченко, опубликованная в 2017 г. в журнале «Вопросы истории». Следовательно, имеется потребность изучения данного периода жизни Тарановского путем привлечения новых источников и уточнения отдельных фактов его биографии. Указанный хронологический диапазон очень важен для детального рассмотрения. Именно с событиями 1917 г. Михальченко абсолютно верно связывает окончание «важного периода в жизни и творческой деятельности» ученого [Михальченко 2017: 25]. В этом ключе считаем необходимым отметить, что короткий по времени этап (1917—1920 гг.) жизни Федора Васильевича был весьма насыщен новыми событиями

и новыми идеями. Изучение последнего требует введения в научный оборот новых исторических источников.

В рукописном отделе Российской государственной библиотеки (далее — РГБ) находится обширная переписка Тарановского (включая письма, телеграммы, почтовые карточки) с профессором кафедры международного права в 1907—1908 и 1915—1916 гг., деканом юридического факультета с 1910 по 1915 гг. и параллельно директором университетской библиотеки Юрьевского университета, а с 1917 г. — попечителем Рижского учебного округа Владимиром Эммануиловичем Грабарем (1865—1956). Весь массив писем разделен на четыре единицы хранения (за 1908—1909; 1917—1919; 1926—1927; 1928—1929, 1931 и 1933—1935 гг.) примерно равные по объему. Для целей настоящей работы особую ценность представляют письма Тарановского Грабарю за три года: 1917, 1918 и 1919.

Роковой 1917 г. ученый встретил в Юрьеве, на что указывает адрес на его почтовом отправлении другу от 2 января 1917 г. [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 33: 1]. Уже спустя месяц Федор Васильевич находился в Петрограде, погруженный в работу в Государственном архиве [Там же: 7]. Командировку от Юрьевского университета, представление о которой «с 1 января 1917 г. на 4-ть года» было положительно рассмотрено Академией наук и Министерством народного просвещения, Тарановский воспринял с энтузиазмом, намериваясь заняться подготовкой научного издания Устава Благочиния Екатерины II [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 32: 67].

В Петрограде он стал свидетелем Февральской революции. 11 марта 1917 г. выступил в Юрьеве с публичной лекцией [Михальченко 2017: 24], в которой отразил свое отношение к происходящему в России перевороту. Содержание этого выступления подробно анализирует С.И. Михальченко, который, однако, ошибочно указал, что в столицу ученый больше не вернулся [Там же: 25].

25 апреля 1917 г. Тарановский вместе с семьей приехал в Харьков, условия жизни в котором «не лучше и не легче Петроградских» [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 33: 12], — вспоминал ученый в письме Грабарю. Возвращение в «благодатный Юрьев» [Там же] не представлялось возможным из-за политической ситуации в самом городе и приближающегося фронта Первой мировой войны. Все надежды Тарановского были связаны с летним отдыхом на даче, который обычно был довольно плодотворен в научном плане. Но ожиданиям его не суждено было сбыться: «Самочувствие у меня отвратительное. Все под знаком вопроса: и общее положение, и частная жизнь. Не хорошо» [Там же: 13], — писал он Грабарю 9 мая 1917 г. из поселка Покотиловка Харьковской губернии. В письме от 25 мая он указал: «Раздобыл книг из Харьк[овской] унив[ерситетской] библиотеки и работаю... Насчет общего... — плохо» [Там же: 14].

Друзья и коллеги регулярно извещали его о положении в столице. Так, 6 июля 1917 г. он, уже получивший телеграммы из Петрограда о событиях 3 июля, с грустью писал Владимиру Эммануиловичу: «Всякое выяснение положения лучше неопределенности. Законы истории непреложны, и да будет воля Твоя! — В Петроград я не поехал... Много читаю и вообще работаю всюю. Это лучшее средство... живем на вулкане» [Там же: 15]. Особенно тревожила Тарановского мысль о предстоящем будущем. В письме от 15 июля он указал, что избран в основанный годом ранее на базе Харьковских высших коммерческих курсов Коммерческий институт. Эта работа приносила ему «в смысле материальном... 4800 р. — 2 лекции и семинарство». Семью он планировал оставить на весь учебный год в Харькове [Там же: 17]. Но в письме от

29 июля выражал опасения: «Только что прочел постановление Временного Правительства: “Признать незаконным вознаграждение лиц, состоящих на государственной службе и работающих в нескольких учреждениях одновременно, за труд во всех этих учреждениях”^{*}. Если отсюда следует запрет совмещения профессур, то я лично окажусь в положении критическом. Утешаюсь тем, что В.Ж. [Высшие женские] курсы и Комм[ерческий] Институт дают вознаграждение из общественных и частных средств, а не из сумм государственного казначейства» [Там же: 19]. Уже 13 августа он сообщил о своих ближайших планах: «Числа 1—3 сентября выеду в Петроград для архивных занятий, академической и политической работы, если, само собой разумеется, Петроград не эвакуируют и не сдадут немцам к тому времени. На будущей неделе читаю на агитационных курсах к.-д. [конституционно-демократической партии] в Харькове курс: “Государственно-правовое и социальное содержание народной свободы” [Там же: 20].

С приездом Тарановского в Петроград в сентябре 1917 г. ситуация в его личной жизни серьезно изменилась. «Я попал сегодня в гущу всяких комиссий, факультетских и советских заседаний. Верчусь, как белка в колесе. Прямо некогда дохнуть», — указал он в письме другу 16 сентября [Там же: 23]. «Вот расписание дня у меня на 18-ое [сентября]: 11 ч. утром экзамен в Гос[ударственном] Ком[итете], 2 ч. дня заседание комиссии по устройству Иркутского университета, в 7 ½ ч. веч[ера] — факультет (выборы декана и пр.), — известил он Грабаря. — Занят по горло... сейчас в комиссии ликвид[ации] по делам Царства Польского» [Там же: 22]. То же самое писал он и 26 сентября: «Сижу в Питере и верчусь, как белка в колесе, по разным заседаниям: факультета, совета и всевозможных комиссий: по основанию Иркутского университета, Ташкентского университета, по преобразованию Алекс[андровского] лица, в ликвидационной комиссии по делам Царства Польского. Насаждаю культуру и отстаиваю русские государственные интересы. В общем рад коммиссионной сутолоке, п[отому] ч[то] самочувствие человека и гражданина у меня отвратительные, и прямо-таки жутко оставаться на один с самим собою. Работать научно сейчас, к сожалению, не могу» [Там же: 24].

6 октября он указал в письме Грабарю: «У нас относительно спокойно. Готовимся к выборам в Учредительное собрание (12—14 ноября). Я состою по избранию районной управы председателем одной из участковых избирательных комиссий на Вас[ильевском] Острове. В университете лекции приостановили, на В.Ж.К. [Высших женских курсах] идут непрерывно» [Там же: 26]. Однако уже 24 октября в 6 часов вечера телеграфировал: «Разведены мосты, отрезаны мы от города, ждем» [Там же: 27]. Так Тарановский оказался в гуще событий Великой Октябрьской революции. Только 20 ноября сообщил он в письме другу: «У нас... все спокойно теперь, но положение критическое; это чувствуется, и нервы переутомлены. Лекции идут всюду, кроме Лицея. 12—15-ое просидел в избирательной комиссии нашего участка, где председательствовал. Работаю в В.О. [Васильевского острова] районном комитете к.-д.

^{*} Имеется в виду Постановление Временного Правительства от 13 июня 1917 г. «Об установлении временного расписания должностей и окладов содержания служащих в центральном управлении Министерства народного просвещения». См.: Россия (1917, февраль—октябрь). Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства: Вып. 2.: 5 мая — 24 июля 1917 г. Ч. 1. Отд. I—VIII (1). Пг.: Государственная типография, 1917. С. 86—89.

[конституционно-демократической партии]» [Там же: 28]. 30 ноября 1917 г. Федор Васильевич покинул Петроград [Там же: 35]. В конце декабря 1917 г., будучи уже с семьей в Харькове, ученый писал: «Не взирая на все невзгоды и крайне печальную перспективу прекращения выплаты жалованья, все же занимаюсь довольно систематично» [Там же: 31]. Именно в научной работе он видел единственное утешение и выход в сложившейся ситуации.

Первые имеющиеся в архиве РГБ письма Тарановского к Грабарю за 1918 г. относятся к маю. Ученый сообщал: «После ужасов большевизма живем теперь спокойно... Все живы и здоровы. Из Петрограда ничего не получаю и пробавляюсь остатками того, что было припасено на черный день. Настали черные дни и месяцы. Вопрос о дальнейшем существовании при безумной дороговизне, стоит у меня весьма остро» [Там же: 32]. Он отказался от «места председателя кодификационной комиссии», предложенного ему М.П. Чубинским (1871—1943), который с апреля по июль 1918 г. занимал пост министра судебных дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского (1873—1945), а с июля 1918 г. был сенатором и председателем Уголовного суда Украины. В то же время Федор Васильевич указал, что «Екатеринославские В.Ж. [Высшие женские] курсы приступают к устройству факультетов историко-филологического и юридического. Предлагают мне взять на себя организацию последнего. Я согласился». Однако перспектива научной и научно-организационной работы была весьма туманна: «Никто еще не знает, на каких условиях зовут туда профессоров (определена только плата мне за организацию) ... Будет пока 1 курс». Письмо завершается скромной просьбой к другу: «Не останетесь ли Вы в Дерптском университете? Если да, возьмите меня» [Там же: 33].

«Харьков отрезан от Москвы и Петрограда, — писал ученый Грабарю, сетуя на полное отсутствие сведений о политическом положении в России. — Мы все, слава Богу, пока здоровы и живем помаленьку, как можно жить при нынешнем положении дел. На днях ожидаются обыски и “реквизиции” (т. е. ограбление) всех буржуазных квартир» [Там же: 34 об.]. «Стрельба по городу — дело обычное... Я много читал и работал в различных направлениях, но последние дни ослабел в работе. Заработок по университету, очевидно, в январе прекратится. На В.Ж.К. [Высших женских курсах] за отсутствием средств не платят (это постановлено в заседании 25 ноября, в котором я еще присутствовал); Комм[унистический] институт, очевидно, приостановит платежи, потому что он финансируется Аз.-Донск. [Азовско-Донским коммерческим] банком, который “национализирован”. Задумываешься, на что же жить придется, когда иссякнут сбережения, которых хватает у меня максимум на полгода. При предстоящей общей безработице интеллигенции трудно найти будет какой-либо заработок... при деятельном моем участии разрабатывается здесь проект учреждения Харьковского общества университетских курсов в качестве трудового кооператива. Авось что-либо заработаем здесь и особенно круговыми поездками по другим городам. — Страшно подумать, что, пожалуй, придется голодать с семьей, особенно страшно за детей. Вот до чего дошли, и виной тому умственная анархия, которую систематически культивировала “русская интеллигенция”» [Там же: 35].

Летом 1918 г. Федор Васильевич читал лекции в Полтаве на временном юридическом факультете [Там же: 34, 39]. В последнем письме Грабарю за 1918 г. Тарановский писал: «Предвижу неизбежную реставрацию Николая II. При реставрации, очевидно, лишусь кафедры в Петроградском университете. Посему на всякий случай прошу Вас иметь в виду мою реставрацию в Юрьеве.

На сей случай попридержите одну из вакантных кафедр, — энциклопедии или истории русского права» [Там же: 35].

В конце 1918 г. Тарановский сообщал в письме В.И. Вернадскому, что в Екатеринославе 6—7 декабря была стрельба. Столкновение возникло между казаками и офицерским корпусом, отпавшим от гетмана. «Сражение приостановлено вмешательством немецкого гарнизона» [Еремеева: 149]. Ситуация в городе накалялась, власть переходила из рук в руки. Тарановский вынужден был искать другое пристанище. 13 января он прибыл в Киев, где вместе с другими видными учеными того времени приступил к созданию Украинской Академии наук [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 33: 39 об.].

Пытаясь найти хоть какую-то подработку, он старался закрепиться в университете Харькова, что было весьма кстати, т. к. там проживала его семья. Наконец, искомая кафедра была им получена, о чем он и уведомил В.Э. Грабаря: «21 февраля избран Советом Харьк[овского] Унив[ерситета] на кафедру западнорусского права. Предлагали совмещение с Киевской академией. Вряд ли оно, однако, удастся. По совету Влад[имира] Иван[овича] Верн[адского] пока ни от чего не отказываюсь, ибо все теперь неопределенно» [Там же: 38].

Письмо другу из Киева от 5 марта 1919 г. Тарановский написал на бланке Украинской Академии наук, где уже занимал должность председателя отдела социальных наук. Последний первоначально возглавлял экономист, социолог и историк М.И. Туган-Барановский (1865—1919), а после его смерти 21 января 1919 г. председательство перешло к Федору Васильевичу.

«Сообщу кратко о своих скитаниях, — начал ученый в письме к другу. — С сентября действовал в Екатеринославе на кафедре истории русского права в качестве декана... Семья оставалась в Харькове, где и теперь пребывает. Последний раз побывал у них 22 окт[ября] на Казанскую. На Рождество не удалось приехать в Харьков, — пришлось просидеть в осаде в Екатеринославе. С половины ноября состою академиком Украинской Академии наук по кафедре сравнит[ельной] истории права. Только в половине января удалось явиться в Академию. Много здесь организационной работы» [Там же: 37]. Он также поставил Грабаря в известность, что председателем Академии состоит один из ее основателей — В.И. Вернадский [Там же]. И далее отметил: «Харьковский университет избрал меня на днях на кафедру истории западнорусского права. Можно это совмещать с Академией. Во всяком случае это страхование. Что будет дальше и где буду осенью, не знаю. Работаю. Подготовил некоторые новые исследования. Сейчас пишу работу по истории науки государственного права в Польше в XVII—XVIII веках с уделением особого внимания отношению ее к Украине. Все это буду печатать в академич[еском] издании» [Там же: 37 об.]. Именно перспектива необходимого заработка в Академии и предоставляемая последней возможность для ее членов периодически печатать свои научные труды в ее академическом издании делали участие в ней привлекательным для Тарановского.

Следующее письмо от 30 марта посвящено преимущественно описанию организационной работы по устройству возглавляемого Федором Васильевичем отдела социальных наук. Автор делится своими опасениями насчет его работы в Академии в связи с тем, что положение последней «вообще может подвергаться разного рода осложнениям, колебаниям, может со временем возникнуть вопрос: будет ли она существовать, или нет; при существующем пока режиме возможно гонение на наше Отделение вплоть до упразднения его или его кафедр, которые носят название юридических» [Там же: 38].

«Я потрянул стариной, ... и балакаю хорошо... Моральная атмосфера у нас сложная, но переносимая, и надо, чтобы больше было людей объективных. Содержание академика 18 т[ысяч] рублей, с добавочн[ыми] 21 тыс. руб. Офиц[иальный] язык — украинский», — с горечью писал Федор Васильевич. Известив Владимира Эммануиловича об общем положении дел в Академии, Тарановский просил его принять приглашение академического Совета работать при ней: «Если согласитесь, то не откажите прислать на мое имя официальное письмо (по возможности на украинском яз[ыке]) с выражением офор[мленного] согласия добавлением, что Вы согласны подчиняться Статуту Академии и дополнительным к нему новеллам о языке. Это новелла Директора, которая ставит русский язык (в качестве второго, после обязательного украинского текста издав[аемых] Академ[ией] научн[ых] исследований, в более стесненные условия сравнит[ельно] с англ[ийским], фр[анцузским] и нем[ецким]). Вл. Ив. Верн[адский] и я протестовали против новеллы, но пока она все же действует. К письму приложите Ваше curriculum vitas [лат. — *жизнеописание*] и список Ваших печатных трудов» [Там же: 38 об.].

Находясь в Киеве, Тарановский неоднократно подчеркивал, что у него много времени занимает работа, связанная с Академией: «Работы уйма организационной... на мою долю выпадают сношения с властями от имени Правления..., массу энергии приходится тратить на переговоры с властями, начиная с Ф.П. Швеца» [Там же: 39] (1882—1940) — члена Центрального комитета Крестьянского союза и Украинской партии социалистов-революционеров, который в 1919 г. являлся членом Директории Украинской Народной Республики. В то же время Федор Васильевич не оставлял и своих научных занятий: «Научно работаю аккуратно и усердно» [Там же: 39 об.], — писал он другу.

По воспоминаниям современников тех лет, ситуация в Киеве сложилась непростая. Так, соратник Тарановского, последний избранный ректором русского университета в Киеве Е.В. Спекторский (1875—1951) указал, что «академическая жизнь была выбита из колеи» [Спекторский: 17]. Власть в городе постоянно менялась.

С 19 ноября 1919 г. ученый вместе с семьей обосновался в Симферополе, о чем и сообщил Грабарю в письме от 23 декабря: «Пока устроились, а будущее, даже ближайшее, в руке Божьей» [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 33: 36]. Далее переписка с Грабарем прерывается и дальнейший путь к спасению семьи Тарановских можно восстановить при помощи довольно подробной автобиографии коллеги Федора Васильевича по Киевской Академии наук, механика Степана Прокофьевича Тимошенко (1878—1972), который, как и многие другие представители русской интеллигенции того времени, старался спастись от кипучего котла гражданской войны в России.

Они встретились в Севастополе [Тимошенко: 183], находившемся в зоне французской оккупации. Ситуация в городе была сложной из-за большого числа скопившихся там беженцев. Тимошенко заметил в отношении Тарановского, что последний переехал в Севастополь «со всей своей семьей, привез даже няню и теперь совершенно растерялся — не знал, что предпринять». Во время прогулок по городу учеными обсуждался вопрос о дальнейших действиях и было решено ехать в Югославию и «там переждать время российской разрухи» [Там же: 183]. Вскоре выяснилось, что в Константинополь отходит французский пароход, и ученые направились к французскому консулу за визой на выезд. Однако оказалось, что пароход должен был вывезти оставшихся в Севастополе иностранцев. «Помог случай», — пишет Тимошенко, у которого

оказался Почетный отзыв и соответствующее удостоверение Общества французских инженеров за труды по строительной механике за подписью министра. На основании предъявленного удостоверения консул выдал Степану Прокофьевичу 11 разрешений на выезд для него, его спутников-коллег и их семей. В их числе были и Тарановские [Там же: 184].

Положение русских ученых было поистине трудным. Плыть пришлось в трюме парохода: «Семья Тарановского расположилась на каких-то ящиках...» [Там же: 185], т. к. пол трюма после дождя покрывался слоем воды. Но они были рады и этому. Тимошенко писал, что никто не имел представления о том, сколько времени займет само путешествие. В нормальных условиях до Константинополя можно было добраться за сутки. Им же пришлось провести в трюме «больше трех недель»: из Севастополя через Евпаторию, Ялту и устье Дуная они наконец-то достигли Турции, на границе которой, около входа в пролив Босфор, простояли около недели на санитарном контроле [Там же]. Собственная провизия, взятая про запас, давно закончилась, а на пароходе кормили три раза в день кашей, давали кипяток для чая и красное вино. Их уже прельщал вид Константинополя. Однако высадка была произведена на острове Халки (греч. название турецкого острова Хейбелиада), второго по величине из Принцевых островов в Мраморном море неподалеку от Константинополя (совр. Стамбула).

Пытаясь скоротать время, ученые направились на прогулку и осмотрели окрестности, где были расположены греческая семинария и монастырь [Там же: 188]. «Служба уже закончилась, и монахи расходились, — вспоминал мемуарист. — Тарановский решил испробовать свои познания в греческом языке, полученные в классической гимназии, и заговорил по-гречески с одним из монахов. Опыт удался». Спустя несколько минут Федор Васильевич «был окружен группой монахов, которых очень интересовала русская революция. Тарановский тоже был увлечен разговором. Это был его первый опыт использования знания греческого языка вне классной комнаты» [Там же].

Через десять дней ученые получили разрешение на посещение Константинополя и отправились добиваться необходимых сербской и болгарской виз. Тарановский, как историк, интересовавшийся Византией, рассказывал много интересного о ее столице, в том числе о соборе Святой Софии, который им удалось осмотреть [Там же: 188—189]. В то же время были и насущные проблемы, требующие неотлагательного разрешения. «В связи с переездом в Сербию у Тарановского остро встал денежный вопрос. На острове кормили даром, но теперь для покупки билетов и для путевых расходов требовались деньги». Федор Васильевич принял решение «продать имевшиеся у него гимназическую и университетскую золотые медали. Для выполнения этой операции мы отправились на противоположный берег залива в Инстанбул и там на одном из “базаров” продали медали» [Там же: 189].

Через несколько дней они покинули Константинополь, заняв места в вагоне третьего класса. «На голых досках, — подчеркнул Тимошенко, — но после всего пережитого турецкий вагон казался очень удобным» [Там же]. Их путь проходил через Адрианополь, Филиппополь (совр. болгарский город Пловдив), Софию, где Тарановский как член Русско-Болгарского общества (содействовавшего болгарской молодежи в получении образования в русских школах) с коллегами посетил Академию наук и университет, в которых ученых особо заинтересовали библиотеки с огромным количеством книг, журналов и последними выпусками трудов европейских академий [Там же: 190]. Далее

они отправились в сербский Цариброд (совр. Димитровград), в товарном вагоне прибыли в Ниш и, пройдя санитарный контроль, наконец добрались до Белграда [Там же: 191]. Так, весной 1920 г. семья Тарановского оказалась в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, как подчеркивает С.И. Михальченко, «среди почти 45 тысяч русских эмигрантов» [Михальченко 2019: 240].

Утром на вокзале их встретил брат жены Тарановского, прибывший в Белград несколькими днями ранее. Он сообщил о том, что город переполнен беженцами и комнату можно снять лишь на другой стороне реки Савы — в Земуне [Тимошенко: 192]. Очевидно, так и поступил Тарановский. Один из его биографов, со ссылкой на воспоминания Е.В. Спекторского, сообщает, что Тарановский обосновался «в расположенной рядом с пригородом Белграда Земунем немецкой деревне Франценсталь» [Михальченко 2019: 240]. С этого времени начинается новый — эмигрантский период жизни ученого, прочно связанный с его работой в Белградском университете и подробно описанный в имеющихся биографических очерках и статьях [Михальченко 2017; Томсинов].

Таким образом, на основе архивных материалов и воспоминаний современников ученого можно довольно подробно восстановить жизненный путь известного историка права Федора Васильевича Тарановского в 1917—1920 гг. Его многочисленные переезды и переходы из одного учебного заведения в другое, вызванные необходимым поиском работы, а также стремление найти для себя обеспеченную жалованьем должность, были продиктованы опасениями ученого за свою семью и отсутствием крупных сбережений на всё дорожающую жизнь в условиях революции и гражданской войны. Проанализированные источники воссоздают обстановку экономической и социальной нестабильности ученого в период революции и гражданской войны; ярко рисуют картину его психологических переживаний, вызванных отсутствием перспектив научной, преподавательской, общественной деятельности, а также крайней жизненной неопределенности, обусловленной страхом за своих детей, о чем он неоднократно писал другу.

Указанный период в жизни ученого интересен и тем, что, несмотря на неуверенность в завтрашнем дне, он много и плодотворно работал в научном плане. В настоящей статье имеются лишь указания на то, что научные занятия Федора Васильевича были систематическими и планомерными (за исключением его активной общественной и политической работы в Петрограде осенью 1917 г.), и именно они составляли неотъемлемую часть его жизни. Естественно, это должно стать предметом отдельного рассмотрения, принимая во внимание трудоспособность Тарановского, его стремление к научным занятиям и учитывая тот факт, что именно в научной работе он видел свое предназначение и именно ей «спасался» от жизненных неурядиц.

Список источников

- Тарановский Федор Васильевич. Письма к Грабарю В.Э., 1911—1916 // РГБ. Фонд 376 — В.Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 32.
Тарановский Федор Васильевич. Письма к Грабарю В.Э., 1917, 1918, 1919 // РГБ. Фонд 376 — В.Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 33.

Список литературы / References

- Бредихин А.Л., Кириенко Г.С. Правовое учение Ф.В. Тарановского: взгляд историка права // Научный журнал «Экономика. Социология. Право». 2021. № 3 (23). С. 86—90.
(Bredikhin A.L., Kiriienko G.S. The legal doctrine of F.V. Taranovsky: the view of a legal historian, *Scientific Journal "Economics. Sociology. Law"*, 2021, no. 3 (23), pp. 86—90. — In Russ.)
- Гончарова Е.А. Жизнь и научная деятельность Ф.В. Тарановского накануне эмиграции // Вестник Волгоградского института бизнеса. Серия: «Бизнес. Образование. Право». 2018. № 2 (43). С. 341—345.
(Goncharova E.A. The life and scientific activity of F.V. Taranovsky on the eve of emigration, *Bulletin of the Volgograd Institute of Business. Series: "Business. Education. Law"*, 2018, no. 2 (43), pp. 341—345. — In Russ.)
- Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. 208 с.
(Yeremeeva A. N. "Being in the province according to time conditions...": survival practices of Russian scientists during the Civil War, Krasnodar, 2017, 208 p. — In Russ.)
- Михальченко С.И. Фёдор Васильевич Тарановский // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 16—33.
(Mikhailchenko S.I. Fedor Vasilyevich Taranovsky, *History questions*, 2017, no. 9, pp. 16—33. — In Russ.)
- Михальченко С.И. Эмигрантские годы Федора Васильевича Тарановского // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 239—247.
(Mikhailchenko S.I. The emigrant years of Fyodor Vasilyevich Taranovsky, *Dialogue with time*, 2019, no. 68, pp. 239—247. — In Russ.)
- Спекторский Е.В. Воспоминания / Вступ. ст. С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко; подгот. текста, коммент. С.И. Михальченко, П.А. Трибунского. Рязань: РНИИ, 2020. 654 с.
(Spektorskiy E.V. Memoirs, intr. article by S.I. Mikhailchenko, E.V. Tkachenko; prep. and commentary by S.I. Mikhailchenko, P.A. Tribunsky, Ryazan, 2020, 654 p. — In Russ.)
- Тимошенко С.П. Воспоминания. Киев: Наукова думка, 1993. 424 с.
(Timoshenko S.P. Memoirs. Kyiv, 1993, 424 p. — In Russ.)
- Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества: 3 т. Изд. 2-е, доп. Т. 3. М.: Зерцало-М, 2015. 464 с.
(Tomsinov V.A. Russian jurists of the XVIII—XX centuries: Essays on life and creativity: in 3 vols, 2nd ed., vol. 3, Moscow, 2015, 464 p. — In Russ.)

**THE REVOLUTIONARY WANDERINGS OF F.V. TARANOVSKY
AS AN EXAMPLE OF THE FATE OF A REPRESENTATIVE
OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN 1917—1920
(to mark the 150th anniversary of the scientist's birth)**

Lyubov V. Isakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas, Russian Federation, gorkova.l.v@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the personal life, teaching, social and political work of the law historian, Professor Fyodor Vasilyevich Taranovsky in the period from 1917 to 1920. The chronological framework of the study is determined by the need to consider the biography of the scientist in a difficult historical period — the time of the revolution and the civil war in Russia. Based on the use of archival materials, namely Taranovsky's letters to his friend, the trustee of the Riga Educational District, V.E. Grabar, and the memoirs of his colleague at the Kiev Academy of Sciences, mechanic S.P. Timoshenko, an important stage of the scientist's life was reconstructed. The conclusions of the study suggest that the fate of Fyodor Vasilyevich, filled with life troubles and economic problems, is a classic example of the fate of a representative of the Russian intelligentsia of this time. It is

the analysis of Taranovsky's life and work in 1917—1920 that allows us to answer the question of why he, like many other representatives of the Russian scientific elite of the early twentieth century, was forced to leave his homeland.

Keywords: Taranovsky, revolution, emigration, scientific work, Academy of Sciences, letters, memoirs, Yuriev, Petrograd, Kharkov

For citation: Isakova L.V. The revolutionary wanderings of F.V. Taranovsky as an example of the fate of a representative of the Russian intelligentsia in 1917—1920 (to mark the 150th anniversary of the scientist's birth), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 124—134.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Информация об авторе / Information about author

Исакова Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, gorkova.l.v@yandex.ru, SPIN: 9251-3271

Isakova Lyubov Vladimirovna — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russian Federation, gorkova.l.v@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 135—143.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 135—143.

Научная статья

УДК 94(47)"1941/1945":631.5(470.31+470.32)

EDN <https://elibrary.ru/dutmvj>

DOI: 10.46726/H.2025.3.15

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОГОРОДНИЧЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на примере Владимирской и Ивановской областей)

Илья Сергеевич Тряхов

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов продовольственной проблемы, очень остро стоявшей в годы Великой Отечественной войны. На основе источников из двух региональных архивов (Владимирской и Ивановской области) автор попытался выяснить значение индивидуального огородничества в обозначенных регионах. В историографическом плане обозначенная в работе тема является малоизученной как на общесоюзном, так и на местном уровнях. При этом в ходе исследования были выявлены общие проблемы в огородничестве, характерные для самых разных областей и республик РСФСР. К таковым относятся трудности с получением трудящимися семян, рассады, а также сложности с хранением полученного урожая. Стремление значительного количества рабочих и служащих получить в пользование огород уже в 1943 г. привело к исчерпанию земельных фондов внутри городов Владимирской и Ивановской областей, при этом данная проблема имела во многих регионах страны. Несмотря на противоречие индивидуального огородничества с социалистическими порядками, советская власть сама способствовала расширению этого явления, т. к. в 1943 — 1945 гг. огороды трудящихся наряду с подсобными хозяйствами предприятий и учреждений вносили решающий вклад в разрешение продовольственного вопроса. Сохранившиеся материалы Ивановского обкома обращают внимание на более высокую урожайность в индивидуальных огородах, нежели в подсобных хозяйствах. Распространение огородничества среди горожан в военные годы наложило значимый отпечаток на сознание и психологию граждан, продолжавших держать хозяйство в городах и в послевоенный период отечественной истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, продовольственный вопрос, индивидуальное огородничество, изыскание дополнительных источников продовольствия, подсобные хозяйства

Для цитирования: Тряхов И.С. Индивидуальное огородничество в годы Великой Отечественной войны (на примере Владимирской и Ивановской областей) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 135—143.

Актуальность обозначенной темы обусловлена общим интересом в науке к проблемам продовольственного снабжения в годы Великой Отечественной войны. Победа над Германией и её союзниками потребовала от советского народа колоссальных усилий — это неизбежно отразилось на уровне жизни населения. Острая нехватка продовольствия в советском тылу подталкивала центральные и местные власти, а также гражданское население к изысканию

© Тряхов И.С., 2025

дополнительных источников пропитания. Одним из таких источников служили огороды горожан. Исследование деятельности и значения индивидуальных огородов в годы войны есть заполнение пробела в изучении продовольственного вопроса в 1941—1945 гг.

Изучение обозначенной проблемы началось уже в годы войны, но носило исключительно экономико-прикладной характер. Труды по данной теме выходили отдельными брошюрами, либо публиковались в прессе [Бардин 1942, 1943; Чесноков, Голутова, Кревченко]. В период «хрущёвской оттепели» появляются отдельные работы по продовольственному снабжению, но они в основном повествуют об общем положении в этом вопросе. Пожалуй, первым автором, затронувшим подсобные и индивидуальные хозяйства военных лет, стал У.Г. Чернявский [Чернявский]. Историк опубликовал общие данные производства на индивидуальных огородах в годы войны.

На излёте существования СССР появляется диссертация Г.В. Акименко, полностью посвящённая вопросу развития подсобных хозяйств и индивидуальных огородов в Западной Сибири [Акименко 1987]. В этой работе автор на локальном примере осветила развитие и значение огородничества в жизни местного населения в военные годы.

Расширение исследовательского интереса к изучаемой проблеме происходит в постсоветское время, когда рассекречивание большого количества некогда недоступных документов, сопряжённое с новыми научными подходами, даёт возможность глубже разобраться в перипетиях продовольственного вопроса в годы войны. Это обстоятельство позволяет учёным критичнее подходить к озвученной проблеме, выявляя трудности и недостатки в развитии огородничества в городских населённых пунктах в годы военного лихолетья. Данная тематика получает отражение в диссертации Ю.В. Мельниковой [Мельникова], а также работах Г.Р. Исахаковой [Исахова] и А.Н. Трифонова [Трифонов].

В последние десятилетия по отдельным регионам появились статьи, показывающие значение огородничества в обеспечении населения дополнительным продовольствием в военные годы. Историки выявляют динамику в развитии огородничества, её место в повседневной жизни трудящихся, организационные сложности при их организации. Кроме того, показана деятельность местных партийных и советских инстанций в этом вопросе [Морозова; Акименко 2018, 2019; Эфендиева; Жадан]. К вышеупомянутым трудностям, с которыми сталкивались горожане-огородники, следует отнести: нехватку или отсутствие семян, сложности с перевозкой и хранением урожая, малое количество сельскохозяйственного инвентаря [Морозова: 134], физические возможности огородников, т. к. подавляющее их число большую часть времени были заняты на своём месте работы (как известно, в годы войны не только увеличился рабочий день, но и сократилось количество выходных [Мухин: 213]). Значительной проблемой являлось и позднее (относительно начала сельскохозяйственного сезона) распределение земельных участков [Эфендиева: 33]. Появились также обобщающие работы регионального и общероссийского характера [Максименко; Мухин]. В то же время говорить о завершённости в изучении данной темы говорить не приходится, т. к. в большей части регионов страны тема изучена слабо, либо не исследована вовсе.

В нашем случае целью статьи является выявление значения индивидуальных огородов в решении продовольственного вопроса во Владимирской и Ивановской областях в годы войны 1941—1945 гг. Владимирская область до августа 1944 г. входила в состав Ивановской области и была выделена из неё в ходе административной реформы. В состав Владимирской области в дальнейшем вошли некоторые районы из Горьковской и Московской областей,

но в целом оба региона продолжали относиться к Верхней Волге и имели множество схожих черт.

Индивидуальные огороды у жителей городов имелись и в довоенные годы, поэтому опыт в этом вопросе мог быть использован в течение военных лет. Однако радикальное расширение огородничества произошло с 1942 г. В ноябре 1942 г. СНК СССР издал указ «О закреплении за предприятиями и учреждениями земельных участков, отведённых под индивидуальные и коллективные огороды рабочих и служащих», в соответствии с которым работникам предприятий и организаций землю начали выделять в пользование на срок от 5 до 7 лет [Народное хозяйство РСФСР: 190].

Число людей, занимавшихся огородничеством в СССР, «возросло с 5 млн человек в 1942 г. до 18,6 млн человек в 1945 г., а площади под огородами расширились с 500 тыс. га в 1942 г. до 1626 тыс. га в 1945 г. и составляли более 15 % всей посевной площади в стране, используемой под посевы картофеля и овощебахчевых культур. Это было важным подспорьем в снабжении трудящихся и обеспечило население дополнительно большим количеством картофеля и овощей. В 1942 г. в среднем один огородник получил 392 кг картофеля и овощей, а в 1945 г. — 515 кг» [История социалистической экономики СССР: 390].

По данным советского историка У.Г. Чернявского, основные показатели развития огородничества несельскохозяйственного населения СССР в годы Великой Отечественной войны выглядели так [Чернявский: 144] (см. табл. ниже):

Основные показатели развития огородничества несельскохозяйственного населения СССР в годы Великой Отечественной войны

	Число хозяйств (млн)	Посевная площадь всех хозяйств (тыс. га)	Урожай	
			Всего (тыс. т.)	На 1 хозяйство (кг)
1942	5,0	500	2000	400
1943	11,8	796	5492	465
1944	16,5	1415	9836	596

В результате, если в 1942 г. почти треть горожан была вовлечена в движение огородников, то в 1943 г. огородничеством занималось уже около 40 % жителей городов.

В течение войны выросли не только площади, отведённые под индивидуальные огороды, но и среднедушевое потребление с них.

Следует отметить, что потребление горожанами картофеля, овощей и бахчевых за счёт индивидуальных огородов в годы войны существенно возросло. Если в 1941 г., в год, когда сев осуществлялся ещё в условиях мирного времени, потребление за счёт огородничества горожан составляло 28 кг картофеля и 5 кг овощей и бахчевых на душу, то в 1944 г. эти показатели возросли до 79 и 15 кг соответственно [Чернявский: 144]. По данным того же У.Г. Чернявского, ситуацию можно определить следующим образом [Там же: 145] (см. табл. ниже):

Среднедушевое потребление городскими жителями СССР продукции подсобных хозяйств и огородничества

	1942			1945		
	картофель	овощи и бахчевые	всего	картофель	овощи и бахчевые	всего
Подсобные хозяйства	13	19	32	22	31	53
Огородничество	36	9	45	79	15	94
итого	49	28	77	101	46	147

На основе усреднённой таблицы по всему Советскому Союзу чуть далее можно будет сравнить показатели по исследуемым регионам. Здесь лишь стоит обратить внимание, что огороды давали гражданам значительно больше картофеля, чем подсобные хозяйства, а вот по овощам и бахчевым культурам, согласно имеющейся статистике, превосходство было у последних. В целом значение огородничества увеличилось как по количеству занятых им людей, так и по размерам участков, а также (и это особенно примечательно) по урожайности с единицы площади.

В 1943 г. по единой Ивановской области, согласно данным обкома, было учтено к посевному периоду 198024 семьи рабочих, служащих, семей красноармейцев и инвалидов отечественной войны, имевших индивидуальные огороды общей площадью 7949 га. Причём за три месяца 1943 г. дополнительно учли 67595 семей индивидуальных огородников [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1009. Л. 105]. То есть в течение войны наблюдался рост числа огородников и осознание частью населения важности ведения огорода для своего выживания. Из таблицы ниже видны сведения обкома по вопросам индивидуального огородничества [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1009. Л.120].

Индивидуальное огородничество

	1942 г.	1943 г.
Количество индивидуальных огородников	130429	198024
Площадь посева в га	6800	11200
В т. ч. огородников-текстильщиков	37896	73361
Площадь посева в га	1601	2647

По расчётам Ивановского обкома, каждый огородник-текстильщик в среднем должен был собрать в 1943 г. 250 кг картофеля, 210 кг капусты, 50 кг прочих овощей. В общей сложности рабочие-текстильщики должны получить со своих огородов 34000 т картофеля, 15400 т капусты, 3800 т прочих овощей [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1009. Л.120]. Такие прогнозы были очень амбициозны и превышали бы известные нам показатели в целом по стране.

В 1943 г. по единой ещё Ивановской области имелся 195581 коллективный и индивидуальный огород с общей площадью 11624 га. Под картофель было занято 9346 га, под овощи 1984 га, прочие культуры (табак, крупяные и бобовые) — 294 га. По сравнению с 1942 г. посевная площадь увеличилась почти в два раза и в среднем на одну семью составляла 0,06 га [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 15].

Процесс раздачи земель под индивидуальные огороды и подсобное хозяйство достаточно быстро привёл к исчерпанию свободной земли внутри городов. В областном центре и крупнейшем городе региона — Иваново — огородников насчитывалось 50305 человек со средней площадью огородов в 320 м², что составляло в общей сложности 1599 га. Под картофель у них отводилось 1279 га, а под овощи — 244 га [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 15]. Общей проблемой всех крупных городов в стране была острая нехватка земельного фонда внутри них, коснулась она и города Иваново. В 1944 г. Ивановский горсовет решил расширить площадь под огороды на 401 га, однако свободных земель под вышеуказанные нужды не имелось. 123,5 га предполагалось забрать у подсобных хозяйств, находящихся в черте города. 4 февраля 1944 г. решено передать эту землю под индивидуальные огороды. Соответственно, подсобные хозяйства многих предприятий частично выводились

за пределы города [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 15]. Это мера была распространена на заключительном этапе войны.

Города поменьше также сталкивались с вышеописанной проблемой. В некоторых из них радикальное увеличение желающих получить огород в индивидуальное пользование привело к исчерпанию свободного фонда земель в пределах городских черт уже в 1943 г. Проблемой были требования отдельных граждан получить участок земли для индивидуального хозяйства при переходе из одной организации в другую. Так, в Александрове в 1943 г. изыскание свободной земли становилось возможным только при раскорчёвке пня [ГАВО. Ф.П. 119. Оп. 3. Д. 140. Л. 9]. Но всё же огородами в достаточном количестве проще было обеспечить жителей городов с немногочисленным населением.

Сами по себе индивидуальные огороды, разумеется, не являлись социалистическим подходом в экономике, но в суровых военных условиях не только местные руководители, но и центральная власть вынуждены были поощрять их развитие. В таблице ниже представлены данные по динамике создания и расширения сети индивидуальных огородов. Для сравнения был выбран ряд городов Владимирского региона. При этом обращает на себя внимание неполнота данных за весь период войны, что, конечно же, затрудняет исследование [ГАВО РФ. Ф.П. 495. Оп. 1. Д. 120. Л. 109. Оп. 5. Д. 104. Л. 10. Ф.П. 119. Оп. 3. Д. 145а. Л. 52. Оп. 3. Д. 189. Л. 134; Ф.П. 118. Оп. 63. Д. 25. Л. 40. Оп. 1. Д. 161. Л. 17; Ф.П. 503. Оп. 1. Д. 52. Л. 9].

Динамика изменения площадей индивидуальных огородов в годы войны

Год	индивидуальные огороды: количество семей / общая площадь					1945
	1940	1941	1942	1943	1944	
Города						
Владимир	9500 / 335 га	н/д	н/д	н/д	20000 / 864 га	
Ковров	н/д	н/д	5819 / 1232 га	2023 га	н/д	
Александров	н/д	н/д	5518 / 93 га	6500 / 216 га	7800 / 256 га	
Гусь-Хрустальный	н/д	н/д	н/д	122 га	216 га	257 га
Кольчугино	н/д	н/д	50 га	1830 / 91,5 га	н/д	
Муром	н/д	138 га	5316 / 275 га	н/д	10056 / 470 га	
Вязники	3471 / 92 га	н/д	н/д	101 га	11425 / 437 га	

Статистические данные в представленной таблице показывают рост как количества отведённых под индивидуальные огороды земель, так и увеличение семей, имевших их. В то же время наличие индивидуального огорода не тождественно работе на нём, т. к. не все жители города занимались его обработкой. При этом вряд ли собранная статистика была сильно завышена. В 1942 г., согласно данным партийных инстанций, было собрано 125 кг урожая овощей и картофеля на одного человека, а в 1943 г. — 159 кг, что хоть и не слишком значительно, но лучше, чем если бы этого урожая не было вовсе. До показателей, о которых говорили в Ивановском обкоме 1943 г., было достаточно далеко.

По приблизительным данным, в 1943 г. было получено с индивидуальных огородов 107500 т картофеля, 26800 т овощей. По индивидуальным огородам

урожайность была значительно выше, чем по подсобным хозяйствам предприятий. Особенно хороших урожаев в Ивановской области добились коллективы фабрики им. Крупской, Меланжевого комбината, Тейковского комбината и др. [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 14]. Если подсчитать показатели на одного огородника, то план обкома по картофелю был перевыполнен в 2 раза, чего нельзя сказать про урожай овощей, который был примерно в 1,5 раза меньше предполагаемого.

В период войны в индивидуальных хозяйствах граждан также значительно возросло поголовье животных. Если на 1 января 1940 г. в городе Владимире насчитывалось 556 личных коров, 1567 свиней и 2013 овец и коз, то через 4 года на 1 января 1944 года имелось 800 коров, 683 свиньи, 2811 овец и коз [ГАВО. Ф.П. 100. Оп. 56. Д. 76. Л. 6 об.]. В сфере животноводства индивидуальные хозяйства больше преуспели, нежели подсобные хозяйства предприятий. Вместе с тем следует сказать, что деятельность подсобных хозяйств не была изолированной, снабжение хозяйств семенным материалом шло централизованно, и соответствующие решения принимались на уровне обкома и горкомов. Индивидуальные огороды имели здесь худшие возможности, но одновременно и на предприятия часто возлагалась функция снабжения индивидуальных хозяйств семенным материалом. Это была общая проблема, характерная для всех тыловых регионов [Морозова: 132].

Граждан, желающих иметь огород, как уже отмечалось, было значительное количество, а потому обязательным становился учёт таких людей. Поэтому значение местных властей в процессе распределения земельных наделов сложно переоценить. Примером могут служить такие эпизоды. На заводе № 743 в Иванове желающих получить участок для огорода было 295 человек, а 1235 человек огородников просили увеличить участки до 300 м² вместо 110 м². Перерегистрация показала, что только этому заводу вновь требовалось 26,7 га земли, а имелось 13,44 га [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 14]. А ведь были рабочие и служащие других предприятий и учреждений. В Шуе в 1943 г. заявки от 5 коллективов на 5 га. Горсовет хочет распределить 12 га после получения заявок от всех коллективов.

Учёт огородников был необходим для централизованного распределения среди них семян, рассады, инвентаря и т. п. В 1944 г. перерегистрация огородников велась медленно, а потому было неясно, сколько требовалось семян [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 15]. Таким образом, насущный вопрос продовольственного обеспечения тормозился нехваткой служащих для его функционирования. Уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Ивановской области Татаринцев писал 10 февраля 1944 г. о том, что большинство предприятий не делало никаких подсчётов для обеспечения своих работников рассадой и семенами, а также утверждал, что работа по подготовке к весенней посевной находилась в зачаточном состоянии [ГАИО. Ф.П. 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 16].

В условиях войны значение индивидуальных огородов рабочих и служащих возросло для всего советского тыла. Владимирская и Ивановская области не были исключением, особенно учитывая «потребляющий» характер обоих регионов. Несмотря на неполноту данных, сохранившихся в архивных фондах, ясно видна динамика увеличения количества огородников, а также используемых ими земельных участков и урожая. Наряду с подсобными хозяйствами огороды играли в 1943—1945 гг. наиболее значительную роль в обеспечении продовольствием жителей городов. Сохранившиеся материалы Ивановского обкома обращают внимание на относительно одинаковую урожайность в индивидуальных

огородах и подсобных хозяйствах. Так, в 1943 г. индивидуальные огороды в среднем давали жителям областей около 120 ц картофеля и овощей с га, а, например, подсобные хозяйства во Владимире собирали по 135 ц с га [ГАВО. Ф.П. 100. Оп. 56. Д. 76. Л. 6 об]. Правда, среди подсобных хозяйств тоже имелись различия. Чем меньше было хозяйство, тем ниже, как правило, была и урожайность. Детальный анализ исследуемой проблемы показал, что индивидуальное огородничество имело большую урожайность по картофелю и меньшую по овощам в сравнении с подсобными хозяйствами. Это следует объяснить большей неприхотливостью картофеля в сравнении с огурцами или помидорами, ухаживать за которыми было проще в более крупных хозяйствах. Подсобные хозяйства в целом имели преимущества над индивидуальным огородничеством в вопросах централизованного распределения семян и рассады. Первые имели больше возможностей получить их своевременно и в достаточном количестве. Таким образом, трудности распределения среди огородников семян, рассады, инвентаря и пр. не были решены в полной мере местной властью вплоть до конца войны. Но даже несмотря на это, количество собираемого урожая с 1942 по 1945 г. выросло и частично разрешило продовольственный вопрос по ряду продуктов (прежде всего по картофелю и овощам). Распространение огородничества среди горожан в военные годы наложило значимый отпечаток на сознание и психологию граждан, продолжавших держать хозяйство в городах и в послевоенный период отечественной истории.

Список источников

- Государственный архив Владимирской области (ГАВО).
 Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
 История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1978. 566 с.
 Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М., 1957. 340 с.

Список литературы / References

- Акименко Г.В. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию подсобных хозяйств предприятий и учреждений, индивидуальных огородов рабочих и служащих в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1987. 304 с.
 (Akimenko G.V. Activities of Party Organizations of Western Siberia in Developing Subsidiary Farms of Enterprises and Institutions, Individual Vegetable Gardens of Workers and Employees During the Great Patriotic War (1941—1945): dis. ... Candidate of Sciences (History), Kemerovo, 1987, 304 p. — In Russ.)
- Акименко Г.В. Индивидуальное и коллективное огородничество в годы Великой Отечественной войны (на примере Кемеровской области) // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2019. № 3. URL: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/3/history/Akimenko2.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).
 (Akimenko G.V. Individual and Collective Gardening During the Great Patriotic War (by Example of the Kemerovo Region), *Electronic Scientific Journal "Science Diary"*, 2019, no. 3. — In Russ.)
- Акименко Г.В. Развитие подсобных хозяйств и огородничества в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) на примере Кемеровской области // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2018. № 8 (24), т. 4. С. 15—29.
 (Akimenko G.V. The solution of the food problem in the years of the Great Patriotic war (1941—1945) on the Example of the Kemerovo Region, *Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science*, 2018, no. 8 (24), vol. 4, pp. 15—29. — In Russ.)

- Бардин А.В. Рабочее индивидуальное огородничество. Чкалов, 1942. 32 с.
(Bardin A.V. Individual gardening for workers, Chkalov, 1942, 32 p. — In Russ.)
- Исхакова Г.Р. Проблемы снабжения населения продовольственными и промышленными товарами в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкортостана). URL: <http://www.ainros.ru/materPP/230PobPrib.htm> (дата обращения: 15.01.2025).
(Iskhakova G.R. Problems of supplying the population with food and industrial goods during the Great Patriotic War (based on materials from Bashkortostan). — In Russ.)
- Жадан А.В. Продовольственная безопасность трудовых коллективов НКВД в годы Великой Отечественной войны: быт советского общества в тылу // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 52—62.
(Zhadan A.V. Food security of NKVD labor collectives during the Great Patriotic War: the life of Soviet society in the rear, *Humanitarian vector*, 2023, vol. 18, no. 4, pp. 52—62. — In Russ.)
- Максименко Е.В. Историография проблемы развития индивидуального и коллективного огородничества и подсобных хозяйств на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (5). С. 83—86.
(Maksimenko E.V. Historiography of developing individual and collective vegetable gardens and farms in the Southern Urals during the Great Patriotic war and in the post-war period, *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2013, no. 1 (5), pp. 83—86. — In Russ.)
- Мельникова Ю.В. Жизнеобеспечение городского населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007.
(Melnikova Yu.V. Life support of the urban population of the Southern Urals during the Great Patriotic War (1941—1945): abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (History), Orenburg, 2007. — In Russ.)
- Морозова О.В. Роль огородничества в снабжении населения города Сталинска в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (21). С. 131—138.
(Morozova O.V. The role of horticulture in the supply of Stalinsk population during the Great Patriotic war, *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2017, no. 1 (21), pp. 131—138. — In Russ.)
- Мухин М.Ю. Городская повседневность в годы Великой Отечественной войны // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 196—235.
(Mukhin, M.Yu. Urban everyday life during the Great Patriotic War, *Istoricheskie zapiski*, 2023, no. 22 (140), pp. 196—235. — In Russ.)
- Трифонов А.Н. Огородничество и решение продовольственной проблемы на Урале в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1993.
(Trifonov A.N. Gardening and the Solution of the Food Problem in the Urals During the Great Patriotic War, Ekaterinburg, 1993. — In Russ.)
- Чесноков Н.С., Голутова В.Н., Кревченко Л.Е. Индивидуальное огородничество. Возделывание картофеля, овощных и бахчевых культур. Ростов-на-Дону, 1945.
(Chesnokov N.S., Golutova V.N., Krevchenko L.E. Individual Gardening. Cultivation of Potatoes, Vegetables and Melons, Rostov-on-Don, 1945. — In Russ.)
- Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1964.
(Chernyavsky U.G. War and Food. Supply of the urban population in the Great Patriotic War of 1941—1945, Moscow, 1964. — In Russ.)
- Эфендиева Д.А. Роль огородничества и рыбных промыслов в продовольственном обеспечении населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2019. Т. 13, № 2. С. 28—33.
(Efendieva J.A. The Role of Gardening and Fisheries in Providing the Dagestan Population with the Food During the Great Patriotic War, *Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 28—33. — In Russ.)

INDIVIDUAL GARDENING DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (USING THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR AND IVANOVO REGIONS)

Ilja S. Tryakhov

Vladimir State University named A.G. & N.G. Stoletovs,
Vladimir, Russian Federation, ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of the food problem, which was very acute during the Great Patriotic War. Based on sources from two regional archives (Vladimir and Ivanovo regions), the author tried to find out the significance of individual gardening in the designated regions. In historiographic terms, the topic outlined in the work is poorly studied both at the all-Union and local levels. At the same time, the study revealed common problems in gardening characteristic of various regions and republics of the RSFSR. These included difficulties with obtaining seeds and seedlings, as well as difficulties with storing the harvest. The desire of a significant number of workers and employees to obtain a vegetable garden for use as early as in 1943 led to the depletion of land plots within the cities of Vladimir and Ivanovo regions. This problem existed in many regions of the country. Despite the contradiction of individual gardening with the socialist order, the Soviet government itself contributed to the expansion of this phenomenon, since in 1943—1945, workers' vegetable gardens, along with subsidiary farms of enterprises and institutions, made a decisive contribution to resolving the food issue. The surviving materials of the Ivanovo Regional Committee draw attention to the higher yields in individual vegetable gardens than in subsidiary farms. The spread of vegetable gardening among city dwellers during the war years left a significant imprint on the consciousness and psychology of citizens who continued to farm in the cities in the post-war period of Russian history.

Keywords: The Great Patriotic War, the food issue, individual gardening, finding additional sources of food, subsidiary farms

For citation: Tryakhov I.S. Individual gardening during the Great Patriotic War (using the example of the Vladimir and Ivanovo regions), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 135—143.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted 18.01.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Информация об авторе/ Information about the author

Тряхов Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, ilja.tryahoff@yandex.ru, SPIN: 2550-3151

Tryakhov Ilya Sergeevich — Candidate of Sciences (History), associate Professor of the Department of History of Russia of the Vladimir state university named after A.G. & N.G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, ilja.tryahoff@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 144—153.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 144—153.

Научная статья

УДК 324(470)"1999":329.18

EDN <https://elibrary.ru/beoakg>

DOI: 10.46726/И.2025.3.16

УЧАСТИЕ УЛЬТРАПРАВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1999 Г. В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ХОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Михаил Сергеевич Кищенко

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, mkishhenkov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос участия крайне правых политических сил России в избирательной кампании по выборам в Государственную думу в 1999 г. В условиях нестабильной социально-экономической и политической обстановки у радикальных политиков, казалось, появился шанс для активного вхождения в поле публичной деятельности. Основной крайне правой организацией в это время было «Русское национальное единство» под руководством А.П. Баркашова. При этом РНЕ не имело официальной регистрации и находилось в состоянии конфликта с московскими властями и с министерством юстиции. Поэтому участие в выборах оно приняло неофициально, в составе движения «Спас». Эта политическая сила была создана бывшими членами ЛДПР, видимо, недовольными недостаточной радикальностью В.В. Жириновского в национальном вопросе. Регистрация этого движения ЦИК привела к заметному скандалу и снятию «Спаса» с выборов. Основные СМИ той эпохи оценивали регистрацию националистов как признак слабости власти, неспособной поставить заслон на пути политического экстремизма и приветствовали конечное решение о ликвидации движения «Спас» и его сход с предвыборной дистанции. При этом второй крайне правый участник выборов, блок «Русское дело» практически остался вне поля зрения как общественности, так и властей, в том числе и по причине отказа известного политика А.В. Коржакова возглавить предвыборный список блока. Закономерным был и итог участия в выборах — 0,17 %. Таким образом, можно сделать вывод о слабости ультраправых сил в России в 1999 г. и их неспособности быть представленными в органах власти федерального уровня, а также о резкой реакции властей и общественности на попытки таких сил выйти в сферу публичной политики.

Ключевые слова: ультраправые, Русское национальное единство, Русское дело, выборы, избирательная кампания, национализм

Для цитирования: Кищенко М.С. Участие ультраправых политических партий и движений в парламентских выборах 1999 г. в Российской Федерации: ход избирательной кампании и результаты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 144—153.

1999 г. был годом выборов в третью Государственную думу, что, несомненно, активизировало политическую деятельность как профессиональных политиков, так и рядовых граждан. В первую очередь необходимо отметить контекст, в котором проходили эти парламентские выборы. В области экономики,

с одной стороны, впервые за 1990-е гг. начался экономический рост (6,4 %), правда, в сочетании с высокой инфляцией (36,5 %) и безработицей (12 %) [Российский статистический...: 14—16]. С другой стороны, сказывались последствия дефолта в августе 1998 г. и общий накопленный итог падения ВВП в предыдущее десятилетие — 28,4 % населения имели доходы ниже прожиточного минимума [Там же: 141]. В политике основной проблемой стал чеченский сепаратизм в сочетании с радикальным исламом, что стало причиной для начала новой чеченской войны. Страна столкнулась с массовой серией терактов, закончившихся гибелью 307 человек и более чем тысячей раненых, что привело к изменению общественного мнения в пользу силового варианта решения проблемы [Тумаков: 233—234]. Уровень доверия к действующему президенту Б.Н. Ельцину достиг крайне низких показателей, в мае 1999 г. он с трудом избежал импичмента в Государственной думе и периодически был не работоспособен в силу проблем со здоровьем.

Следовательно, остро стоял вопрос о дальнейшем политическом курсе и выборе преемника действующего президента. В этой ситуации все политические силы имели свои виды на назначенные на декабрь парламентские выборы. Активизировались как крайне левые, так и крайне правые политики. Цель нашей статьи — исследовать попытку крайне правых сил принять участие в выборах, проанализировать их программу действий и то, чем в конечном итоге оказалось для них участие в избирательной кампании. Тем более, что непростая ситуация вроде бы объективно была в пользу радикальных сил, предлагавших быстрое решение сложных проблем.

Стоит отметить, что на прошлых выборах 1993 и 1995 гг. национал-патриотический электорат был аккумулирован Либерально-демократической партией России В.В. Жириновского. На выборах 1995 г. участие приняли еще ряд национал-патриотических партий (Держава, Конгресс Русских Общин и т. д.), но в силу ряда причин успеха они не получили. К выборам 1999 г. ЛДПР подошла в ослабленном виде, рейтинг В.В. Жириновского резко упал, население устало от его скандальных выходок, стало воспринимать политика как часть привычного политического пейзажа. Следовательно, исчез эффект новизны, так помогший партии на выборах 1993 г. При этом в силу конфликта с Центральной Избирательной Комиссией у партии возникли трудности с регистрацией своего избирательного списка, и объективно времени на избирательную кампанию у В.В. Жириновского в этот раз было гораздо меньше. В этих условиях активизировался ряд политиков, как ультраправых, так и более умеренных.

Наиболее радикальные позиции занимало Русское Национальное Единство А.П. Баркашова. Созданное в 1990 г. и пережившее период упадка в середине 1990-х гг. (в частности, движение не приняло участие в парламентских выборах 1993 и 1995 гг.), позднее оно вновь заявило о себе. В феврале 1997 г. в городе Реутове состоялся съезд РНЕ, где участвовало более тысячи делегатов из 57 регионов России [Гостев: 56]. Была принята программа, где ключевым положением стало следующее: «В области государственно-административного устройства РНЕ против раздробления Российского государства, ведущего к экономическому и политическому ослаблению России, за обеспечение и территориальной целостности, и государственного устройства страны в ее исторически сложившихся границах» [Программа...]. Далее в программе отмечалось, что, с одной стороны, движение является сторонником равноправия всех коренных наций, проживающих в России, но с другой — выступает за решение проблем ее национального большинства, то есть русских, составляющих,

по мнению движения, 85 % населения страны [Там же]. Следует отметить, что в этом аспекте РНЕ мало отличалось от идей ЛДПР и других национально-патриотических партий, также выступавших за унитарное устройство и ликвидацию национальных субъектов и федеративного устройства.

Но затем в программе явно проявился национализм и желание принизить значимость национальных меньшинств для российского общества. В частности, в документе указывалось: «из этого следует строить Новое государство русских и россиян (последние составляют 15 % населения России и состоят из неславянских коренных народов, для которых Россия является единственным Отечеством)» [Там же]. Таким образом, главной целью националисты видели построение унитарного государства, ассимилирующего иные этносы. Для этого ультраправые твердо планировали стать официальной политической силой для участия в публичной политике. Во внешней политике РНЕ выступало против прозападного курса, за государственный контроль над экономикой и за милитаризацию общества путем укрепления армии и силовых служб.

Скандальности движению добавляла неонацистская символика, флаги, черная униформа и приветствия, какие использовали его участники во время публичных акций.

В декабре 1997 г. в Санкт-Петербурге состоялся съезд националистических организаций. Так писала о нем газета «Коммерсант»: «Основной задачей нынешнего форума национал-патриоты объявили “преодоление межпартийных противоречий и создание единой национальной оппозиции”. Публика собралась крайне радикальная: РНЕ, Национально-республиканская партия, “Русский собор”, ЛДПР, “Черная сотня”, “Российский имперский союз”, Партия демократического капитализма (всего более 20 партий и движений). Тем не менее съезд оказался не таким скандальным, как все предыдущие. Национал-патриоты обсуждали конституционные методы борьбы и не строили планов насильственного свержения строя» [Прямая речь 1997].

Принявший участие в съезде вице-спикер Государственной думы С.Н. Бабурин выступил с предостережением об угрозе наплыва мигрантов из государств Средней Азии, росте влияния Китая на Дальнем Востоке и предложил выбирать как можно больше в парламенты всех уровней национально ориентированных депутатов. Стоит заметить, что участие С.Н. Бабурина в этом съезде получило осуждение других политиков, в частности, главы московского антифашистского центра Е. Прошечкина и писателя Л. Разгона [Там же].

Однако попытки зарегистрировать РНЕ официально успеха не получили — министерство юстиции отказало в этом. В декабре 1998 г. движение вновь попыталось провести съезд для регистрации, но бывший тогда мэром Москвы Ю.М. Лужков запретил проведение этого мероприятия [Лихачев, Прибыловский: 62—65]. В ответ в январе 1999 г. члены РНЕ провели демонстрацию в окраинных районах столицы, что вызвало сильную негативную реакцию в СМИ и у общественности. В итоге началось длительное противостояние московских властей и националистов с попытками возбуждения уголовного дела против радикалов и публичными акциями, направленными против Ю.М. Лужкова, с угрозами и оскорблениями в его адрес [Лихачев 2003].

Одновременно руководство РНЕ и других ультраправых партий приняли решение создать избирательный блок для участия в парламентских выборах 1999 г. В условиях отсутствия официальной регистрации инициатором создания блока выступило другое радикальное движение, «Спас».

Его лидером стал В.И. Давиденко, врач, доктор медицинских наук, сотрудник сибирского отделения АН и депутат Государственной думы от ЛДПР. В конце 1998 г. он создал движение «Спас», а затем вышел из рядов партии В.В. Жириновского и принялся создавать свой предвыборный блок*. В качестве партнеров по возможному избирательному объединению пресса называла ряд правых партий, в частности партию «Возрождение» В. Скурлатова и НБП Э. Лимонова [Запрет нацистов...].

Но переговоры, возможно, в силу личных амбиций ультраправых лидеров, оказались неудачными, и тогда «Спас» решил идти на выборы самостоятельно, без создания формального блока, но с неформальным участием РНЕ. Представители СМИ назвали это союзом жириновцев-националистов с откровенными нацистами. Впрочем, лидер движения Д. Давиденко отрицал, что в рядах блока есть нацисты, предпочитая называть своих сторонников националистами [Там же].

Тем не менее именно лидер РНЕ А.П. Баркашов получил первое место в федеральном списке кандидатов, а многие члены его движения также вошли в избирательный список. В октябре 1999 г. ЦИК зарегистрировала кандидатов движения «Спас» для участия в выборах. Как отмечала «Независимая газета»: «Восемнадцатого октября этого года Центральная избирательная комиссия зарегистрировала список кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутый избирательным объединением “Движение “Спас””. Председатель ЦИК Александр Вешняков сослался на то, что он не имеет права оценивать идеологию организаций, этим должно заниматься Министерство юстиции, а оно зарегистрировало движение “Спас”. Закон не запрещает вносить в избирательный список движения членов других организаций, поэтому члены РНЕ спокойно вошли в список» [Националистам...]. Далее газета констатировала суть идеологии нового участника выборов: «Александр Баркашов считает, что только православный человек может быть настоящим патриотом, при этом особенно приветствуется старообрядческая ветвь православия. В “Русское национальное единство” не принимают цыган, кавказцев и евреев. Татары и башкиры могут вступать в РНЕ, но при обязательном условии перехода в православие (после крещения)» [Там же].

СМИ выражало опасение, что, получив доступ к телевидению, «Спас» способен привлечь к себе электорат: «Десять минут в день на центральных каналах — и он вместе со своим списком в Думе. Полчаса — и фракция Баркашова будет не меньше “яблочной”» [Там же]. Правда, затем газета выражала уверенность, что время на телевидении движение вряд ли получит, но само его появление свидетельствовало о кризисе государства, не способного навести порядок в деле существования экстремистских группировок, что объективно усиливало симпатии части электората к сторонникам радикальных идеологий.

В итоге 2 ноября 1999 года список ультраправых был зарегистрирован ЦИК для участия в выборах. В список вошли 94 кандидата. Среди них оказались не только безработные, пенсионеры и охранники, но и педагоги, в том числе высших учебных заведений, помощники депутатов Государственной думы и депутаты местного уровня, сотрудники милиции, начальник антарктической станции К.К. Левандо, бывший министр печати Б.С. Миронов и даже начальник одного из отделов министерства по делам национальностей М.П. Бурлаков,

* Подробнее см.: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/spas.html> (дата обращения: 26.01.2025).

занимавшийся в ведомстве вопросами взаимодействия с казачеством [О регистрации федерального...]. Участие последнего кандидата тем более удивительно, так как его начальник, министр В.А. Михайлов, баллотировался в Думу по списку политического антипода «Спаса» — «Яблока».

Помимо претендентов по партийному списку, были выдвинуты и кандидаты в одномандатных округах. Их количество было минимальным, из семи членов движения только четверо участников движения получили регистрацию. Никто из них не смог составить реальную конкуренцию в своих округах, получив в итоге максимум до 4 % голосов [Прибыловский, Верховский: 41]. Таким образом, участие кандидатов от «Спаса» в выборах в персональном качестве оказалось во многом формальным.

В программе движения было сочетание как националистических, так и левых идей. В частности, в программе блока в самом начале было заявлено: «1. Приход национальных сил в законодательные и исполнительные органы власти. 2. Возрождение русского национального самосознания на основе православно-державной традиции как фундамента всей нашей культуры, в том числе и государственного строительства» [Парламентские выборы: 33]. В области же экономики предлагалось вернуть в общенародную собственность земли, недра и водные ресурсы. Затем национализировать сырьевой комплекс и конфисковать незаконно нажитые на приватизации доходы, сделать внутренний долг приоритетным перед внешним [Там же]. Таким образом, во многом программа движения совпадала с программами левых политических партий, выступавших за усиление государственного контроля над экономикой, отказа от ориентации на страны с рыночной экономической системой. В целом каких-либо радикальных идей программа «Спаса» не содержала.

Гораздо более откровенной была печатная агитация движения. В частности, там были следующие лозунги: вся власть — русским, русскому солдату — русскую армию, русским крестьянам — русские рынки, «кавказ» — на Кавказ. Предлагалось не пускать в Россию мигрантов, изгнать из власти и СМИ лиц нерусской национальности и с двойным гражданством, дать русским детям русскую школу и т. д. Показателен лозунг «Россия — русская страна, Европа — белый континент» [Это мы!...].

Третий номер в списке движения, Д.В. Белик (житель Новосибирска, ученый-изобретатель и специалист по медицинской технике) в интервью «Общей газете» заявил, что национализм на данный момент единственная подходящая для России национальная идея, что православие должно стать государственной религией, что страной должны управлять не олигархи (Б.А. Березовский и другие), а на рынках должны торговать русские, а не азербайджанцы. Тем, кому такие идеи не нравятся, Д.В. Белик предложил уехать из страны. Относительно РНЕ кандидат в депутаты выразил уверенность, что движение «Спас» цивилизует радикалов, заставит их отказаться от неонацистских символов и черной униформы. При этом в идеологии самого РНЕ, с точки зрения политика, есть здоровое зерно [Спас...]. В итоге газета выразила опасение, что такие идеи для многонациональной страны представляют большую опасность, неся в себе межнациональную рознь, но в силу несовершенства судебной системы вряд ли у Д.В. Белика могут быть какие-либо проблемы с законом [Там же].

Регистрация движения вызвала острую реакцию как СМИ, так и политиков. В частности, один из лидеров «Яблока», бывший премьер-министр и министр внутренних дел С.В. Степашин, заявил прессе, что «считает “позором” регистрацию 2 ноября 1999 года Центральной избирательной комиссией

федерального списка блока «Спас»). И выразил уверенность, что «националистического, фашистского беспредела в Москве, Санкт-Петербурге и тем более в других городах мы не допустим» [Яблоко...]. Лидеры избирательного блока «Союза Правых Сил» заняли похожую позицию, тем более что ультраправые в своей агитации недвусмысленно обещали, что реформаторы «получат по заслугам». Аналогичное мнение было и у блока «Отечество — Вся Россия» в силу предыдущего конфликта ультраправых с Ю.М. Лужковым.

Сходная оценка явно была и у представителей официальной власти. Так, бывший тогда министром юстиции Ю. Чайка в интервью демократическим СМИ заявил: «Минюст все равно не даст “Спасу” выйти на финишную прямую..., мы добьемся отмены регистрации “Спаса” как общероссийской организации» [Законных средств...]. Следствием такой реакции властей стал иск, поданный министерством юстиции в суд о ликвидации движения «Спас». При этом журналисты высказывали сомнение, возможно ли это осуществить в принципе на законных началах [Верховный суд...]. Формальным основанием для иска стало то обстоятельство, что якобы при регистрации движения в 1998 г. были предоставлены недостоверные сведения о его численности: «Спас», регистрируясь, представил данные о 47 региональных отделениях, однако проверка выявила, что минимум в 10 регионах отделений нет. Закон «Об общественных объединениях» требует от общероссийской организации наличия филиалов более чем в половине субъектов федерации, и теперь, по мнению Минюста, «Спас» потерял и общероссийский статус, и право на участие в федеральных выборах» [Националистам...].

Рассмотрение иска проходило в московском городском суде в экстренном порядке. Уже 24 ноября было принято решение о ликвидации движения «Спас», а на следующий день ЦИК исключила его из числа участников избирательной кампании [Волгин: 181]. Попытки радикалов обжаловать эти решения успеха не имели, и они оказались в сложной ситуации, так как уже успели потратить немало средств на подготовку к выборам и, сверх того, должны были теперь оплатить заранее предоставленное им эфирное время и газетные полосы для избирательной агитации. Таким образом, поход ультраправых в парламент закончился явной неудачей.

Стоит отметить, что «Спас» был в центре внимания СМИ, властей и общественности. Но при этом из их поля зрения был выпущен другой участник избирательной гонки, шедший со схожими идеями, а именно — блок «Русское дело». Он был создан в сентябре 1999 г.: «18 сентября 1999 г. в Центральном доме туриста состоялся V (внеочередной) съезд Российского общенародного движения, на котором было принято решение об участии РОД в создании избирательного блока совместно с Союзом “Христианское Возрождение” и Союзом соотечественников “Отчизна”. Представителями движения на церемонии подписания соглашения о создании блока были избраны А. Баженов и член КС РОД Леонид Кожендаев» [Блок «Русское дело»...]. Стоит отметить, что данные политики были почти неизвестны широкой публике и ранее активно не участвовали в публичной деятельности.

РОД было создано в 1995 г. в Омске по инициативе местного бизнесмена А. Баженова и первоначально выступало с позиций защиты казачества и православия. На выборы 1995 г. оно пошло самостоятельно, при поддержке ряда малоизвестных общественных организаций, в частности, «Союза казачьих войск России и Зарубежья», «За возрождение Отечества» и т. д. Какой-либо заметной избирательной кампании движение, в силу нехватки ресурсов и

отсутствия известных личностей, не вело и заняло 38 место, или около 0,12 % голосов. То есть за РОД голосовало избирателей меньше, чем было собрано подписей для его регистрации в Центральной Избирательной Комиссии. В межвыборный период активность движения также была невысока и оживилась только на старте новой избирательной кампании в 1999 г. [Российское общенародное ...].

В итоге было принято решение о создании избирательного блока под названием «Движение патриотических сил — Русское дело». В принципе его появление не произвело большого впечатления на общественность, если бы не небольшая политическая сенсация, а именно, участие в судьбе блока одного из самых известных политиков той поры, бывшего начальника охраны президента А.В. Коржакова, на тот момент депутата Государственной думы [Коржаков...].

После своей отставки А.В. Коржаков перешел в оппозицию Б.Н. Ельцину, критикуя его политический и экономический курс, что отмечалось в программе избирательного блока: «А.В. Коржаков жестко противостоял наиболее разрушительным действиям пресловутых “реформаторов” — от преступной чубайсовской приватизации до дискредитации государственной власти и “семейственности” в ближайшем президентском окружении. Будучи отставленным, в отличие от генералов Грачева и Барсукова, он не только не пошел в услужение режиму, но и вступил с ним в борьбу» [Парламентские выборы...: 202]. Таким образом, национал-патриоты простили участие политика в разгоне Верховного Совета в 1993 г. и готовы были сделать его своим лидером.

Свою идеологию блок определял как патриотизм, дав ему следующее определение: «Патриотизм в дополнительных разъяснениях не нуждается: это любовь к Отчизне, к родной земле. Одно уточнение. В отличие от так называемых “реформаторов-западников” мы не растворяем патриотизм в космополитизме. Патриотизм может быть только национальным или государственным, но никогда — либеральным, “общечеловеческим”. Патриотизм и либерализм — понятия, друг друга исключают. Именно поэтому наша идеология носит последовательный национально-патриотический характер» [Там же].

Большое внимание в программе блока уделялось православию как основной религии русского народа, основам духовности и государственности России. С этим вполне согласуется традиционалистский подход к вопросам семьи, которая должна стать основой местного самоуправления и политической жизни общества.

Как и у других правых партий, у блока есть обязательное упоминание главенствующей роли русского народа в жизни России: «Великий русский народ всегда был стержнем хребтом российской государственности, ее оплотом. Именно он объединял другие нации и народности, помогал им в развитии, защищал от иноземных нашествий. Именно он всегда вставал главным препятствием на пути многочисленных завоевателей, жадных до наших природных богатств и жизненного пространства» [Там же: 203]. Данные заявления были вполне в традиции отечественных крайне правых партий, мало отличаясь от заявлений других политиков этой части политической сцены.

Интересно, что в программе блока прямо указывалось, что значительная часть его участников — отставные военные, следовательно, предлагалось сохранить призывную службу в армию. Но при этом каких-либо иных идей в плане развития ВПК и укрепления обороноспособности армии в программе нет [Там же]. Отсутствует и раздел, посвященный внешней политике, что говорит скорее о маргинальности «Русского дела» и слабой подготовке его лидеров к реальной деятельности.

В целом общий идеологический контекст блока был понятен, и неудивительно, что националистическая пресса удостоила его снисходительной похвалы: «идеология патриотическая. Умеренная оппозиция» [За кого...]. Основные же СМИ в своей массе практически не заметили его появление на политической сцене.

Возможно, участие А.В. Коржакова в избирательной кампании на федеральном уровне придало бы блоку явный интерес. Но по каким-то причинам он отказался от места в списке «Русского дела», предпочтя вести борьбу в своем одномандатном округе в Тульской области. Таким образом, политическая сенсация не состоялась. Лидерами блока стали никому не известные Олег Иванов, Юрий Петров, Михаил Сидоров, видимо, пытавшиеся обыграть наиболее известные русские фамилии. Всего же в список блока вошло 83 кандидата. При анализе списка складывается впечатление, что даже список «Спаса» был более представительным и авторитетным, так как основной состав «Русского дела» составили пенсионеры и безработные, активисты казачества и рядовые граждане. Только В.В. Исакова, помощника губернатора Тверской области, и А.А. Коренева, начальника отдела Министерства Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, можно отнести к статусным личностям [О регистрации федерального...]. Сведений о выдвижении кандидатов от этого блока по одномандатным округам практически нет, те члены «Русского Дела», кто пытался это осуществить, в итоге, судя по всему, потерпели неудачу уже на стадии сбора подписей и не приняли участие в выборах [Прибыловский, Верховский: 44].

Следовательно, и кампания блока была практически незаметной на фоне других участников выборов. Можно упомянуть обращение формального лидера О. Иванова, сделанное со страниц газеты «Коммерсант»: «Голосуйте и сердцем, и умом. Обращаемся к вам — осознайте свою ответственность за будущее России — вас, ваших родителей и детей, родных и близких. Обязательно приходите на выборы: больше голосующих — меньше подтасовок. “Русское дело” обращается ко всем, кому дороги идеалы Великой России. Поддержите идеи православной духовности, народовластия и патриотизма» [Прямая речь 1999]. Данные лозунги не слишком заинтересовали электорат, и на выборах «Русское дело» получило только 0,17 %, что было адекватно его реальному весу в политике и проведенной им избирательной кампании.

Таким образом, поход ультраправых во власть закончился явной неудачей. Причин этому было несколько. И позиция властей, не пустившая наиболее радикальных националистов к избирательным участкам, и общее неприязненное отношение к ним в ведущих российских СМИ, и крайне низкий рейтинг у избирателей, воспринимавших лозунги националистов без особого восторга. Сказалось и то, что на выборах 1999 г. патриотические лозунги были во многом перехвачены новой партией власти, движением «Единство», позиционировавшим себя как центристская и патриотическая политическая сила и получившим на выборах 23 % голосов. Следовательно, крайне правые политики в очередной раз оказались на обочине политического процесса, что не исключило их дальнейших попыток консолидироваться и вновь принять участие в федеральных выборах.

Список источников

Блок «Русское дело». URL: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/rusdelo.html> (дата обращения: 24.11.2024).

Верховный суд оказался нестрашным // Коммерсант. 2.11.1999. С. 1.

- За кого голосует несчастная Россия // Черная сотня. 1999. № 75—76. URL: http://www.sotnia.ru/ch_sotnia/t1999/t7511.htm (дата обращения: 24.11.2024).
- Законных средств для запрета «Спаса» не существует // Независимая газета. 04.11.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-11-04/3_spas.html?ysclid=m6b1lr140o40085876 (дата обращения: 22.11.2024).
- Запрет нацистов выгоден всем // Русская мысль. 1999. № 4293. С. 4.
- Коржаков научит патриотов бороться с «семьей» // Коммерсант. 01.09.1999. С. 3.
- Националистам открывается путь в Думу // Независимая газета. 20.10.1999. URL: <https://www.ng.ru/politics/1999-1020/nationalist.html?ysclid=m6b1ni1sf9302520572> (дата обращения: 24.11.2024).
- О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, выдвинутого избирательным блоком «Движение патриотических сил — Русское Дело» // Постановление ЦИК РФ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/58868126> (дата обращения: 22.11.2024).
- О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, выдвинутого движением «Спас». URL: <https://docs.cntd.ru/document/58868124> (дата обращения: 22.11.2024).
- Парламентские выборы в России: 1999. Избирательные объединения и блоки, их лидеры и программные документы, результаты выборов. Хрестоматия. М., 2000. 292 с.
- Программа. Русское Национальное Единство. URL: <http://www.panorama.ru/works/patr/pdoc/45f.html> (дата обращения: 23.11.2024).
- Прямая речь // Коммерсант. 09.12.1997. С. 16.
- Прямая речь // Коммерсант. 17.12.1999. С. 1.
- Российский статистический ежегодник: Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2000. 642 с.
- Российское общенародное движение. URL: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/rod.html> (дата обращения: 24.11.2024).
- Сергей Бабурин готов возглавить национальную оппозицию // Коммерсант. 09.12.1997. С. 3.
- Спас на чистоте крови // Общая газета. 27.10.1999. № 42.
- Это мы! Это наши лозунги! // Национальная газета. 1999. № 7. URL: <http://www.ogodine.ru/museum/spas99.html> (дата обращения: 23.11.2024).
- Яблоко: Пресс-релиз 3.11.1999. URL: <https://www.yabloko.ru/Press/1999/9911033.html?ysclid=m3t1xljpr794836691> (дата обращения: 24.11.2024).

Список литературы / References

- Волгин Е.И. Судьба ООПД «Русское национальное единство» в контексте государственной стратегии противодействия политическому экстремизму конца 1990-х гг. // Клио. 2024. № 5. С. 175—186.
- (Volgin E.I. The fate of the oopd “Russian national unity” in the context of the state strategy for countering political extremism in the late 1990’s., *Clio*, 2024, no. 5, pp. 175—186. — In Russ.)
- Гостев С.Л. Общественно-политические организации радикально-националистического толка // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические науки. 1999. № 2. С. 50 — 63.
- (Gostev S.L. Social and political organizations of a radical nationalist nature, *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*, 1999, no. 2, pp. 50—63. — In Russ.)
- Лихачев В.А. Политический антисемитизм в современной России. М.: Academia, 2003. 240 с. (Likhachev V.A. Political anti-Semitism in modern Russia, Moscow, 2003, 240 p. — In Russ.)
- Лихачев В.А., Прибыловский В.В. Русское национальное единство: история, идеология, регионы России, документы. М.: Панорама, 2001. 353 с. (Likhachev V.A., Pribylovsky V.V. Russian national unity: history, ideology, regions of Russia, documents, Moscow, 2001, 353 p. — In Russ.)
- Прибыловский В.В., Верховский А. М., Михайловская Е.В. Национал-патриоты, Церковь и Путин. Парламентская и президентская кампании 1999 — 2000 гг. М.: Панорама, 2000. 115 с.

(Pribylovsky V.V., Verkhovsky A.M., Mikhailovskaya E. National Patriots, the Church and Putin. Parliamentary and Presidential Campaigns of 1999—2000, Moscow, 2000, 115 p. — In Russ.)

Тумаков Д.В. Радикальные исламисты в публикациях центральной прессы в период дагестанской кампании 1999 года // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2021. № 1. С. 217—255.

(Tumakov D.V. Radical Islamists in Publications of the Central Press during the Dagestan Campaign of 1999, *Historia provinciae — Journal of Regional History*, 2021, no. 1, pp. 217—255. — In Russ.)

PARTICIPATION OF ULTRA-RIGHT POLITICAL PARTIES AND MOVEMENTS IN THE 1999 PARLIAMENTARY ELECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE COURSE OF THE ELECTION CAMPAIGN AND RESULTS

Mikhail S. Kishchenkov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, mkishhenkov@yandex.ru

Abstract. The article examines the participation of extreme right-wing political forces in Russia in the 1999 State Duma election campaign. In the context of an unstable socio-economic and political situation, radical politicians seemed to have a chance to actively enter the public sphere. The main extreme right-wing organization at that time was the “Russian National Unity” led by A.P. Barkashov. At the same time, RNU did not have an official registration and was in conflict with Moscow authorities and the Ministry of Justice. Because of this, it took part in the elections unofficially, as part of the Spas movement. This political force was created by former members of the LDPR, apparently dissatisfied with the insufficient radicalism of V.V. Zhirinovskiy on the national issue. The registration of this movement by the Central Election Commission led to a significant scandal and the removal of Spas from the elections. The main media of that era assessed the registration of nationalists as a sign of the authorities weakness, unable to put a barrier in the way of political extremism, and welcomed the final decision to liquidate the Spas movement and its withdrawal from the election race. At the same time, the second extreme right participant in the elections, the Russian Cause bloc, managed to stay practically unnoticed by both the public and the authorities. A well-known politician A. V. Korzhakov refused to head the bloc's election list. The result of participation in the elections was also logical — 0,17 %. Thus, one can conclude that the ultra-right forces in Russia in 1999 were quite weak and unable to be represented in federal government bodies. Another conclusion is that both public at large and the authorities disagreed sharply with the attempts of such forces to enter the sphere of public policy.

Keywords: ultra-right, Russian National Unity, Russian Cause, elections, election campaign, nationalism

For citation: Kishchenkov M.S. Participation of ultra-right political parties and movements in the 1999 parliamentary elections in the Russian Federation: the course of the election campaign and results, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 144—153.

Статья поступила в редакцию 26.11.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted to the editorial office 26.11.2024; approved after review 20.02.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Кищенко Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, mkishhenkov@yandex.ru, SPIN: 6472-3361

Kishchenkov Mikhail Sergeevich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, mkishhenkov@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 154—164.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 154—164.

Научная статья

УДК 111.852:128

EDN <https://elibrary.ru/bkrajq>

DOI: 10.46726/И.2025.3.17

К ОНТОЛОГИИ ПАМЯТИ

Валерий Николаевич Финогентов

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,

г. Орёл, Россия, v_fin@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются различные формы памяти преемственности и соответствующие им теоретические миры: полное отсутствие памяти-преемственности (мир Кратила), абсолютная память-преемственность (мир Парменида), мощная память, обеспечивающая однозначную связь между предшествующим и последующим состояниями субъекта бытия (мир Лапласа), память-преемственность, допускающая инновации (мир Бергсона). Далее анализируются соответствующие указанным формам памяти-преемственности типы процессуальности: хаотическая процессуальность, полное отсутствие какой бы то ни было изменчивости, функционирование, инновационная процессуальность. Высказывается предположение, согласно которому каждому реальному субъекту бытия свойственны в разных пропорциях все указанные выше формы памяти-преемственности и типы процессуальности. Обосновывается тезис, согласно которому в рамках указанного предположения в принципе невозможно бесконечно долгое сохранение самотождественности любого реального субъекта бытия. На этом основании делается вывод, в соответствии с которым в пределах рационального (философского) дискурса надежды на достижение человеком и человечеством бессмертия являются безосновательными.

Ключевые слова: память-преемственность, мир Кратила, мир Парменида, мир Лапласа, мир Бергсона, бессмертие

Для цитирования: Финогентов В.Н. К онтологии памяти // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 154—164.

Введение. Обсуждению различных аспектов феномена памяти посвящено немало работ философов, психологов, нейрофизиологов, специалистов по информатике и др. [Бадли, Айзенк, Андерсон; Норман; Роговин; Роуз; Шенцев]. Практически во всех этих — интересных и значимых во многих отношениях — работах память понимается как процесс кодирования, сохранения и воспроизведения информации. В рамках такого подхода память свойственна в первую очередь живым организмам и некоторым техническим устройствам, а также, естественно, человеку и человеческим сообществам разного рода и масштаба: индивидуальная память, а также социальная память, историческая

память и т. п. Авторы этих работ анализируют всевозможные виды памяти (эмоциональная память, сенсорная память, словесно-логическая память, кратковременная память, долговременная память...), раскрывают механизмы работы памяти, в том числе способы сохранения и воспроизведения информации в соответствующих субъектах...

Повторяю, все эти вопросы обсуждать необходимо и важно. Однако мой интерес в предлагаемой вниманию читателя статье сконцентрирован на совсем другом круге вопросов, на круге вопросов, кратко зафиксированном в названии статьи: «онтология памяти». То есть, меня интересуют здесь именно онтологические основания самых разных видов памяти. Соответственно, в этой статье я буду понимать память максимально широко. А именно: здесь память для меня — это то, что обеспечивает присутствие в настоящем некоторого субъекта бытия определенных элементов его прошлого. Таким образом, если в настоящем некоторого субъекта бытия присутствует нечто из его прошлого, я буду говорить, что у этого субъекта есть память, что этот субъект бытия обладает какой-то формой памяти.

При таком — максимально широком — понимании памяти она свойственна всем или почти всем субъектам бытия: неживым, живым, обладающим психикой, имеющим сознание, социокультурно организованным и т. д. Очевидно, что так понимаемая память обеспечивает хотя бы минимальную связность различных стадий существования данного субъекта бытия. Она обеспечивает хотя бы минимальную преемственность в существовании этого субъекта. То есть, такая память делает некоторого субъекта бытия именно этим субъектом бытия. Она, иначе говоря, гарантирует специфическую определенность этого субъекта. Далее я буду называть такую память памятью-преемственностью. Понятно также, что наличие такой памяти позволяет соответствующему субъекту бытия сохранять определенную степень его самотождественности на всем протяжении его существования.

Несомненно, что так понимаемая память тесно связана с темпоральными (временными в широком смысле этого слова) характеристиками каждого субъекта бытия. Дело в том, что только наличие у данного субъекта бытия каких-либо форм памяти-преемственности определяет присутствие в его бытии привычных нам темпоральных характеристик, в частности позволяет говорить о его прошлом и настоящем, а также, в этом нетрудно убедиться, и о его будущем. Другими словами, отсутствие у некоторого субъекта бытия каких бы то ни было форм памяти-преемственности делает такой субъект, по сути, вневременным. Из сказанного ясно также, что качественно различные типы памяти-преемственности, свойственные разным субъектам бытия, формируют у этих субъектов качественно различные темпоральные характеристики. В этом мы убедимся ниже.

Изучение памяти-преемственности, по моему мнению, может помочь в изучении форм памяти, свойственных живым, техническим и социальным системам, по крайней мере, в двух взаимосвязанных планах. Во-первых, память-преемственность образует онтологический фундамент, основу возможности осуществления всех вариантов только что упомянутых форм памяти. Естественно, что углубленное обсуждение онтологических оснований многообразных форм памяти будет способствовать достижению более глубокого и адекватного понимания этих форм памяти. Во-вторых, память-преемственность является инвариантной составляющей всех этих форм памяти. Несомненно, что выявление общих характеристик различных форм памяти будет способствовать уточнению

особенностей этих форм. Кроме того, изучение памяти-преемственности значимо для понимания многих серьезных вопросов онтологии, в том числе вопросов, связанных с пониманием особенностей темпоральных характеристик разных уровней бытия универсума. В частности, учет этих «общих характеристик всевозможных видов памяти» позволяет высказать и аргументировать суждение, согласно которому в рамках рационального дискурса надежды человека и человечества на обретение ими той или иной формы бессмертия безосновательны.

Во избежание недоразумений отмечу также, что миры, которые далее будут представлены, и, которые отличаются друг от друга именно свойственными им вариантами памяти-преемственности, конечно, являются теоретическими конструкциями, идеальными типами своего рода. Но, естественно, это ничуть не отрицает их эвристичности и применимости для описания и объяснения свойств реально существующих объектов.

Память мира Кратила и память мира Парменида. Очевидно, что если у какого-либо субъекта бытия полностью отсутствует такого рода память-преемственность, то его существование представляет собой последовательность никак не связанных друг с другом, изолированных друг от друга состояний. А поскольку между этими состояниями нет никаких связей, постольку их невозможно сравнить друг с другом. В частности, их невозможно отличить друг от друга. Иными словами, все состояния такого субъекта бытия тождественны друг другу. Следовательно, для такого субъекта нет прошлого (и, соответственно, будущего); он всегда пребывает в настоящем. Любопытно, что длительность настоящего такого субъекта бытия равна нулю. Поэтому вполне обоснованно можно сказать, что такой субъект «едва существует», или вообще не существует. Он существует только одно мгновение. И, кстати, именно мгновенность является единственной темпоральной характеристикой такого субъекта бытия, то есть он является вневременным в строгом смысле этого слова.

В своей уже давней книге «Время, бытие, человек» я назвал такого субъекта представителем (или фрагментом) мира Кратила [Финогентов 1992: 8—31]. Я полагаю, что такое название вполне правомерно. Напомню в связи со сказанным, что Кратил — это последователь Гераклита, последователь, доведший в некотором смысле до абсурда учение Гераклита об изменчивости, текучести всего существующего. Вот как интересующие нас взгляды Кратила характеризует Аристотель. В «Метафизике» он пишет о философах, развивавших такие взгляды: «Они полагали, что ... о том, что абсолютно и во всех отношениях изменчиво, истинные высказывания невозможны». И далее: «Из этого воззрения расцвел крайний взгляд указанных философов, притязающих на то, что они следуют Гераклиту, подобный тому, какого держался Кратил, который под конец считал, что не следует ничего говорить...» [Фрагменты...: 551—552]. Кратил считал, что не следует ничего говорить, потому что действительность каждое мгновение становится иной. Понятно, что о такой действительности ничего определенного сказать невозможно. Поэтому о ней следует молчать.

Как видим, описанный мной выше субъект бытия, полностью лишенный каких бы то ни было форм памяти-преемственности, вполне справедливо может быть охарактеризован в качестве фрагмента «мира Кратила», который, по характеристике Аристотеля, «абсолютно и во всех отношениях изменчив». Таким образом, мир Кратила — это хаотически изменяющийся мир, это мир абсолютной несамотождественности.

Миру Кратила, совершенно лишенному каких бы то ни было форм памяти-преемственности, противостоит мир, в котором имеет место то, что можно назвать абсолютной памятью. Такая память-преемственность настолько сильна, что она «стягивает» все состояния этого мира в одно единственное, непреходящее состояние. Иначе говоря, и этот мир не знает прошлого и будущего; он вечно пребывает в только что указанном единственном состоянии, он вечно пребывает в настоящем. Соответственно, этот мир не знает никаких переходов от предшествующих состояний к последующим, он не знает никаких движений и изменений. Это — мир абсолютного покоя, абсолютной самотождественности. Поэтому единственной темпоральной характеристикой такого мира является вечность, свойственная, как уже сказано, его единственному, непреходящему настоящему. Иначе выражаясь, такой мир тоже является вневременным в строгом смысле этого слова.

Вполне логично назвать такой мир миром Парменида. Действительно, только что описанный мной мир вечно пребывает в бытии, каким, по Пармениду, и должно быть сущее. Вспомним в связи со сказанным его основополагающую формулировку: «Только сущее есть, не-сущего же нет, и оно немислимо» [Целлер: 56]. В нашем мире Парменида это сущее представляет собой его непреходящее, вечное настоящее. Если, как отмечено выше, мир Кратила «едва существует», то мир Парменида есть в полном смысле этого слова. Обратно говоря, он обречен на существование.

Любопытно, что только что описанные мной антиподы, мир Кратила и мир Парменида, во многом сходятся друг с другом и, по сути, тождественны друг другу. В самом деле, если внимательно присмотреться к вечному настоящему мира Парменида, то можно убедиться в том, что по своей нулевой результативности (напомню, что в этом мире ничего не происходит, в нем нет ни возникновения, ни исчезновения) оно тождественно столь же бесплодному мгновенному состоянию мира Кратила. Другими словами, основополагающие темпоральные характеристики этих миров — мгновенность и вечность — здесь неотличимы друг от друга. Очень возможно, что они таковы не только здесь.

Память мира Лапласа. Познакомившись с мирами, в одном из которых абсолютная память-преемственность исключает какую бы то ни было процессуальность (абсолютно самотождественный мир Парменида), а в другом абсолютное отсутствие памяти-преемственности задает его полностью хаотическую процессуальность (абсолютно несамотождественный мир Кратила), мы присмотримся в этом разделе статьи к особенностям памяти-преемственности мира, которому свойственна чрезвычайно жестко упорядоченная процессуальность.

Чтобы лучше понять эти особенности свяжем содержание понятия памяти-преемственности с алгоритмом преобразования предшествующих состояний изучаемого субъекта бытия в его последующие состояния. Для этого вспомним сформулированное в начале статьи определение памяти-преемственности: такая память обеспечивает присутствие некоторых элементов прошлого данного субъекта бытия в его настоящем. Теперь, используя понятие алгоритма, мы можем утверждать, что память-преемственность некоторого субъекта бытия — это не что иное, как алгоритм преобразования прошлого состояния данного субъекта бытия в его настоящее, актуальное состояние. Так, в частности, характеризуя абсолютную память мира Парменида, можно сказать, что этому миру свойствен такой алгоритм преобразования «прошлого» в настоящее, в результате действия которого его «прошлое» в совершенно

неизменном виде переходит в его «настоящее». То есть «прошлое» в таком мире в неизменном виде транслируется в настоящее и далее — в «будущее». Понятно, что понятия «прошлое» и «будущее» здесь использованы только для достижения наглядности; в действительности, как уже подчеркнуто, в таком мире нет ни прошлого, ни будущего. Другими словами, действие такого алгоритма равносильно отсутствию в мире Парменида каких бы то ни было процессов. Можно сказать также, что в качестве алгоритма, преобразующего «прошлое» в «настоящее», в мире Парменида выступает закон тождества: $A = A$. Именно «полномасштабное» действие этого закона и приводит здесь к вечному воспроизведению его единственного состояния.

Мир, который является предметом рассмотрения в этом разделе статьи, в отличие от мира Парменида, процессуален. Но, как уже сказано, его процессуальность задана очень жесткой формой памяти-преемственности, то есть она подчинена очень жесткому алгоритму преобразования его прошлого в его настоящее. Тем не менее память-преемственность (и соответствующий алгоритм преобразования прошлого в настоящее) этого — нового для нас — мира не является абсолютной памятью-преемственностью мира Парменида. Напомню еще раз, что абсолютная память-преемственность мира Парменида «стягивает» все состояния мира Парменида в одно-единственное состояние. Наш — новый — мир не таков. В нем осуществляется множество, отличимых друг от друга состояний. То есть в нем, как уже сказано, имеют место процессы: переходы от предшествующих его состояний к его последующим состояниям. Но при этом все его состояния и все переходы между ними строго однозначно определены его памятью-преемственностью и соответствующим алгоритмом преобразования прошлого в настоящее и настоящего в будущее.

А именно: память-преемственность конструируемого здесь нами мира (алгоритм преобразования его прошлого в его настоящее) воплощается в системе законов, однозначно связывающих его предшествующие состояния с его последующими состояниями. Ярким примером законов такого рода являются законы классической (ньютонической) механики. Хорошо известно, что в классической механике по известному («начальному») состоянию механической системы в принципе можно однозначно рассчитать все ее последующие и все ее предшествующие состояния. Это возможно именно потому, что здесь (в механике) известны законы движения и взаимодействия материальных точек, которые (законы движения и взаимодействия) и выступают в данном случае в роли памяти-преемственности механических систем и в роли алгоритма преобразования прошлого состояния таких систем в их настоящее, актуальное состояние. Всё только что описанное (однозначную связь между состояниями изучаемого субъекта бытия) можно также характеризовать как подчиненность этого субъекта бытия лапласовскому детерминизму. Поэтому мир, в котором память-преемственность (и соответствующий алгоритм преобразования его прошлого в его настоящее) обеспечиваются законами, аналогичными в только что указанном смысле законам классической механики, мы будем называть миром Лапласа.

Подчеркну, что мир классической механики — это только один (правда, очень важный для науки и культуры в целом) вариант мира Лапласа. Главное качество мира Лапласа — это однозначная связь между его предшествующими и последующими состояниями. И эту однозначную связь между его различными состояниями обеспечивает качество его память-преемственность (и соответствующий алгоритм). В мире классической механики такая связь между

его состояниями задается законами Ньютона. В других вариантах мира Лапласа это могут быть совсем другие законы. Это могут быть, например, законы релятивистской (эйнштейновской) механики. В данном случае не так важно какие именно законы обеспечивают однозначную связь между различными состояниями мира Лапласа. Главное здесь, что эти законы задавали именно однозначную связь между предшествующими и последующими состояниями обсуждаемого мира.

Добавлю к сказанному, что несмотря на существенное отличие памяти-преемственности мира Лапласа от абсолютной памяти мира Парменида, в ней есть нечто «парменидовское». Дело в том, что память-преемственность мира Лапласа позволяет по любому состоянию этого мира однозначно восстановить все его прежние состояния и однозначно предсказать все его будущие состояния. Кстати, длительность каждого актуального состояния этого мира является бесконечно малой. Таким образом, каждое состояние этого мира содержит в себе все остальные его состояния. Следовательно, в этом мире, несмотря на то что он является процессуальным, по-настоящему ничего не уходит в небытие. Он весь (все его прошлые и будущие состояния) присутствует в бытии в парменидовском смысле этого слова. Этот мир так же, как и мир Парменида, обречен на существование.

Существенной характеристикой мира Лапласа является также то, что процессы, осуществляющиеся в нем, не несут новизны. По всей видимости, это свидетельствует о том, что в фундаменте любого варианта такого мира лежит уровень простейших, бесструктурных элементов. К пространственным перемещениям, к перегруппировкам таких элементов и сводятся все процессы этого мира [Финогентов 1992: 8—31]. Только что сказанное можно зафиксировать утверждением: процессуальность мира Лапласа не является инновационной. Иначе говоря, процессуальность этого мира не является эволюцией, развитием. Можно достаточно убедительно показать также, что процессуальность такого мира является или циклической, или квазициклической. Такую процессуальность логично назвать функционированием.

Важной характеристикой мира Лапласа является то, что его память-преемственность (соответствующий алгоритм и законы, его воплощающие) не содержат в себе необратимости, то есть, здесь имеет место симметрия между предшествующими и последующими состояниями. Соответственно, темпоральной характеристикой такого мира является обратимое время-длительность.

Память мира Бергсона. Мир, который мы конструируем в этом разделе статьи, характеризуется еще менее жесткой формой памяти-преемственности (формой алгоритма преобразования предшествующих его состояний в последующие), чем мир Лапласа. А именно: память-преемственность (и соответствующий алгоритм) такого мира не только делает этот мир процессуальным, но задает совершенно иной — гораздо более сложный и интересный — характер его процессуальности. «Зарегулированная» законами функционирования процессуальность мира Лапласа, как мы помним, однозначно связывает различные состояния этого мира, является не инновационной и обратимой. Соответственно, память конструируемого здесь мира делает связи между состояниями такого мира неоднозначными, а процессуальность этого мира — инновационной и необратимой. Иными словами, этот мир качественно отличается от мира Лапласа. Для удобства будем называть такой мир миром Бергсона, помня о том, что именно А. Бергсон в своем учении о жизненном порыве подчеркивал инновационный (творческий) характер реальных процессов [Бергсон].

В качестве темпоральных характеристик мира Бергсона выступают многообразные необратимые времена, связанные с соответствующими типами инновационных процессов [Финогентов 1992]. Здесь стоит сказать, что каждое актуальное состояние, то есть настоящее всякого субъекта бытия, принадлежащего такому миру, имеет конечную длительность. Это обстоятельство имеет немало существенных онтологических следствий [Финогентов 2020].

Важнейшей особенностью памяти-преемственности субъектов бытия, принадлежащих миру Бергсона, является то, что она способна обеспечить самоидентичность субъекта такого рода на протяжении лишь конечного времени. Дело в том, что инновационная процессуальность, свойственная всякому такому субъекту бытия, непрерывно количественно и качественно изменяя его, рано или поздно с необходимостью разрушает его прежнюю определенность и формирует новую определенность, порождая, по сути, новый субъект бытия.

Что касается конкретных характеристик памяти-преемственности мира Бергсона, то некоторые из них будут раскрыты в следующем разделе статьи. Здесь же я отмечу только то, что формы этой памяти весьма многообразны. Так, например, одной из важнейших форм такой памяти являются законы развития, свойственные различным субъектам бытия, например, звездам, живым организмам, человеческим сообществам. Отмечу также в данном контексте формы памяти-преемственности, выражаемые понятием «темпофиксация». Это понятие было введено в научный оборот выдающимся отечественным геологом и палеоботаником С.В. Мейеном [Мейен]. Содержание этого понятия охватывает широкий круг феноменов, суть которых состоит в том, что актуальное состояние эволюционирующей системы, в частности ее структура, определенным образом фиксирует индивидуальную историю этой системы. Так, например, книга, выходящая несколькими изданиями, может содержать в своей актуальной структуре фрагменты, написанные ее автором на разных стадиях доработки этой книги. Отдельные примеры, иллюстрирующие содержание понятия «темпофиксация», будут рассмотрены мной в следующем разделе статьи.

Некоторые варианты памяти мира Бергсона. В качестве важного варианта памяти-преемственности мира Бергсона кратко рассмотрим упомянутые выше законы развития.

Характеризуя их, в первую очередь следует подчеркнуть их принципиальное отличие от законов функционирования (законы мира Лапласа), показательным примером которых являются уже упомянутые законы классической механики. Действительно, законы функционирования могут быть установлены путем внимательно наблюдения за некоторой (функционирующей) системой. Такие законы фиксируют «существенные, устойчивые, повторяющиеся» моменты в процессуальности данной системы. Так, к примеру, пронаблюдая достаточно долго и пристально за движением математического маятника, мы можем установить, что все его состояния однозначно воспроизводятся спустя определенный промежуток времени. И это воспроизведение вполне закономерно. Совершенно иной характер имеют законы развития (законы эволюции). Представим себе, что мы наблюдаем за развитием какого-нибудь растения. При этом мы непременно зафиксируем, что это растение проходит различные, качественно своеобразные, а потому — неповторимые этапы своего развития. Например, на одной стадии развития у него формируются листья, на другой появляются цветы, на третьей формируются плоды и т. п. Соответственно, наше даже самое внимательное наблюдение за данным растением не выявит

«существенных, устойчивых, повторяющихся» моментов в его процессуальности, то есть не выявит наличия законов функционирования. Поверхностному взгляду, может на этом основании показаться, что рассматриваемому процессу развития вообще не свойственны какие-либо законы. Однако это не так. Законы у этого процесса все-таки есть. Но для выявления их, как уже сказано, недостаточно даже самого внимательного наблюдения за данным экземпляром развивающегося субъекта. В нашем примере — это конкретный экземпляр растения определенного вида. Чтобы выявить интересующий нас закон развития необходимо наблюдать за многими экземплярами развивающейся системы определенного типа. В нашем случае необходимо наблюдать за многими экземплярами растения определенного вида. Только тогда мы сможем установить, что все экземпляры такой системы проходят в процессе своего развития одни и те же (закономерные) стадии.

Иначе говоря, законы развития — это законы, свойственные, образно выражаясь, «тиражированным» системам, то есть системам, существующим во многих экземплярах: организмам, космическим объектам и т. п. Опираясь на знание законов этого рода, и, зная актуальное состояние такой системы, можно давать достаточно обоснованные прогнозы относительно будущих ее состояний. Понятно, что эти прогнозы не будут однозначными. Дело в том, что законы развития не учитывают действие факторов «уровня единичного». Они действуют только на уровне общего. Так, к примеру, опираясь на закон развития, которому подчиняется жизненный путь данного экземпляра растения, можно прогнозировать, что у этого растения на определенном этапе его эволюции появятся листья, цветы и т. п. Но, конечно, такой прогноз не может учесть действие разнообразных внешних факторов (факторов «уровня единичного»): заморозки, сильный ветер и т. д.

О неизбежности потери самотождественности каждым реальным субъектом бытия. Как уже отмечено, миры, описанные выше, представляют собой теоретические конструкты, идеальные типы. Но, по всей видимости, они достаточно адекватно отражают особенности различных уровней бытия любого фрагмента неисчерпаемого (многообразно бесконечного) универсума. Подробнее я пишу об этом в уже указанных книгах [Финогентов 1992; Финогентов 2020]. В частности, естественным представляется предположение, что каждому реальному субъекту бытия свойственны все указанные выше формы памяти-преемственности и соответствующие им типы процессуальности. При этом под реальным субъектом бытия я понимаю любой фрагмент неисчерпаемого универсума. Реальные объекты фиксируются нами в виде разнообразных объектов неживой и живой природы, различного рода социокультурных образований и т. п. Таким образом, реальные субъекты бытия в онтологическом плане противостоят многообразным теоретическим объектам, сконструированным исследователями посредством в первую очередь процедур абстрагирования и идеализации.

Конечно, у разных реальных субъектов бытия эти формы памяти-преемственности и соответствующие им типы процессуальности присутствуют, так сказать, в разных пропорциях. Например, у некоторых реальных субъектов бытия доминирует мощная память-преемственность мира Лапласа и, соответственно, такой тип процессуальности как функционирование. У других реальных субъектов бытия преобладают различные варианты памяти мира Бергсона, и, соответственно, многообразные виды инновационной процессуальности. И т. д. Но еще раз подчеркну, у всех реальных субъектов бытия с неизбежностью

присутствуют все формы памяти-преемственности и все виды процессуальности, представленные в предшествующих разделах статьи.

Из этого вытекает немало существенных следствий. Здесь я уделяю внимание только одному из них. А именно: ниже я кратко обсуждаю в соответствующем контексте проблему бессмертия.

Разумеется, я обсуждаю эту проблему в рамках рационального дискурса. Иначе говоря, я не рассматриваю здесь многообразные мечты и суждения о бессмертии, высказанные в рамках различных мифологических и религиозных мировоззрений. Эти мечты и суждения, несомненно, чрезвычайно интересны и поучительны во многих смыслах и у меня нет цели оспорить их. Меня здесь интересуют лишь онтологические основания возможности (точнее, — невозможности) достижения бессмертия. Таким образом, я полемизирую здесь только с попытками рационального, прежде всего, философского обоснования возможности бессмертия. Хорошо известна, например, неубедительность попыток философски обосновать бессмертие души, предпринятых Сократом (Платоном) в диалоге «Федон». Детальный критический разбор этих попыток дан А.Ф. Лосевым [Платон: 415—428]. К попыткам такого рода относятся также предположения Р. Декарта и Г.В. Лейбница о том, что душа человека является «простой субстанцией», которая поэтому не может быть разрушена. Очевидна, неубедительность такого обоснования. Точнее, очевидно, что такое обоснование в действительности обоснованием не является, поскольку предположение субстанциональности души тождественно предположению ее вечности. Ведь любая субстанция, так сказать, по определению не сотворима и не уничтожима («бессмертна»). Аналогично дело обстоит и с другими попытками рационального обоснования достижимости бессмертия.

Итак, бессмертие понимается мной не просто как очень длительная (тысячи, миллионы, миллиарды и т. п. лет) жизнь, а как вечная (бесконечно продолжающаяся) жизнь некоторого субъекта бытия. Такая жизнь, очевидно, предполагает существование этого субъекта на протяжении бесконечного времени. Другими словами, обсуждая проблему бессмертия, мы с необходимостью сталкиваемся с проблемой возможности сохранения самоидентичности соответствующего субъекта бытия на протяжении бесконечного времени. Но отмеченное выше наличие у каждого реального субъекта бытия всех описанных мной форм памяти-преемственности и соответствующих типов процессуальности, как нетрудно убедиться, однозначно отрицает такую возможность. Эта невозможность обусловлена наличием в составе процессуальности любого реального субъекта бытия, во-первых, хаотической процессуальности и, во-вторых, — инновационной процессуальности. Эти — атрибутивно присутствующие каждому реальному субъекту бытия — виды процессуальности рано или поздно неизбежно «размывают» его определенность.

Конечно, можно возлагать надежды на другие формы памяти-преемственности. Иными словами, можно надеяться на то, что абсолютная память-преемственность мира Парменида и мощная память мира Лапласа обеспечат возможность сохранения самоидентичности соответствующего субъекта бытия на протяжении бесконечного времени. И в некотором смысле такие надежды оправданы. Однако, не вызывает сомнений тот факт, что только что указанные формы памяти-преемственности и определяемые ими типы процессуальности (абсолютный покой и функционирование), хотя и присутствуют в той или иной мере в жизненном процессе некоторого субъекта бытия, совершенно недостаточны для осуществления такого (жизненного) процесса.

Заключение. Таким образом, в статье рассмотрены различные формы памяти преемственности: полное отсутствие памяти-преемственности (мир Кратила), абсолютная память-преемственность (мир Парменида), мощная память, обеспечивающая однозначную связь между предшествующим и последующим состояниями субъекта бытия (мир Лапласа), память-преемственность, допускающая инновации (мир Бергсона). Были определены также соответствующие указанным формам памяти-преемственности типы процессуальности: хаотическая процессуальность, полное отсутствие какой бы то ни было изменчивости, функционирование, инновационная процессуальность. Было высказано предположение, согласно которому каждому реальному субъекту бытия свойственны все указанные выше формы памяти-преемственности и типы процессуальности. Было показано также, что в рамках такого предположения в принципе невозможно бесконечно долгое сохранение самоидентичности любого реального субъекта бытия. На этом основании был сделан вывод, в соответствии с которым в пределах рационального (философского) дискурса надежды человека и человечества на достижение какой-либо формы бессмертия являются безосновательными.

Список источников

- Бергсон А. Творческая эволюция. М.: АСТ, 2023. 416 с.
 Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
 Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. и пер. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.

Список литературы / References

- Бадли А., Айзенк М., Андерсон М. Память. СПб.: Питер, 2011. 560 с.
 (Badli A., Ajzenk M., Anderson M. Memory, St. Petersburg, 2011, 560 p. — In Russ.)
 Мейен С.В. Введение в теорию стратиграфии. М.: Наука, 1989. 212 с.
 (Mejen S.V. Introduction to the Theory of Stratigraphy, Moscow, 1989, 212 p. — In Russ.)
 Норман Д. Память и научение. М.: Мир, 1985. 162 с.
 (Norman D. Memory and Learning, Moscow, 1985, 162 p. — In Russ.)
 Роговин М.С. Проблемы теории памяти. М.: Высшая школа, 2024. 163 с.
 (Rogovin M.S. Problems of Memory Theory, Moscow, 2024, 163 p. — In Russ.)
 Роуз С. Устройство памяти от молекул к сознанию. М.: Мир, 1995. 384 с.
 (Rouz S. The Making of Memory from Molecules to Consciousness, Moscow, 1995, 384 p. — In Russ.)
 Финогентов В.Н. Время, бытие, человек. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та. 1992. 222 с.
 (Finogentov V.N. Time, Being, Man, Ufa, 1992, 222 p. — In Russ.)
 Финогентов В.Н. К онтологии неисчерпаемого универсума. Орёл: Каргуш, 2020. 264 с.
 (Finogentov V.N. To the Ontology of an Inexhaustible Universe, Orel, 2020, 264 p. — In Russ.)
 Целлер Э. Очерк истории греческой философии. М.: Канон, 1996. 336 с.
 (Celler E. An Essay on the History of Greek Philosophy, Moscow, 1996, 336 p. — In Russ.)
 Шенцев М.В. Информационная модель памяти. СПб.: Питер, 2005. 53 с.
 (Shencev M.V. The Information Model of Memory, St. Petersburg, 2005, 53 p. — In Russ.)

TO THE ONTOLOGY OF MEMORY

Valery N. Finogentov

Orel State Agrarian University named after N.V. Parahin,
 Orel, Russian Federation, v_fin@mail.ru

Abstract. The article discusses various forms of memory-continuity and the corresponding theoretical worlds: complete absence of memory-continuity (the world of Cratylus),

absolute memory-continuity (the world of Parmenides), powerful memory that provides an unambiguous connection between the previous and subsequent states of the subject of being (the world of Laplace), memory-continuity that allows for innovations (the world of Bergson). Further, the types of procedurality corresponding to the indicated forms of memory-continuity are analyzed: chaotic procedurality, complete absence of any variability, functioning, innovative procedurality. An assumption is put forward according to which each real subject of being is characterized by all the above-mentioned forms of memory-continuity and types of procedurality. The thesis according to which, within the framework of the indicated assumption, the infinite preservation of the self-identity of any real subject of being is in principle impossible is substantiated. On this basis, a conclusion is made according to which, within the limits of rational (philosophical) discourse, hopes for man and humanity to achieve immortality are unfounded.

Keywords: memory-continuity, Cratylus's world, Parmenides's world, Laplace's world, Bergson's world, immortality

For citation: Finogentov V.N. To the ontology of memory, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 154—164.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Финогентов Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет, г. Орел, Россия, v_fin@mail.ru, SPIN: 2031-4467

Finogentov Valery Nikolaevich — Doctor of Science (Philosophy), Professor of History, Philosophy and Russian language Department, Orel State Agrarian University, Orel, Russian Federation, v_fin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 165—173.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 165—173.

Научная статья
УДК 1(091):165.194
EDN <https://elibrary.ru/bxruyo>
DOI: 10.46726/И.2025.3.18

ФИЛОСОФИЯ ПОНИМАНИЯ: РАННИЕ ФОРМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Елена Николаевна Шульга

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Аннотация. Философия понимания — одно из направлений современной эпистемологии. В эпистемологическом контексте о понимании рассуждают в связи с мышлением, сознанием и познавательной деятельностью. При этом познание как способность человека воспринимать естественный порядок мира и придавать смысл вещам, процессам и событиям как раз и означает ту самую способность понимания, о которой рассуждают философы, придавая этому феномену теоретическое значение и философский смысл. Понимание соотносят не только с познанием, но и с интерпретацией. Причем соотношение понимания и интерпретации квалифицируется как основной предмет философской герменевтики. Исторически наиболее ранние формы интерпретаций, о которых пойдет речь в данной статье, показывают, как шел процесс осмысления содержания того, что понято и чему придавался особо значимый смысл в познании вещей и событий, в понимании образов сновидения, авторитетных высказываний, текстов. На примере различных культурно-исторических традиций истолкования делается вывод о значении понимания устного слова в становлении методологии интерпретации.

Ключевые слова: познание, сознание, понимание, сновидения, образы, традиционные верования, интерпретация

Для цитирования: Шульга Е.Н. Философия понимания: ранние формы интерпретации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 165—173.

Введение. Традиция бережного, адекватного отношения к устному слову, выяснение специфики отношения к интерпретации речи, к пониманию отдельных высказываний и к текстам самого разного содержания — все это оказывает влияние на формирование методологического аппарата философской герменевтики, в центре внимания которой соотношение понимания и интерпретации. Как область философского знания, герменевтика уже на самых ранних этапах своего развития ориентируется на понимание каждого произнесенного вслух слова, авторитетного высказывания, наконец, текста. Мировоззренческая составляющая в понимании контекста услышанного истолковывается в соответствии с тем смыслом, который представляется очевидным, понятным, соответствующим той проблеме, которая обсуждается и по отношению к которой высказывание получает должный смысл и соответствующее истолкование.

Герменевтика существует более 2,5 тысяч лет и в течение этого времени эволюционирует от искусства к теории, сохраняя философский статус в силу самой проблематики, касающейся фундаментальных вопросов соотношения

знания и понимания, понимания и сознания. Зарождение герменевтики как искусства интерпретации связано с многовековой практикой толкования устного слова, произнесенного социально значимым и авторитетным лицом, например, жрецом, оракулом, пророком или священником. На первых этапах истории человечества восприятие мысли, высказанной вслух, понимание того, что сказано особо почитаемым лицом, должно было поддерживать в людях их традиционные верования и при этом обеспечивать социально организованный порядок. В конечном итоге практика истолкования устного слова сформировала сложившуюся в народе культурную традицию, элементами которой становились события, конкретные факты или даже природные явления, которые подвергались истолкованию и понимание значения которых для выживания как раз и оказывало влияние на формирование целостной картины мира.

Понимание в его широком значении обусловлено миропониманием конкретного народа, существующей картиной мира, типичной для этой культуры. В эпистемологическом контексте такой подход к пониманию и интерпретации указывает на существование прямой зависимости между пониманием, способом познания и типом знания, характерного для конкретной культурно-исторической эпохи. Таким образом, предметная область герменевтики определяется не только соотношением понимания и интерпретации, но учитывает в процессе формирования своего методологического аппарата уровень знания и способы познания.

От герменевтики образов сновидения к вопрошанию и пониманию устного слова. К наиболее древним герменевтическим практикам относится толкование образов сновидений. Эта практика была распространена повсеместно, создавая особую культуру отношения к сновидению с его образами и событиями, смысл которых нуждался в разъяснении.

Трепетное отношение человека к наиболее ярким образам сновидений можно объяснить тем, что они воспринимаются как послания свыше — из другого мира — невидимого, но включенного в существующую картину мира. Для человека, видевшего сон, его образы истолковываются сообразно тому, что случается с ним наяву, в реальной жизни, или что ожидает услышать и понять сам человек, рассказывая о своем сне в надежде получить нужную подсказку в принятии жизненно важного решения. Поскольку события сновидения не всегда были понятны человеку, они нуждались в истолковании, т. е. должны были соотноситься с тем, что происходило наяву или что подтверждалось последующими событиями реальной жизни человека.

Например, в древнем Египте были широко распространены практики инкубации — сон в храме в присутствии жреца-толкователя, задача которого состояла в том, чтобы сразу по пробуждении человека расспрашивать его о том, что тому приснилось, и истолковывать этот сон сообразно пониманию образов сновидения и в контексте проблемы, ради которой человек проходил инкубацию. Для народов майя практика получения ответа на задаваемый вопрос была довольно бесчеловечной — девушек майя приносили в жертву, оставляя одних в пещере или бросая в глубокий колодец с водой. Если жертва выживала по прошествии какого-то времени и отвечала на задаваемые вопросы, то жертвоприношение расценивалось как благоприятный знак виртуального путешествия в подземный мир. Во всех случаях получение «божественного послания» укрепляло традиционные верования людей, а истолкование «священного послания» поднимало авторитет толкователя.

Практику получения такого рода знания, его интерпретацию можно характеризовать как опыт коммуникации, направленный на поиск ответов на вопросы, превосходящие простые возможности самого человека.

Интерес к собственным сновидениям, распространение практики толкования образов сновидений объясняется естественной потребностью человека получать сообщения от божества, что типично, например, для античного человека с его верой в сверхъестественное. Дело в том, что античный человек более близок к восприятию божественного участия в его жизни, чем человек современный. Для нас понятие божественного является более трансцендентальным по смыслу, и мы оцениваем все, что происходит в мире, а также события собственной жизни скорее рационально, чем мистически. Поэтому отношение греков к образам сновидений нам может показаться наивным и не заслуживающим внимания. Однако нельзя забывать, что в миропонимании древних греков важную объяснительную функцию первоначально выполняет миф с его многочисленными сюжетами из жизни богов, героев и людей.

Слово «миф» 2,5 тысячи лет тому назад впервые стал использовать Ксенофан, объясняя образным языком те высказывания Гомера и Гесиода, которые воспринимались его современниками как общепринятые истины. Со временем «миф» стали противопоставлять «логосу» и «истории». Понятие «логос» использовалось в объяснении причины вещей, а понятие «история» применялось при сопоставлении событий, которые в действительности имели место. Постепенно «история» приобретает предметную направленность, а термин «логос» получает множественное и широкое использование, в первую очередь у философов для уточнения высказываемого положения или для передачи смысла своего учения.

У греческих философов «Логос» — это «слово», «мысль», «разум», «начало всего», «душа», «космос». Например, «Логос Гераклита это — начало, определяющее все процессы быстротечного мира, рациональная его сущность, сходная с тем, что человек сознает в себе как разум. Эту родственность мышления и “скрытой гармонии” космоса философ подчеркивает, называя и то и другое “Логосом”: “Идя к пределам души, их не найдешь, даже если пройдешь весь путь: таким глубоким она обладает Логосом”; “душе присущ самообогащающийся Логос”. И по аналогии с человеческим разумом Логос мира проявляет себя как “замысел, устроивший все”» [Мень: 112].

Философское объяснение всего, что происходит в жизни человека посредством единственного, хотя и ёмкого по содержанию понятия, по-видимому, не случайно для греческих мыслителей. Скорее всего, это свидетельство преимущества образного мышления над понятийным, что характерно для обычного уровня познания, ориентированного на простое и понятное объяснение событий обычной, повседневной жизни людей. Кроме того, на ранних этапах развития философской мысли многочисленные объяснения сложных явлений и процессов на языке чистых понятий еще только находили свое воплощение, поскольку предельно общие, отвлеченные понятия только оформляются в языке, постепенно создавая философский лексикон. В это же время в познании человека получила распространение идея двойственной природы человека — телесной и духовной. Этим объясняется и сам факт внимательного отношения человека к образам сновидений, в процессе которых душа как бы покидает тело и путешествует вне тела, возвращаясь к человеку с определенными подсказками. Так, Аристотель полагал, что душа является выражением человеческой сущности, и подтверждением этому являются сновидения.

Философ был уверен в том, что во сне душа человека может путешествовать вне тела. При этом образы сновидений как раз и подтверждают существование двойственной природы человека — телесной и духовной, поэтому, согласно Аристотелю, нельзя в резкой форме будить спящего — его душа может не вернуться в тело.

Как элемент герменевтического искусства, истолкование образов сновидений получило собственное оригинальное название — *онирокрисия*, принцип которого формулируется как «переход от вероятного к вероятному» [Фестюжьер: 167]. Под «вероятным», «возможным» следует понимать то, что является истинным, либо будет истинным. В интерпретации сновидения это означает согласование того, что увидено во сне, с тем, что произошло в реальности.

Понятие «онирокрисия» использует Артемидор Эфесский, который написал «Трактат об истолковании снов» в пяти томах, соединив в единый текст описание опыта различных традиций истолкования. Артемидор анализирует сны, которые сбылись, использует образы сновидений для предсказания будущего и выделяет четыре принципа предсказывающей интерпретации образов: «многое через многое», «многое через малое», «малое через многое» и «малое через малое». Он предлагает обращать внимание на буквальное значение образов — это то, что было увидено во сне и что сбылось наяву. Вместе с этим в истолковании сюжета сновидения стоит учитывать его аллегорический смысл.

Аллегорические сновидения сложнее для интерпретации, поскольку явления в них события могут предвещать другие события, что как раз и соответствует принципу перехода от вероятного к вероятному. Поскольку верили, что душа, путешествуя во сне, намекает человеку на что-то, то это «что-то» как раз и становится основанием для аллегорического истолкования.

Каждый образ сновидения имеет свое значение и истолковывается в контексте всей совокупности образов и событий. Для интерпретатора это означает, что в сложных событиях и образах сна следует искать их наиболее значимые элементы и толковать каждый из них в отдельности. Признавая именно такой подход к интерпретации сновидений, Артемидор приходит к необходимости составления «толкового словаря» образов сновидений, воплощение смысла которых в реальной жизни человека подтверждает уместность того или иного их толкования. Например, животные, увиденные во сне, интерпретируются с точки зрения проявления их природных качеств (дикость волка и кабана, хитрость лисы и кота, необузданность и скорость бега коня). Тот же образ коня из сновидений используется в платоновской философии, но уже как метафора, указывающая на понимание философом природы человеческой души. Такое образное описание сложной природы человеческой души согласуется с принципом интерпретации «многое через малое» в типологии Артемидора.

Принципу интерпретации «многое через малое» соответствует истолкование Сократом сна, который он увидел накануне казни и о котором поведал своему ученику Критону. Вот как этот эпизод описывает Платон в диалоге «Критон».

Придя в темницу к Сократу и застав того спящим, Критон, дождавшись его пробуждения, сообщил, что скоро прибудет корабль с Делоса, а это значит, что заканчивается отсрочка его казни и нужно бежать из темницы, пока не поздно. Кроме того, друзья сочтут позором для себя, если не спасут учителя.

Сократ. В таком случае я думаю, что придет не сегодня, а завтра. Закрываю же я это из некоторого сна, который видел этой ночью незадолго перед тем, как проснулся, и, пожалуй, было кстати, что ты не разбудил меня.

Критон. А какой же это был сон?

Сократ. Мне казалось, что подошла ко мне какая-то прекрасная и величественная женщина в белых одеждах, позвала меня и сказала: «В третий ты день, без сомнения, Фтии достигнешь холмистой».

Критон. Какой странный сон, Сократ!

Сократ. А ведь смысл его как будто ясен, Критон. [Платон: 98].

Итак, аллегорический образ прекрасной женщины в белых одеяниях в сновидении Сократа связан со словами из Гомера о скором возвращении на родину. Смысл этих слов Сократ понимает не трагически, но буквально. Он абсолютно уверен в истинности своего пророческого сна, поэтому о побеге даже не помышляет. Сократ приводит множество доводов этому и находит свой главный аргумент — бегство будет нарушением законов, а он сам требовал их соблюдения, утешая тем Критона и своих учеников, которые присутствовали при казни. Последние его слова: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте».

Почему Сократ вспоминает Асклепия в последние минуты жизни? Как известно, в греческой мифологии Асклепий — бог врачевания. Он исцеляет, и он же возвращает к жизни. Греческая традиция требует после исцеления приносить богу врачевания дар — таким даром как раз и является петух, утреннее пение которого будит людей, возвращает к новой жизни.

Вера в то, что посредством образов сновидения можно получить предсказание, была довольно распространенной в эпоху античности и даже в более поздние эпохи. Так, Гален — знаменитый врач и философ, живший при дворе Марка Аврелия — был уверен в том, что сновидения могут информировать о болезни и давать подсказку ее лечения.

Объясняя появление образов сновидений на сущностном уровне, Демокрит характеризует их появление как «моментальное схватывание», подразумеваемая способность человека не только видеть сон, но и запоминать его, делая выводы по отдельным знакам или внешним приметам, их потенциальному влиянию на восприятие тех событий, которые происходят (или в скором времени произойдут) в реальной жизни человека. Рассуждая в контексте философии понимания, следует обратить внимание на то, что эпистемологический смысл образов сновидения, воспринятых и понятых человеком, связан с переходом от символического восприятия к рациональному объяснению, благодаря которому сновидение как раз и осознавалось таковым. В концепции Демокрита акт «моментального схватывания» можно характеризовать как отражение в сознании человека впечатления от того значения, которое сам человек придает увиденному во сне, ассоциируя эти образы и знаки с внешними предметами, оценивая их потенциальное влияние на возможные жизненные ситуации или события.

От практики вопрошания к искусству истолкования. Устойчивый интерес человека к получению знания сверхчувственным образом подтверждает сам факт повсеместного распространения практики вопрошания. Наиболее примитивным способом вопрошания является простое угадывание, например, по небесным знамениям, природным явлениям и приметам, по неожиданно сказанному слову или упавшему предмету, по линиям на ладони руки, по причудливым отражениям горящего светильника, наконец, по текстам Гомера и Гесиода. Интерес к знанию, получаемому сверхчувственным путем, подтверждает распространение по всей ойкумене святилищ, где осуществлялись прорицания. Наиболее известные — это оракул Аполлона в Дельфах, Зевса в Додоне,

Олимпии и в Ливии, где вопрошавший проводил ночь в храме в надежде получить во сне откровение или исцеление.

Наряду с оракулами эллины с большим почтением относились к провидческому дару отдельных пророков, чьи прорицания не зависели от священного места и ритуала, но были личным достоянием самого прорицателя. Общение с ними предполагало умение коротко и ясно сформулировать вопрос с целью постичь тайну божественного замысла или заглянуть в свое будущее. В античной культуре способы получения такого рода откровений и их истолкование приравнивались к искусству как проявлению высшего мастерства в сочетании с природным даром — умением в доступной форме передавать другим крупницы высшей мудрости. Такое искусство получило собственное название «мантика».

Образы сновидений, прорицания оракулов, изречения пророков составляют виды мантического искусства или дивинации, которые со временем были систематизированы по хронологическому принципу, но без их авторской принадлежности. Особую роль в искусстве истолкования занимали «профеты» — собиратели, хранители и толкователи древних изречений. Их еще называли «хресмологи», чья миссия состояла в сохранении древних изречений, определении их адресата и времени создания прорицания (например, изреченного Пифией из Дельф), а также в разъяснении его смысла.

Что касается личности Пифии как носительницы истинного пророческого дара, то Плутарх, который долгое время жил в Дельфах и был жрецом в святилище Аполлона, рассказывает о Пифии так: «Ведь не богу принадлежит и голос, и речь, и выразительность, и ритм, а женщине; он лишь дает образы и зарождает в душе ее свет, открывающий будущее, — ведь это и есть вдохновение» [Приходько: 190]. Пифия (а это культовое имя жриц Дельфийского оракула), сообщая божественное откровение, по сути дела, выполняла функцию пророка, активно привлекая свой разум и всю свою человеческую природу для того, чтобы передать иносказательный смысл образов незримого мира разумным и понятным земным языком.

До наших дней дошло сто сорок семь Дельфийских максим, смысл которых вполне очевиден. Например: «почитай Богов», «чти родителей», «выучив, познай», «знай себя», «чти домашний очаг», «помогай друзьям», «упражняйся в благоразумии», «поступай справедливо», «ничего сверх меры», «стань носителем мудрости», «используй то, что имеешь», «избегай вражды», «презирайте зло», «восхищайся прорицаниями», «уважай себя»^{*}. Как можно заметить, Дельфийские максимы обращены непосредственно к человеку; они наполнены этическим смыслом и могли быть истолкованы пророком в контексте той конкретной проблемы, с которой вопрошающий обращался к Дельфийской Пифии. Ясность понимания высказываний оракула зависела от их интерпретации, осуществляемой в контексте задаваемого вопроса или проблемы. В миропонимании греков, общечеловеческая направленность и эпистемологическая ценность Дельфийских максим возвышала их статус до уровня пророчеств, смысл которых следовало правильно истолковывать. Нацеленность истолкования на понимание сути волновавшей человека проблемы в конечном итоге была связана с самопознанием — с размышлением о самом себе и получении знания о себе.

^{*} Delphic Maxims for Modern Followers, translated by Melissa Gold of Hellenion. URL: <https://www.hellenion.org/essays-on-hellenic-polytheism/delphic-maxims/> (accessed: 28.06.2025).

Пророчества хресмолога представляли собой сокровенные высказывания, наполненные божественной мудростью, доступной пониманию обычного человека, но могли быть связаны и с повествованием о событиях старины. Причем словосочетание «пророчество хресмолога» указывало как на личность конкретного человека, так и на содержание того, о чем шла речь, т. е. на «пророчество» или «откровение», например, о будущем. В дальнейшем этот принцип смыслового употребления лег в основу комментирования текстов Священного Писания и получил новое семантическое употребление, указывая на слова Бога, которые следовало понимать буквально так: «вверено слово Божие», а также характеризовать откровения как «живые слова» Его пророков.

Итак, изучение ранних практик толкования позволяет сделать вывод, что изначально они ориентировались на то, чтобы уловить скрытый подтекст в высказываниях оракулов и пророков. Эти высказывания имели отношение к определенному типу знания, сопричастному мудрости, как ее понимали греческие философы. Поэтому роль толкователя состояла как раз в том, чтобы уловить в Слове тот высший смысл, который тождествен мудрости, и затем должным образом донести эту мудрость до понимания ее другими людьми. Такой подход стал одним из первых методов античной герменевтики, задача которой состояла в том, чтобы правильно объяснить смысл высказывания, выявить его скрытый смысл в соответствии с контекстом. Этот же подход широко использовался в интерпретации образов и сюжетов греческой мифологии, а позднее — в библейском экзегезисе, где на первое место выходит проблема понимания истин вероучения при сохранении устойчивого интереса к пониманию природы божественного и человеческого.

Особенность истолкования, присущая конкретным конфессиям, регламентировала отношение к Библии, к пониманию истинного значения каждого фрагмента текста. Искусство истолкования на этом его этапе характеризуется как переход от восприятия устного слова как священного — к пониманию текста как божественного откровения.

Сопоставление различных практик истолкования позволяет представить общую картину формирования философско-методологического аппарата герменевтики. Развитие герменевтики происходило на фоне длительной истории споров и дискуссий между язычниками и иудеями, между иудеями и христианами, где каждый отстаивал собственный взгляд на вероучение и тем самым стремился сохранить незыблемой истинность вероучения. Так, язычники воспринимали иудаизм как «варварское суеверие» на том основании, что это была замкнутая религия «избранного народа». Язычникам было непонятно, почему Бог, творец Вселенной удостоил своей милости только один народ. Христиане же, напротив, распространяли идею «веры среди всех народов» (Римл. 1:5).

Идеологические состязания между евреями и христианами происходили с единственной целью — найти аргументы, раскрывающие содержание книг Библии в соответствии с вероучением. Еврейские учителя обосновывали доказательства и принципы своей веры посредством толкований. Они настаивали на том, что толкование Писания должно совершаться устно и «даже в субботу — основной день изучения Писания для народа — его толкование должно совершаться только устно» [Гиршман: 27]. Проповедник же должен умело использовать аргументацию, чтобы достичь трех целей: убедить, научить и расположить к себе аудиторию, привлечь внимание слушателей и «притянуть их сердца».

С распространением христианства традиция устной проповеди не потеряла своего значения. Наличие в текстах Нового Завета арамейских слов,

следовательно, влияние семитизмов на язык новозаветного писания стимулировали формирование узаконенного отношения к языку Библии, к смыслу каждого слова, что как раз и явилось первым (универсальным) герменевтическим правилом интерпретации текстов.

Например, слово «Пасха», *песах* (т.е. *переходить*) указывало на первый день перед исходом израильтян из египетского плена. Закрепившееся в сознании народа уважение к празднику Пасхи было так велико, что вошло в обычай на Пасху отпускать одного узника по указанию народа. Первые христиане отождествляли «жертву» Пасхи с «жертвой» Иисуса, который был распят во время Пасхи или непосредственно перед Пасхой и находили неоспоримое свидетельство этому в том, что само это слово, как и событие истории, подразумевали страдания Спасителя, «сына Божьего». В иудейской традиции так называли человека, который ведет праведную жизнь, следуя законам и традиции. Для христианина понятие «сын Божий» имеет отношение исключительно к одной единственной личности.

Заключение. Приведенные примеры указывают на факт сохранения многовековой традиции бережного отношения к устному слову, обладающему должным авторитетом. Такое отношение к слову, устному высказыванию, сохраняет актуальность для теории интерпретации, составляя ядро современной философской герменевтики. Оценка практик прошлого опыта истолкования позволяет перечислить некоторые универсальные правила, которых должен придерживаться комментатор: 1) соотносить то, что ясно, к тому, что туманно; 2) соотносить логически когерентное (логически взаимосвязанное) к тому, что оказывается логически противоречивым; 3) принимать во внимание диапазон автора по отношению к его творению. Как можно заметить, эти правила вполне применимы к текстам самого разного содержания. Однако современный опыт философско-герменевтической интерпретации текстов превосходит древние традиции истолкования по нескольким позициям. Современный интерпретатор обращает внимание на слова, понятия и понимание их смысла в контексте фразы или фрагмента текста, но также определяет цель, ради которой написано произведение, научный, философский текст или книга, опираясь в своих выводах на текстуальную критику. Исследователь учитывает историческую информацию (биографию автора, культурную среду и т. д.), сопоставляет различные мнения, оценки, систематизирует знания, полученные из разных источников, и формулирует собственную философскую концепцию. Таким образом осуществляется преемственность знания.

Список литературы / References

- Гиршман М. Еврейская и христианская интерпретация Библии в поздней античности. М.: Мосты культуры, 2002. 183 с.
(Hirschman M. Jewish and Christian Bible Interpretation in Late Antiquity, Moscow, 2002, 183 p. — In Russ.)
- Мень А. (протоиерей). Дионис, Логос, Судьба. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. 396 с.
(Men A. (archpriest). Dionysus, Logos, Destiny, Moscow, 2002, 396 p. — In Russ.)
- Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 97—110.
(Plato. Cratylus, *Plato. Collected Works: in 4 vols*, ed. by A.F. Losev, Moscow, 1990, vol. 1, pp. 97—110. — In Russ.)
- Приходько Е.В. Двойное сокровище: М.: Прогресс—Традиция, 1999. 592 с.
(Prikhod'ko E.V. Double Treasure, Moscow, 1999, 592 p. — In Russ.)

Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. СПб.: Алетейя, 2000, 253 с.
(Festugière A.-J. Personal Religion among the Greeks, St. Petersburg, 2000, 253 p. — In Russ.)

PHILOSOPHY OF UNDERSTANDING: EARLY FORMS OF INTERPRETATION

Elena N. Shulga

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Abstract. The philosophy of understanding is one of the directions of modern epistemology. In an epistemological context, understanding is discussed in connection with thinking, consciousness, and cognitive activity. At the same time, cognition as the ability of a person to perceive the natural order of the world and to give meaning to things, processes and events means the very ability of understanding that philosophers talk about, attaching to this phenomenon theoretical significance and philosophical meaning. Understanding is correlated not only with cognition, but also with interpretation. The relationship between understanding and interpretation is qualified as the main subject of philosophical hermeneutics, whose methodological basis is aimed at studying this correlation. Historically, the earliest forms of interpretation, which will be discussed in this article, show how the process of comprehension of the content of what is understood and which was endowed with a particularly significant meaning in the cognition of things and events, in the understanding of dream images, authoritative statements, and texts took place. By the example of various cultural and historical traditions of interpretation, a conclusion is drawn about the importance of understanding the spoken word in the developing of the methodology of interpretation.

Keywords: cognition, consciousness, understanding, dreams, images, traditional beliefs, interpretation

For citation: Shulga E.N. Philosophy of understanding: early forms of interpretation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 165—173.

Статья поступила в редакцию 11.05.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 11.05.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Шульга Елена Николаевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com, SPIN: 2114-8054

Shulga Elena Nikolaevna — Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 174—180.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 174—180.

Научная статья

УДК 1:330.1:502.1

EDN <https://elibrary.ru/chputs>

DOI: 10.46726/И.2025.3.19

ФИЛОСОФИЯ КОСМОПЛАНЕТАРНОЙ ЭКОНОМИКИ: ЭКОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Алена Алексеевна Артемьева, Григорий Станиславович Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

a.a.odintsova@mail.ru, gssmirnov@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость философского осмысления космопланетарной экономики. Синтез космической и планетарной экономики представлен в биосферном (глобально-экологическом) контексте, основы которого были заложены классическими трудами академика В.И. Вернадского. Философия русского космизма (от С.А. Подолинского до Н.Н. Моисеева), философия «экономики ноосферы» (Л. Ларуш), философия человеческой революции (А. Печчеи) позволили осмыслить проблемы космопланетарной экономики в контексте подхода человечества к точке бифуркации в середине XXI века. Отмечена эвристичность эконологического дискурса анализа современного экономического уклада. Сделан вывод о несоответствии современной экономики в ее космопланетарном измерении прежним теоретическим конструкциям. Обосновано, что космопланетарная экономика, состоявшаяся понятийно, выходит на уровень метатеоретического постулирования.

Ключевые слова: мировая экономика, глобальная экономика, космическая экономика, космопланетарная экономика, эконология, большой экономический универсум

Для цитирования: Артемьева А.А., Смирнов Г.С. Философия космопланетарной экономики: эконологическая репрезентация // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 174—180.

Вместо введения: «космизация экономики». В актуальных социально-философских исследованиях существенное внимание уделяется хозяйственному измерению бытия человечества. Масштабирование хозяйственной деятельности интенсифицирует интерес к феномену «космической экономики».

Термин «космическая экономика» широко распространен в литературе. Как правило, данное понятие отождествляется с категорией «космическая отрасль экономики», сущность которой определяется материальной, технико-технологической составляющей индустрии. «Коммерческая космическая деятельность постепенно усложняется, создает новые возможности для научно-технического и технологического развития в различных отраслях экономики» [Черных: 91]. Как следствие, космическая деятельность становится необходимым условием сохранения государственного суверенитета как в военно-политическом аспекте, так и в сфере информационной безопасности [Тур, Мелешко]¹.

© Артемьева А.А., Смирнов Г.Г., 2025

¹ Заметим, если ранее перед космической отраслью экономики стояли преимущественно политические цели, и доля государств в космической деятельности составляла 100%, то на сегодняшний день существенно возросло участие в ней частного бизнеса (по

Подход к исследованию космической экономики постепенно усложняется. В частности, А.А. Яник отмечает, что «мировое сообщество ... все чаще рассматривает эту сферу не как совокупность различных видов деятельности, “связанной с непосредственным проведением работ по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела”, а как сложную систему, целостный феномен» [Яник]. Подобная логика преодолевает прагматический, коммерческий подход к осмыслению космической хозяйственной деятельности: «вычленение сферы экономических отношений, связанных с космосом, является целесообразным еще и потому, что в процессе исследования, освоения и использования космоса создаются все новые экономические ценности...» [Там же]. Иными словами, феномен космической экономики рассматривается, кроме прочего, в его аксиологическом измерении.

Концепт космопланетарности и экология. Реалии хозяйствования человечества в биосфере, а также опыт его предшествующей деструктивной деятельности на планете остро ставят проблему ценностного осмысления взаимосвязи планетарного и космического хозяйства. При этом «космопланетарность» экономики должна рассматриваться с позиции возникновения нового системообразующего свойства хозяйствования, меняющего структуру и элементный состав последнего.

Уже С.А. Подолинский исходил из тесной взаимосвязи космоса и земной деятельности человека. По его мнению, умственный труд по природе своей космичен и представляет единственный путь увеличения энергетического бюджета человечества [Подолинский: 156]. Философский поэзис «космопланетарного всеединства» на языке научного дискурса озвучил В.И. Вернадский, который рассматривал человека как «неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение, по крайней мере, двух миллиардов лет» [Вернадский 1991: 21]. А закономерный этап этого процесса — переход биосферы в ноосферу — «требует проявления человечества, как единого целого» [Вернадский 1988: 35].

Интенсивное проникновение экологического знания в сферу хозяйствования позволило существенно расширить традиционную предметную область экономического знания, превратив ее в область экологическую [Реймерс], обеспечив исследование человеческой активности на Земле с позиций биоцентризма в противовес доминировавшей в течение длительного времени парадигмы радикального антропоцентризма.

Одним из первых гуманистический образ «космопланетарной экономики» создал А. Печчеи, в которой определяющую роль играет «единое» человеческое качество в контексте человеческих качеств миллиардов людей планеты [Печчеи]. Большое значение для развития экологических представлений имеет концепция универсального эволюционизма [Моисеев], вновь соединяющая разделенных историей биосферу и человека. «Если первой фундаментальной бифуркацией процесса эволюции космического тела, планеты Земля, я назвал появление ЖИЗНИ, то второй — естественно назвать рождение РАЗУМА» [Там же: 163]. Коэволюция природы и общества предполагает «качественно новые принципы отбора, формулируемые Разумом» [Там же]. В итоге понятие

некоторым оценкам — до 80 %), а ее задачи существенно расширились [Щегринев, Золкин, Шамина, Рябкова: 404]. В частности, активно развивается направление космического туризма в различных его формах: орбитальной, суборбитальной, лунной и стратосферной [Ефимова: 6].

«космопланетарная экономика» в значительной степени может рассматриваться как терминологическое продолжение формулы В.П. Казначеева «человек как космопланетарный феномен» [Казначеев, Спирин], ибо бытие человека прежде, чем оно станет «вселенским», должно проявить свойство «космопланетарности».

Ноосферным пафосом космопланетарную проблематику наполнил Л. Ларуш, соединив непримиримую критику глобального американского капитализма с обоснованием исторических предпосылок формирования образа «экономики ноосферы» [LaRouche]. Л. Ларуш исследовал и собственно космическую экономику, отмечая высокое значение хозяйственной функции разумного человечества за пределами планеты Земля. Он предложил идею распространения принципов планетарной «базовой экономической инфраструктуры» на создание синтезированных естественных, земных условий в космосе², ибо полагал, что, разум человека способен вывести планетарные биосферные принципы на новый уровень космопланетарного хозяйства.

Современная экология и биоцентризм. Современные исследования исходят из того, что «условием устойчивого развития является сопряжение хозяйственной деятельности с естественными процессами биосферы как космопланетарного феномена» [Сухорукова, Погорелый, Самороков 2017: 208]. Получает свое развитие концепция «космопланетарной» обусловленности эволюции биосферы, где последнюю предлагается рассматривать «в системе космоприродного единства как единого энергоинформационного пространства» [Сухорукова, Погорелый, Самороков 2020: 45]. В аксиологической плоскости обосновывается понятие «космоэкологическая нравственность» [Там же]. Очевидно, что исследования «космопланетарной экономики» обретают философскую фундированность, получая онтологическое, аксиологическое и праксеологическое основания³.

Верифицируется и концепция биоцентризма, получая новые толкования. Возникают представления о «наивном» и «осознанном» биоцентризме [Штофер], «биоцентризме» и «экоцентризме» (как крайнем направлении биоцентризма) [Коваль]⁴. Биоцентризм включает в себя ряд антропоцентристских установок: человек принимает на себя роль всеобщего законотворца, определяя наилучшие параметры взаимодействия с окружающей средой [Шишкина: 203]. Бинарный подход к биоцентризму «оставляет», фактически, два ключевых направления: радикальное (утверждающее полный отказ от достижений техники, а при необходимости — также допускающий уничтожение или самоуничтожение отдельных индивидов в интересах сохранения биологического многообразия [Коваль: 107]) и умеренное (предполагающее лишение человека статуса «царя природы» и наделение его экологической

² Л. Ларуш убежден, что, когда люди находятся за пределами планеты месяцы и более, человечество не может бесконечно полагаться на, так называемое, «искусственное поддержание жизни»: необходимо использовать естественные, природные принципы, чтобы создавать в космосе биосферно-подобные процессы [LaRouche: 167].

³ Несмотря на то, что понятие «космическая экономика» более востребовано, фактически, исследования обладают пафосом космопланетарности.

⁴ В литературе представлены попытки отождествления биоцентризма с радикальным антитехницизмом [Шишкина], которому противопоставляется «глубинная экология» [Naess]. Последняя представляет собой «реальный шанс для коэволюции биосферы и общества, для воплощения ноосферной концепции» [Шишкина: 202].

ответственностью за благополучие всех живых существ, признание внутренней ценности экосистемы и ее отдельных элементов, независимо от человеческих интересов).

На наш взгляд, умеренный вариант биоцентризма является должным ценностным основанием конституирования космопланетарной экономики. Очевидно, что во всем биоразнообразии не может не быть иерархии, заданной самой природой, поэтому человека, наделенного сознанием, естественным разумом, открывающим определенные горизонты предвидения, справедливо назвать «первым среди равных» акторов в этой системе. Оценка прав человека и природы с позиций биоцентризма в рамках хозяйственной деятельности неизбежно перемещается с линейной причинно-следственной направленности в динамическое и системное осмысление взаимодействия человека и окружающей среды.

Эконология в контексте нообиогеохимических принципов. Особая — системообразующая — роль человека в биосфере-ноосфере во многом обуславливается действием энергии человеческой культуры [Вернадский 1991: 126]. Так, и эконология «подчиняется» действию ноогенных биогеохимических принципов [Смирнов 2011], которые показывают, что ноогенез неизбежно связан с возрастанием и масштабированием культурной биогеохимической энергии, в том числе, за пределами Земли (ср. [Там же: 81]), а выживание человечества находится в тесной связи с поиском условий ноосферного развития (ср. [Там же: 81]). Вместе с тем, заявленный аттрактор недостижим при сохранении прежних стереотипов мышления и требует комплексного осмысления условий бытия человечества, сложного, космопланетарного мышления. Ноогенность космопланетарной экономики противопоставляется длительное время господствовавшей техногенной направленности хозяйственного развития человечества, редукционизм которой, в конечном счете, породил глобальные проблемы современности и поставил под угрозу перспективы выживания человека (в том числе, его телесности, мозга, психики) [Лекторский].

Вместо заключения. «Большой экономический Универсум» в его космопланетарном измерении и сверхсложности уже не подчиняется созданным ранее теоретическим конструкциям. Состоявшись понятийно, космопланетарная экономика выходит на уровень метатеоретического постулирования через образы «экономики ноосферы» [LaRouche], «ноосферной экономики» [Субетто]. Значимость осмысления феномена определяется как универсумным масштабом исследуемого концепта, так и возрастающей необходимостью наполнения современной мирохозяйственной деятельности аксиологическими и праксеологическими компонентами (ноосферным содержанием), острой потребностью в разработке разумных, наукоемких императивов космопланетарной активности человечества. Представляется, что именно ноосферная формула ценностной репрезентации космопланетарной экономики должна быть положена в основу устойчивого и гармоничного развития будущего человечества.

Список литературы / References

- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с. (Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist, Moscow, 1988, 520 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Ефимова Е.А. Космический туризм: новейшая отрасль мировой экономики // Мир новой экономики. 2024. № 18 (2). С. 6—16.

- (Efimova E.A. Space Tourism: the Emerging Industry of the World Economy, *The World of the New Economy*, 2024, no. 18 (2), pp. 6—16. — In Russ.)
- Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 304 с.
- (Kaznacheev V.P., Spirin E.A., *Cosmoplanetary phenomenon of a man: The problems of complex study*, Novosibirsk, 1991, 304 p. — In Russ.)
- Коваль Е.А. Нормативность экологической ответственности в контексте антропоцентризма, биоцентризма и эоцентризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2 (50). С. 105—108.
- (Koval E.A. Normalization of ecological responsibility in context of anthropocentrism, biocentrism and eco-centrism, *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history, Questions of theory and practice*, 2014, no. 12-2 (50), pp. 105—108. — In Russ.)
- Лекторский В.А. Наука. Технологии. Человек // Социология. 2015. № 4. С. 75—77.
- (Lektorsky V.A. Science. Technologies. Man, *Sociology*, 2015, no. 4, pp. 75—77. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: МГВЛ КОКС, 1995. 376 с.
- (Moiseev N.N. Modern rationalism, Moscow, 1995, 376 p. — In Russ.)
- Никитенко П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. Минск: Наука, 2006. 479 с.
- (Nikitenko P.G. Noospheric economy and social policy: strategy of innovative development, Minsk, 2006, 479 p. — In Russ.)
- Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.
- (Peccei A. The human quality, Moscow, 1980, 302 p. — In Russ.)
- Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Белые Альвы, 2005. 160 с.
- (Podolinsky S.A. Human labor and its relation to the distribution of energy, Moscow, 2005, 160 p. — In Russ.)
- Реймерс Н.Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
- (Reimers N.F. Nature management, Moscow, 1990, 637 p. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Семиотические основания эволюции универсума // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 3. С. 80—84.
- (Smirnov D.G. Semiotic Foundations of the Evolution of the Universe, *The Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*, 2011, vol. 17, no. 3, pp. 80—84. — In Russ.)
- Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма. СПб.: Астерион, Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 108 с.
- (Subetto A.I. The manifesto of noosphere socialism, St. Petersburg, 2011, 108 p. — In Russ.)
- Сухорукова С.М., Погорелый А.М., Самороков А.В. Изменение концептуальных подходов к изучению проблем хозяйственного природопользования в России // Российский технологический журнал. 2017. Т. 5, № 3. С. 202—209.
- (Sukhorukova S.M., Pogorely A.M., Samorokov A.V. Change of conceptual approaches to study of problems of economic natural resources management in Russia, *Russian Technological Journal*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 202—209. — In Russ.)
- Сухорукова С.М., Погорелый А.М., Самороков А.В. К вопросу об эколого-экономической безопасности информационных технологий // Экономика и управление инновациями. 2020. № 2. С. 45—53.
- (Sukhorukova S.M., Pogorely A.M., Samorokov A.V. On ecological and economic security of information technologies, *Economics and Innovation Management*, 2020, no. 2, pp. 45—53. — In Russ.)
- Тур А.Н., Мелешко Ю.В. Космическая экономика как отрасль хозяйствования // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей. Минск: БНТУ, 2016. С. 113—123.

- (Tur A.N., Meleshko Yu.V. Space economy as a branch of management, *Economic science today: collection of scientific articles*, Minsk, 2016, pp. 113—123. — In Russ.)
- Черных В.В. Место России в глобальной космической экономике // *Экономические отношения*. 2016. № 4. С. 79—92.
- (Chernykh V.V. The place of Russia in global space economy, *Economic relations*, 2016, no. 4, pp. 79—92. — In Russ.)
- Шишкина А.А. Основные виды современной экологической этики: антропоцентризм и биоцентризм // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 6-1 (44). С. 202—204.
- (Shishkina A.A. Main types of modern ecological ethics: anthropocentrism and biocentrism, *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2014, no. 6-1 (44), pp. 202—204. — In Russ.)
- Штофер Л.Л. Трансформация парадигмы сознания: антропоцентризм/биоцентризм как детерминанты материально-практической деятельности // *Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра: ежегодный сборник научных статей*. Ростов-на-Дону: ИПК РГЭУ (РИНХ), 2021. С. 79—90.
- (Shtofer L.L. Transformation of the paradigm of consciousness: anthropocentrism/biocentrism as determinants of material and practical activity, *Philosophical problems: yesterday, today, tomorrow*, Rostov-on-Don, 2021, pp. 79—90. — In Russ.)
- Щегринцев М.А., Золкин А.Л., Шамина С.В. и др. Трансформация мировой экономики под воздействием космических технологий // *Экономика и предпринимательство*. 2024. № 1. С. 404—407.
- (Shchegrinets M.A., Zolkin A.L., Shamina S.V. & others. Transformation of the world economy under the influence of space technologies, *Economics and entrepreneurship*, 2024, no. 1, pp. 404—407. — In Russ.)
- Яник А.А. Космическая трансформация экономики: предвестники и тенденции // *Исследования космоса*. 2019. № 1. С. 1—14.
- (Yanik A.A. Space Transformation of the economy: harbingers and trends, *Space research*, 2019, no. 1, pp. 1—14. — In Russ.)
- LaRouche L.H. *The Economics of the Noosphere*, Washington D.C., 2001, 329 p.
- Naess A. The Shallow and the Deep, Long-Range Ecology Movement. A Summary, *Inquire*, 1973, vol. 16, pp. 95—100.

THE PHILOSOPHY OF THE COSMOPLANETARY ECONOMY: ECOLOGICAL REPRESENTATION

Alena A. Artemyeva, Grigory S. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
a.a.odintsova@mail.ru, gssmirnov@mail.ru

Abstract. The article substantiates the need for a philosophical understanding of the cosmoplanetary economy. The synthesis of space and planetary economies is presented in the biosphere (global-ecological) context, the foundations of which were laid by the classical works of academician V.I. Vernadsky. The philosophy of Russian cosmism (from S.A. Podolinsky to academician N.N. Moiseyev), the philosophy of the “economy of the noosphere” (L. LaRouche), the philosophy of human revolution (A. Peccei) made it possible to comprehend the problems of the cosmoplanetary economy in the context of humanity's approach to the bifurcation point in the middle of the 21st century. The heuristic nature of the ecological discourse of the analysis of the modern economic structure is noted. A conclusion is made about the discrepancy between the modern economy in its cosmoplanetary dimension and previous theoretical constructs. It is substantiated that the cosmoplanetary economy, having taken place conceptually, reaches the level of metatheoretical postulation.

Keywords: world economy, global economy, space economy, cosmoplanetary economy, eonology, great economic universum

For citation: Artemyeva A.A., Smirnov G.S. The philosophy of the cosmoplanetary economy: eonological representation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 174—180.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 30.05.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Артемяева Алена Алексеевна — стажер-исследователь НОЦ «Комплексные ноосферные исследования», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, a.a.odintsova@mail.ru, SPIN: 9106-3263

Artemyeva Alena Alekseevna — trainee-researcher of the of the Complex Noospheric Research Center, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, a.a.odintsova@mail.ru

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, руководитель НОЦ «Комплексные ноосферные исследования», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, gssmirnov@mail.ru, SPIN: 5871-5807

Smirnov Grigory Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Complex Noospheric Research Center, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, gssmirnov@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 181—190.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 181—190.

Научная статья

УДК 1-053.2(091)"19"

EDN <https://elibrary.ru/cwjhzn>

DOI: 10.46726/И.2025.3.20

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЛИЧНОСТНО-ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (XX ВЕК). Часть 2*

Роман Владимирович Шорин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, romanshorin@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявить специфику неакадемической философии через обращение к пятерке философов неакадемического направления XX века. Автор предлагает соответствующую типологию — концептуальные вариации неакадемической философии, определенные на основе личностно-персоналистического подхода. Показано, что именно такая методология способствует лучшему пониманию роли и значению неакадемической философии в целом как социокультурного феномена. Пять персоналий — Людвиг Витгенштейн, Альбер Камю, Мартин Хайдеггер, Николай Бердяев и Мераб Мамардашвили — рассматриваются как воплощения пяти характерных типов или типажей неакадемического философствования — философ-нонконформист, философ-бунтарь, философ-отшельник, философ-изгнанник и философ-артист (оратор, учитель). Заявлено, что неакадемическая философия не исчерпывается данным типами-типажами, однако их исследование позволяет выявить специфику рассматриваемого феномена в целом, а также обосновать само его наличие в социальном и культурном пространствах. Подчеркивается, что разделение философии на академическую и неакадемическую не носит абсолютного характера. Автор делает вывод об актуальности и востребованности более глубокого изучения неакадемической философии как значимого социокультурного феномена. Зафиксировано, что этот феномен оказывает существенное влияние на общество и общественную мысль, занимая свою незаменимую нишу.

Ключевые слова: философия, неакадемическая философия, академическая философия, социокультурный феномен, типологизация, репрезентация

Для цитирования: Шорин Р.В. Неакадемическая философия: личностно-персоналистическая репрезентация (XX век). Часть 2 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 181—190.

Мартин Хайдеггер. Философ-отшельник. Поскольку появление этого немецкого философа в нашем обзоре может вызвать недоумение (человек, какое-то время занимавший пост ректора университета, — неакадемический философ?), сразу оговоримся, что речь будет идти о позднем Хайдеггере. Точкой водораздела здесь будет окончание Второй мировой войны, когда Мартин Хайдеггер (1889—1876) был лишен права преподавать (восстановлено в 1951 году) и поменял как свой образ жизни, так и манеру своего философствования.

Отметим, впрочем, что даже в период, прошедший под знаком «Бытия и времени», работы Хайдеггера были довольно неакадемичны как минимум

*Окончание. Начало см.: Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 150—157.

© Шорин Р.В., 2025

с точки зрения языка: даже в своих ставших классическими трудах мыслитель использовал диалектную немецкую речь. Более того, в том числе и на ее основе Хайдеггер создал свой собственный язык, а стало быть, выстроил и свою уникальную манеру философствования, специфичность которой указывает скорее на неакадемичность, нежели на обратное. Добавим, что язык, на котором философствовал Хайдеггер, настолько уникален, что перевод с него «строго говоря, невозможен» [Бибихин: 13]. Вспомним также, что на протяжении всей своей жизни мыслитель писал стихи (всего около 500 стихотворений).

Знаменитый поворот (Kehre) Хайдеггера, то есть пересмотр подходов, изложенных в «Бытии и времени», это во многом поворот именно к поэтическому философствованию. Современниками он был встречен с непониманием, поскольку популярная тогда феноменология утверждала философию как стремящуюся к научной строгости своих построений. Сам же Хайдеггер неоднократно подчеркивал, что поэзия и мышление пребывают в соседстве. Также он замечал, что философия и поэзия обитают на удаленных друг от друга вершинах, которые, тем не менее, близки друг другу в своей близости бытию [Хайдеггер 1991: 154].

В своей работе переходного периода — трактате «О сущности истины» — Хайдеггер заявляет об истине как об «открытости», явным образом противопоставляя свой подход классической и академической интерпретации истины как адекватного описания объекта или явления, как правильного суждения. Здесь же мыслитель характеризует философское мышление следующим образом — это «спокойствие кротости, которая не изменяет сущему в целом в его сокрытости». Или вот еще одно определение — это «решимость, характеризующая строгость, которая не взрывает укрытие, а принуждает беззащитную сущность выйти в простоту понятийного и таким образом в ее собственную истину» [Там же: 26]. Согласимся, что сама стилистика носит здесь подчеркнуто неакадемический характер.

В завершении своего выступления «Время и бытие», прочитанного в 1962 году и как бы переворачивающего название самого известного труда мыслителя, Хайдеггер говорит о помехах, возникающих на пути мысли. В качестве одной из так помех он называет речь «в виде доклада», то есть в известном смысле дезавуирует собственные построения [Хайдеггер 1993: 406]. Как здесь не вспомнить Людвига Витгенштейна, о котором уже шла речь выше, с его парадоксами. Ряд исследователей сравнивают позднего Хайдеггера с мастерами дзен. М.Я. Корнеев отмечает схожесть ценности, которую и буддисты, и Хайдеггер придавали мгновению: «если истинное бытие и способно раскрыть себя, то это может произойти только спонтанно, естественно, в тот особый момент, когда понимаешь, что капля дождя и ты сам есть в сущности одно и то же» [Корнеев: 103].

Поздний Хайдеггер — это не столько академические дебаты, сколько неспешные «разговоры на проселочной дороге». О чем они? Например, о том, что «в отрешенности таится действие, высшее, чем все дела мира и происки рода человеческого» [Хайдеггер 1991: 114]. Живший последние десятилетия своей жизни в небольшом домике в горном Шварцвальде, Хайдеггер был очень близок к природе, предпочитая ее шумному городу. Проселок столь же близок шагам мыслящего, что и «шагам поселянина, ранним утром идущего на покос», проселочная дорога — это «вхождение-в-близость», она уводит глубоко в ночь, сияющую своими звездами, которые она «сшивает без швов» [Там же: 133]. А сама природа — это «происхождение и восхождение, это

самораскрытие... высветление того просвета, в котором вообще только и может что-то появиться», — писал Хайдеггер [Хайдеггер 2003: 119]. Сущность природы — это «святое». И человек возможен лишь постольку, поскольку это «святое», то есть природа, в нем присутствует [Там же: 125]. Представление Хайдеггера о человеке как о «пастухе бытия» тоже родом оттуда — из уединенной, почти отшельнической жизни.

В одном из своих последних интервью (которых вообще немного) мыслитель определял философию как «одну из редких форм автономного и творческого существования». Ее изначальная задача — «делать вещи более тяжелыми, более сложными» [Хайдеггер 1991: 146]. При этом в характерной для неакадемического философского мышления манере Хайдеггер заявляет, что никакой хайдеггеровской философии не существует: «Вот уже шестьдесят лет я пытаюсь понять, что такое философия, а не предлагать свою» [Там же: 154]. Кстати, на вопрос, почему он живет уединенно, философ ответил: «Потому что я работаю» [Там же: 158].

Уединенность, или отшельничество, философа вполне можно связать с уходом от академичности. Как видим, такого рода уход связан с известной маргинализацией. Однако в случае с подлинным философом его маргинальность — это не столько отход на периферию, сколько перетаскивание, перемещение на эту периферию философского дискурса своей эпохи, то есть превращение этой периферии в новый центр философского мышления. Как представляется, в случае Хайдеггера такая довольно дерзкая задача была решена вполне успешно, судя по тому вниманию, какое уделяется мыслителю в современной философии.

Николай Бердяев. Философ-изгнанник. В отличие от многих представителей русской религиозной философии начала и первой половины XX века, Н.А. Бердяев (1874—1946) практически не преподавал в учебных заведениях. Не получил он и полноценного высшего образования, будучи отчисленным с юридического факультета Киевского университета за участие в студенческих беспорядках (далее последовали арест и ссылка в Вологду). В 1920 году историко-филологический факультет Московского университета избрал Николая Бердяева профессором, но уже вскоре философа ждала высылка из советской России.

В то же время именно Бердяев основал «Вольную академию духовной культуры», просуществовавшую с 1919 года по 1922 год. «Я был ее председателем, и с моим отъездом она закрылась. Это своеобразное начинание возникло из беседований в нашем доме. Значение Вольной академии духовной культуры было в том, что в эти тяжелые годы она была, кажется, единственным местом, в котором мысль протекала свободно и ставились проблемы, стоявшие на высоте качественной культуры. Мы устраивали курсы лекций, семинары, публичные собрания с прениями» [Бердяев 1991: 237]. Отметим, что это во многом уникальный пример институционального оформления неакадемической философии для того времени.

В сентябре 1922 года Николай Бердяев вместе со многими своими единомышленниками, друзьями и видными российскими учеными был выслан из страны на так называемом «философском пароходе». Жил в Германии, затем во Франции. В эмиграции много писал и печатался. Был семь раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Этот факт также указывает на неакадемичность философии Бердяева, в частности, на ее жанровую близость к писательскому труду. В Кламаре под Парижем раз в неделю устраивались «воскресенья» с чаепитиями, на которые собирались друзья и почитатели Бердяева,

происходили беседы и обсуждения разнообразных вопросов, где «можно было говорить обо всем, высказывать мнения самые противоположные» [Ставров: 391].

В своей книге «Самопознание (опыт философской автобиографии)» Николай Бердяев писал: «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей Родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые... История не щадит человеческой личности и даже не замечает ее... Я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено» [Бердяев 1991: 9]. Он подчеркивает, что для философа это слишком много событий: «я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей Родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании» [Там же].

О своей неакадемичности Бердяев пишет без околичностей: «Я никогда не был философом академического типа и никогда не хотел, чтобы философия была отвлеченной и далекой от жизни» [Бердяев 1995: 4]. Он также отмечает, что считает себя начитанным человеком, однако источник его мысли — не книжный: «Я даже никогда не мог понять какой-либо книги иначе, как привести ее в связь со своим пережитым опытом» [Там же]. Бердяев называет философскую мысль «сложным образованием», поэтому даже в «приглаженных» философских системах обязательным образом присутствуют «противоречивые элементы». Он не верит в возможность и «желательность» философских систем [Там же: 5]. При этом выбор типа философии, по мнению Бердяева, определяется не столько интеллектом, сколько «волею и эмоцией» [Там же: 190]. Именно поэтому подлинная философия есть прежде всего искусство [Там же: 198]. «Мое философское мышление не наукообразное, не рационально-логическое, а интуитивно-жизненное», — утверждает Бердяев. По его словам, он мыслит не дискурсивно, он не столько движется к истине, сколько исходит из нее [Там же: 164].

Из такого подхода вытекают и сущностные концепты философии Николая Бердяева. Так, для философии творчества основополагающей является идея незаконченности человека как «системы бытия». Человек есть существо, «преодолевающее себя и преодолевающее мир» [Там же: 247—248]. Он чувствует в себе превышающую себя силу. Его акты творчества могут иметь свои причины, но не могут исчерпываться ими — это всегда «прорыв в детерминированной цепи» [Там же: 249]. По словам Л.Г. Зимовец, через творчество у Бердяева «опрокидывается» объективное бытие, как дурное воображение или кошмар [Зимовец: 6].

Безусловно, изгнанничество Бердяева также нашло свое отражение в его философских построениях. Например, в идее объективации, которую он считал для себя основной и которую, как он полагал, «обыкновенно плохо понимают». «Я не верю в твердость и прочность так называемого “объективного” мира, мира природы и истории. Объективной реальности не существует, это лишь иллюзия сознания, существует лишь объективация реальности, порожденная известной направленностью духа. Объективированный мир не есть подлинный реальный мир» [Бердяев 1995: 295]. Как замечает Л.Г. Зимовец, «специально и в особом смысле употребляемый Бердяевым термин “объективация” должен был, по его замыслу, противостоять понятиям “объективная реальность” и “бытие”, а также связанному с последним понятию “онтология”, и как бы снять их» [Зимовец: 8].

Н.О. Лосский в своем труде «История русской философии» подчеркивает, что общественная жизнь для Бердяева основана «в значительной мере на лживости, чем на истине» [Лосский: 309]. Глубокое недоверие к внешней или извне данной реальности, невозможность реального осуществления в ее пределах очевидным образом связано с трагическими обстоятельствами жизни мыслителя, с его судьбой человека гонимого, преследуемого, непонятого. Бердяев сам напрямую связывает свои труды с духовным опытом личного прохождения через «катастрофы нашей эпохи» [Бердяев 1995: 164]. В основе его метафизических размышлений лежит острое чувство «горькой участи человека в мире» [Там же: 165].

Своего рода безразличие к методологии, устремление к решению «последних вопросов», вера в учительское назначение философии — характерные черты неакадемизма в творчестве Бердяева. Неакадемичность философа проявляет себя и через стилистику его сочинений. «Моя манера мыслить скорее отрывочно-афористическая», — признается сам мыслитель [Там же: 164]. Исследователи его наследия констатируют, что оставшиеся после его него рукописи крайне неразборчивы — Бердяев так торопился, что не записывал слов полностью [Торчинов, Корнеев: 392]. В своих изданных работах он изъясняется рублеными, короткими предложениями, он утверждает, декларирует, но редко доказывает и обосновывает. Философ погружен в свою мысль пылко, он творит, он трансцендирует и экзистирует, по крайней мере создавая именно такое впечатление.

Стоит заметить, что в этом состоит как сила, так и слабость бердяевской манеры создания философского текста — его заявления зачастую воспринимаются как голословные, максималистские, излишне пафосные и экзотические. Монологическая тональность пророка может вызывать у вдумчивого читателя отторжение. В позе глашатая истин неизбежно обнаруживается позерство, самолюбование или самоупоение. Неслучайно книгами Бердяева, как правило, увлекаются в молодости, зрелость же предпочитает более взвешенные и выверенные размышления, лишённые излишней патетики. Хотя, безусловно, даже во взвешенном философском тексте должна прослеживаться страсть. Страстность заложена уже в самом понятии философии как «любви к мудрости».

Мераб Мамардашвили. Философ-художник и философ-учитель. Мераб Мамардашвили (1930—1990) тоже может быть спорной фигурой с точки зрения своей академичности или неакадемичности. В самом деле, начинал он как вполне системный философ советского времени, поступив в 1949 году на философский факультет МГУ, где стал одним из основателей Московского логического кружка. Под руководством Т.И. Ойзермана М.К. Мамардашвили защитил дипломную работу «Проблема исторического и логического в “Капитале” Маркса». Далее — аспирантура и защита кандидатской диссертации по теме «К критике гегелевского учения о формах познания». Отметим, что диссертация мало чем отличалась от подобных в то время в СССР и была выдержана в рамках идеологии марксизма-ленинизма. Оппонентом на защите выступал известный советский философ Э.В. Ильенков.

Однако с середины 1970-х годов и до конца жизни Мамардашвили читает курсы лекций, где, раскрывая философию Декарта, Канта, Пруста и других авторов, начинает излагать свои собственные философские идеи. Ряд таких курсов был прочитан для слушателей нефилософских специальностей (в Институте кинематографии, на Высших курсах сценаристов и режиссеров, в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР и др.). Сам философ

называл эти лекции беседами. И действительно, даже по своей стилистике они были далеки от академизма, по крайней мере в его привычном представлении. Это было своего рода «мышление вслух». Лекции пользовались большим успехом, аудитории были переполнены, причем далеко не только студентами. Сегодня многие из прочитанных курсов изданы отдельными книгами в виде расшифровок магнитофонных записей.

Как вспоминает Ю.П. Сенокосов, Мамардашвили был «великий мастер импровизации и мудрой философской беседы. Это был органичный для него жанр — устной беседы, размышления вслух, особенно в аудитории» [Конгениальность мысли...: 11]. Мамардашвили — это мыслитель, который «творил изустно, он — устно творящий человек» [Там же: 126]. Присутствие на лекциях философа сравнивают со своего рода трансом, выпадением из повседневности. «Но тем не менее организация живой речевой среды, которую создавал Мераб Константинович, предполагала понимание, она сама была понимающей средой, там все было насыщено пониманием» [Там же: 128]. Д. Макгладдизе-Суладзе вспоминала, что первое ее впечатление от лекций Мамардашвили — это глубокий шок: «Он творил, философствуя, перед моими глазами» [Там же: 235].

Согласно В. А. Подороге, Мамардашвили «ушел из старого академически структурированного пространства речи, где есть трибуна, с которой кто-то вещает» [Там же: 128]. При этом Подорога констатирует, что «понимательная вспышка» была краткосрочна, потому что при выходе из упомянутого «понимательного пространства» энергия терялась [Там же: 129].

В центре философского внимания Мамардашвили — не только философы, но и представители искусства. Как выразилась Г.Т. Маргвелашвили, «он сплошь и рядом рекуррирует литературу. У него и Бенн, и Кафка, и Пруст. Он без литературы и искусства не может. Почему? Потому что он артист. Я этим хочу сказать, что он не ученый в смысле научной плановности, научной заданности», он — «спонтанный мыслитель» [Там же: 88]. Добавим, что на артистичность Мамардашвили указывали многие современники. А еще его довольно часто сравнивали с Сократом. «Он диалогичен как философ, он сократичен. Он не кабинетный философ» [Там же]. Как замечает В. А. Подорога, Сократ не писал книг. Точно так же их (почти) не писал Мамардашвили. И оба философствовали в ситуации «полного присутствия» [Там же: 126—127].

Стройной академической системы философ не просто не создал — он категорически не стремился ее создавать. По словам Ю.П. Сенокосова, «он хотел быть живым и стремился всякий раз к обновлению терминологии, как бы заранее оберегая свою философию от догматизма. Поэтому он постоянно искал новые слова и убедительные примеры, в том числе, и в поэзии... В поэтических метафорах он видел проявление тех же самых “плодотворных”, как он их называл, “тавтологий бытия”, что и в философии» [Там же: 51]. Сам Мамардашвили говорил, что философия не представляет собой систему знаний, «которую можно передать другим и тем самым обучить их». Нет, становление философского знания — это «внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия» [Мамардашвили 1992: 14]. Выступая перед своими слушателями, Мамардашвили раскрывал глубину академических знаний и одновременно был способен претворить их «в живое начало своей философии» [Конгениальность мысли...: 50].

Философию Мамардашвили определяет по-разному, но все эти определения, безусловно, связаны между собой. Так, например, он предлагает следующую

формулировку: философия — это такое мышление о предметах, явлениях и событиях, когда они «рассматриваются под углом конечной цели истории и мироздания» [Мамардашвили 1992: 58]. Соответственно, философ работает путем «запределивания» жизненных ситуаций, то есть строит понятия, посредством которых эти ситуации «можно представить в предельно возможном виде и затем мыслить на этом пределе» [Там же: 60]. Философские проблемы становятся таковыми, «если они ставятся под луч одной проблемы — конечного смысла» [Там же]. Такой подход перекликается с высказыванием В.А. Лекторского, долгие годы работавшего главным редактором журнала «Вопросы философии», что философия — это высший способ мышления, мышление на пределе возможностей [Лекторский: 69].

Еще одно определение философии, данное Мамардашвили, звучит так: это «оформление и до предела развитие состояний с помощью всеобщих понятий, но на основе личного опыта» [Мамардашвили 1992: 15]. Или вот совсем краткая формулировка мыслителя: философия — это сознание вслух. [Там же: 33]. Также Мамардашвили определяет философию тавтологически: то, чем занимаются философы [Там же: 59]. Он отмечает, что «соотнесенность с начальным жизненным смыслом» присутствует у всех великих философов. Эта соотнесенность может затмеваться в академической традиции, которая занята «передачей традиции» и языка этой традиции [Там же]. Мыслитель разделяет «философию понятий и систем» и «реальную философию», понимая под последней «паузу недеяния» в ряду других актов, являющуюся «условием всех этих актов», но не являющейся никаким из них в отдельности [Там же: 58].

Как указывает И.А. Инюшина, «реальная философия» Мамардашвили учит тому, как мыслить, приводит к становлению собственной мысли ученика или слушателя. Мераб Мамардашвили, «как и античная пайдейя», воспитывает мыслителя, вырабатывая с помощью духовных упражнений жизненные ориентиры, ценности и идеалы [Инюшина: 19]. Исследовательница видит значение подобного философствования в том, что, с одной стороны, вопрошающему человеку предоставляются ответы на фундаментальные вопросы о бытии, с другой стороны, он научается тому, как правильно задавать эти вопросы. По ее словам, философская речь Мамардашвили не просто определяет отношение «учитель—ученик», но, рассмотренная как духовное упражнение, представляет собой способ становления личности [Там же: 17]. Как и Платон, русско-грузинский философ рассматривает воспитание личности в качестве онтологической задачи. Более того, И.А. Инюшина обнаруживает в структуре идей Мамардашвили особые техники и практики совершенствования человеческой личности, иначе говоря, духовные упражнения или протрептики [Там же: 16]. Так это или нет — вопрос дискуссионный, однако бесспорно, что Мамардашвили воспринимался многими как философ-учитель, помогающий слушателю запустить свое собственное мышление.

Согласно Мамардашвили «философом является каждый человек — в каком-то затаенном уголке своей сущности» [Мамардашвили 1992: 57]. Философия, как ее понимает Мамардашвили, никогда не была системой знаний: «Люди, желающие приобщиться к философии, должны ходить не на курс лекций по философии, а просто к философу». Необходимо индивидуальное присутствие мыслителя, слушая которого «можно и самому прийти в движение» [Там же: 15]. И Мамардашвили, и его друг-соавтор, при этом вполне самостоятельный мыслитель А.М. Пятигорский, настаивали, что нет философии без философа. «Философия — это не только то, что ты думаешь, но и то, что ты

есть», — отмечал Пятигорский [Пятигорский: 304]. По его словам, для понимания того, что такое философия, нужно начать с понимания, кто такой философ (философия есть производная от философа). Одновременно он указывал на «трансцендентальное единство философа и его философии» [Там же].

Итак, Мераб Мамардашвили — философ, отошедший от академических канонов, чтобы продемонстрировать событие мысли, свидетель которого реагирует на него активизацией своих собственных философских поисков. Это своеобразное обучение примером, ведь следуя за мыслью неизбежно начинаешь мыслить сам. Речь, конечно же, идет не о формально-логическом следовании (хотя и о нем тоже), а о внутренней, экзистенциальной заинтересованности философской проблематикой, побуждающей как ставить вопросы, так и искать ответы, причем делать это самостоятельно. Неакадемичность мыслителя выражается в отказе от системности и систематизации, в замене общепринятых академических терминов особыми языковыми конструкциями (метафорами и топосами), в использовании языка, отражающего специфику момента и понятного неспециалисту по философии, в отказе от письменного текста в пользу устной речи, равно как и в отказе от последовательности изложения (в принципе многие расшифрованные курсы лекций философа можно читать в любом порядке без потери смысла). Добавим к этому не столько задаваемый им самим, сколько идущий от аудитории образ Мамардашвили как педагога. Педагога не в том контексте, в каком говорят «мой пастырь» или «мой наставник» (лицо, дающее рекомендации и наставления), но в более масштабном смысле: педагога или учителя как того, кто, вовлекая в свое философствование, дает возможность случиться собственному философскому мышлению слушателя или читателя.

Заключение. Безусловно, неакадемическая философия не исчерпывается данными типажам или типами и воплощенными ими концептуальными вариациями. Тем не менее, их выявление способствует большему пониманию особенностей неакадемической философии, ее взаимоотношений с академическим направлением философской мысли и с другими — нефилософскими — культурными или духовными практиками.

В качестве оговорки отметим, что типологизация неакадемической философии не равна ее классификации. Статья не преследует цель «нарезать» этот феномен на доли, и выявленные типы не следуют правилу одного основания, согласно которому проводится то или иное деление. К тому же сама специфика неакадемической философии как своего рода исключения из правила (правилом в данном случае будет философия академическая) недвусмысленно указывает, что она составлена из исключений тоже. Другими словами, ее воплощения или кристаллизации могут носить разнопорядковый характер, заведомо не соответствующий формально-логическим критериям. Тем не менее, выявление этих воплощений открывает возможность для последующих исследовательских шагов.

Так, личностно-персоналистическая репрезентация пяти философов неакадемического направления XX века позволяет выявить как точки расхождения, так и точки схождения академической и неакадемической философии, ведь, как уже было отмечено, данное разделение не носит абсолютного характера. Кроме того, как представляется, она способствует лучшему пониманию философии как таковой, ее происхождения и неизбежности ее присутствия в человеческой истории и культуре.

Важной сближающей особенностью всех рассмотренных персон и типажей неакадемической философии является их формально маргинальный статус. И нонконформист, и бунтарь, и отшельник, и изгнанник, и артист — все эти определения, примененные по отношению к философу, помещают его в пограничную или приграничную культурную нишу, в своего рода зону риска, в экспериментальное поле. По-видимому, это и есть местообитание или местообитование неакадемической философии. Соответственно, можно сделать предположение относительно ее роли с точки зрения вклада в культурную и общественную динамику. Возможно, эта роль или функция состоит прежде всего в том, чтобы переосмыслять устоявшиеся подходы, апробировать новации, а также сберечь то, что оказалось незаслуженно отброшенным или забытым в главенствующем дискурсе.

Как представляется, неакадемическая философия как социокультурный феномен заслуживает куда более пристального внимания, нежели ей уделяется в научной литературе. Она терпеливо ждет своих исследователей, и настоящая работа является одним из шагов в этом направлении.

Список источников

- Бердяев Н.А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). М., 1991, 446 с.
 Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995, 383 с.
 Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 415 с.
 Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991, 192 с.
 Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
 Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб.: Академический проспект, 2003. 320 с.

Список литературы / References

- Бибихин В.В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 3—4.
 (Bibikhin V.V. The Heidegger Affair, *Heidegger M. Time and being: Articles and speeches*, Moscow, 1993, pp. 3—4. — In Russ.)
- Зимовец Л.Г. «Объективация» и «экзистирование» как основа методологии Н.А. Бердяева // Общественные науки. 2011. № 3. С. 5—8.
 (Zimovets L.G. “Objectification” and “existence” as the basis of N.A. Berdyaev’s methodology, *Social science*, 2011, no. 3, pp. 5—8. — In Russ.)
- Инюшина И.А. Философия сознания М.К. Мамардашвили как духовное упражнение: пайдейя и протрептика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5. С. 15—19.
 (Iniushina I.A. Philosophy of consciousness of M.K. Mamardashvili as a spiritual exercise: paideia and protreptica, *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2014, no. 5. pp. 15—19. — In Russ.)
- Лекторский В.А. «Философия — это мышление на пределе возможностей» // Дискурс-Пи. 2004. № 1. С. 65—72.
 (Lektorskii V.A. “Philosophy is thinking at the limit of possibilities”, *Discourse-P*, 2004, no. 1, pp. 65—72. — In Russ.)
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
 (Losskii N.O. History of Russian philosophy, Moscow, 1991, 559 p. — In Russ.)
- Конгениальность мысли: о философе Мерабе Мамардашвили / ред.-сост. В.А. Кругликов. М.: Прогресс: Культура, 1994. 237 с.
 Congeniality of thought: about the philosopher Merab Mamardashvili, Moscow, 1994, 237 p. — In Russ.)

Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
(Piatigorskii A.M. Selected Works, Moscow, 1996, 590 p. — In Russ.)

Ставров П. Воскресенья в Кламаре // Бердяев Н.А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 390—394.
(Stavrov P. Sundays in Clamart, *Berdiaev N.A. Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)*, Moscow, 1991, pp. 390—394. — In Russ.)

Торчинов Е.А., Корнеев М.Я. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 324 с.
(Torchinov E.A., Korneev M.I. Heidegger and Eastern Philosophy: The Search for Complementarity of Cultures, St. Petersburg, 2001, 324 p. — In Russ.)

NON-ACADEMIC PHILOSOPHY: PERSONALISTIC REPRESENTATION (XX CENTURY). Part 2

Roman V. Shorin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, romanshorin@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify the specificity of non-academic philosophy through the representation of five philosophers of the non-academic trend of the 20th century. At the same time, the goal is to identify conceptual variations of non-academic philosophy, to take a step towards its typology. In addition, the experience of personal or personalistic comprehension, according to the author, contributes to a better understanding of the role and significance of non-academic philosophy as a whole as a socio-cultural phenomenon. The five individuals under consideration (Ludwig Wittgenstein, Albert Camus, Martin Heidegger, Nikolai Berdiaev and Merab Mamardashvili) are defined as the embodiments of five characteristic types of non-academic philosophizing — a nonconformist philosopher, a rebel philosopher, a hermit philosopher, an exiled philosopher and a philosopher-artist (orator, teacher). Of course, non-academic philosophy is not limited to these types, but their consideration allows us to generally identify the specifics of the phenomenon under consideration and substantiate its very presence in social and cultural spaces, as well as its significant influence on social and cultural processes. At the same time, it is emphasized that the division of philosophy into academic and non-academic is not absolute. In addition, the author concludes that a more in-depth study of non-academic philosophy as a significant socio-cultural phenomenon, which has not received enough scientific attention so far, is relevant and in demand.

Keywords: philosophy, non-academic philosophy, academic philosophy, socio-cultural phenomenon, typologization, representation

For citation: Shorin R.V. Non-academic philosophy: Personalistic representation (XX century). Part 2, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 181—190.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 02.02.2025.

The article was submitted 24.12.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 02.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Шорин Роман Владимирович — аспирант кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, romanshorin@mail.ru

Shorin Roman Vladimirovich — postgraduate student of the Philosophy Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, romanshorin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 191—197.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss 3. P. 191—197.

Научная статья
УДК 1:165:316.4:004
EDN <https://elibrary.ru/zmskfw>
DOI: 10.46726/И.2025.3.21

ЭРА РОБОТОВ ИЛИ ЭРА ЧЕЛОВЕКА? (ОПЫТ ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ)

Мерине Акоповна Меликян, Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
melikyanma@ivanovo.ac.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья представляет собой опыт рефлексии над книгой Генриха Волкова «Эра роботов или эра человека?». Через призму современной цифровой культуры и цивилизации рассматриваются проблемы свободы и (не)совершенства. Предложен компаративный анализ парадигм техницизма и технологического оптимизма. Проанализированы проблемные точки футурологии человека, зафиксированные 60 лет назад. Выявлены базовые противоречия, связанные с развитием искусственного интеллекта, обозначившие себя еще в прошлом веке. Критически рассмотрен «машинный» императив общества нового технологического уклада. Сделан вывод о необходимости выхода (вывода) современного человека из цифрового рабства как состояния подчинения цифровому бытию.

Ключевые слова: кибернетика, думающие машины, искусственный интеллект, естественный разум, эра роботов, эра человека, (не)совершенство, ноосферные исследования, цифровое рабство, цифровой этос

Для цитирования: Меликян М.А., Смирнов Д.Г. Эра роботов или эра человека? (опыт онто-гносеологической рефлексии) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 191—197.

Вместо введения. Работа с памятью — особенно памятью культуры — специфическая черта собственно философского сознания и мышления. В этом ключе «философское памятование» отличается от воспоминаний о прошлом историков, филологов, социологов, психологов, да и самих культурологов, ибо обращает внимание на формы семиотического детерминизма сознания.

Предметным поводом для статьи стала (не)случайно попавшаяся на глаза книга советского философа, ученого, как сейчас принято говорить — популяризатора науки — Генриха Николаевича Волкова (1933—1993) «Эра роботов или эра человека?» [Волков]¹. Изданная в далеком 1965 году, она позволяет оценить масштаб и динамику опережающего отражения культуры в сфере, ставшей (спустя 60 лет) краеугольным камнем современной глобальной цивилизации [Ярков].

Позволим себе поместить «опережающие» размышления автора² в пространство ноосферных исследований — философии сознания и ноосферы, —

© Меликян М.А., Смирнов Д.Г., 2025

¹ Примечательно, что ивановская философская мысль одной из первых в СССР обозначила искусственный интеллект как потенциально критическую технологию для страны и мира [Ровенский, Уемов, Уемова]. К такому выводу подталкивают последние исследования сферы искусственного интеллекта в СССР [Резаев, Стариков, Иванова].

² Фокус внимания будет сосредоточен на собственно философских идеях автора; идеологическая подоплека работы, которая, безусловно, играет существенную роль, будет оставлена за рамками анализа на сколько это возможно.

для которых «антиномия» естественного разума и искусственного интеллекта оказывается системообразующей [Smirnov G., Smirnov D.]. Ноосферность книги Г.Н. Волкова задается пониманием автором (в унисон с мыслями академика В.И. Вернадского) истинно человеческого в человеке: «его духовные творческие силы безграничны, его интеллектуальная творческая мощь не знает соперничества с другими силами природы» [Волков: 89]. Автоматизация как «физическое» измерение искусственного интеллекта обозначает претензию последнего на «человеческий» статус, когда «технике передаются не только функции физического труда, но и функции умственного труда» [Там же: 17—18].

Логико-семиотические замечания. «Эра роботов или эра человека?» — экзистенциальный вопрос современности, которых XX век незримо задает веку XXI. В диалектической логике Г.Н. Волкова это отправная точка размышлений, трансформирующаяся в итоге в суждение, истинность или ложность которого читатель способен оценить самостоятельно.

Обращает на себя внимание сама постановка вопроса, где на первом месте оказывается «эра роботов»³. Семиотически это выдает философскую обеспокоенность новым этапом социальной эволюции, который в рамках мировоззрения техницизма неизбежно положит конец «эре человека». В дизъюнкции (забегая вперед, оказавшейся строгой), которая использована в вопросе, ощущается экзистенциальная контрадикторность.

Несмотря на отсутствие релевантной терминологии, означаемое искусственного интеллекта имплицитно присутствует в тексте: «не только техника дополняет и удлиняет несовершенные человеческие органы в процессе труда, но и сам человек в известной мере дополняет орудия своими руками, энергией, нервной системой, мозгом» [Там же: 16]. Иными словами, человек дополняет машины, роботов своими исконными интеллектуальными системами, фактически делая их думающими.

Проблема (не)совершенства. Взгляд автора на проблему можно обозначить как бинарный. Он работает с парными категориями «человек / техника», «человек / машина», «человек / робот», «естественное / искусственное». Примечательно, что в основании всех этих противопоставлений лежит проблема (не)совершенства, фиксируемая в паре «совершенное / несовершенное».

В XX веке эта проблема принимает форму соотношения естественного несовершенного человека и искусственной совершенной машины⁴. Автор отмечает, что «кибернетические машины восполняют несовершенство человеческого мозга в таких функциях, как запоминание, счет, решение разного рода сложных задач» [Там же: 15]. Алармистский пафос книги Г.Н. Волкова становится понятен именно в этом аспекте. Логика такой постановки проблемы позволяет заключить, что это «восполнение несовершенства» может коснуться не только операциональности человека, но и его в целом как несовершенства. (Не случайно, наверное, у автора появляется представление об «интеллектуальном двойнике».)

³ Г.Н. Волков не использует термин «искусственный интеллект» (прибегая к синонимичному, на наш взгляд, словосочетанию «искусственный мозг»), хотя к этому времени тот уже вошел в научный оборот американской кибернетики. Интересно в этом контексте замечание автора об «интеллектуальном двойнике», как он называет «думающую машину» [Волков: 56].

⁴ В XXI веке это соотношение конкретизируется и трансформируется в пару естественный разум и искусственный интеллект. При этом момент (не)совершенства оказывается определяющим в этом соперничестве.

Футурология человека. Будущее человека и человечества Г.Н. Волков связывает с выбором одной из двух стратегий развития — стратегии возможности и стратегии потребности.

Из двух стратегий автор отдает предпочтение второй: «из всего необъятного моря возможностей общество отбирает те, которые считает необходимыми»; «на практике границы возможного и невозможного всегда определяются целями и потребностями общественного развития» [Там же: 58].

Г.Н. Волков не видит необходимости в создании «полноценных кибернетических людей будущего»: «дать человеку искусственную копию мозга (пусть даже более совершенную, чем его собственный мозг) — значит примерно то же самое, что предложить ему пользоваться вместо автомобиля еще одной парой ног» [Там же: 56]⁵. Для него отношение машины (копии мозга) и мозга человека — это с необходимостью отношение дополнительности.

Эта дополнительность напрямую связана с дискурсом специализации, к которому многократно возвращается в своих размышлениях Г.Н. Волков. Машина, согласно автору — это специализированная система: «общественное назначение, “призвание” кибернетических устройств именно в том и состоит, что они способны лучше, точнее, быстрее выполнять ту или иную *изолированную операцию*» [Волков: 56]. Человек же по своей природе принципиально не специализирован, ибо ситуация (ультра)специализации, как убедительно показывает П. Тейяр де Шарден, ведет к гибели человека (как биологического вида): операциональная «специализация парализует, а ультраспециализация убивает» [Тейяр: 132].

В нашей логике размышлений искусственный интеллект должен выступать в роли защитника естественного разума, избавляя его от «производственной необходимости» (ультра)специализации. «Автоматизация, которая не только заменяет трудовые функции человека, но и порождает новые функции, всем ходом своего развития впервые переносит центр тяжести в человеческой деятельности с труда физического на труд умственный, с деятельности механической, “технической” — на творческую» [Волков: 89—90]. Так возникают предпосылки к тому, что можно применительно к современному глобальному обществу обозначить как цифровое разделение труда.

Техницизм и технооптимизм. Кибернетические раздумья Г.Н. Волкова пронизаны критикой мировоззренческих оснований техницизма как определявшего в середине прошлого века содержание сознания культурной элиты.

Автор фиксирует внимание на следующих характерных для техницизма моментах. Во-первых, это «фетишизация» техники. Во-вторых, это релевантная фразеология. В-третьих, это «приукрашивание существующей действительности» [Там же: 152]⁶. Речь идет о поклонении технике, ее конкретным предметным воплощениям (в современной терминологии — гаджетам), что, в конечном счете, превращает человека в раба (общества) машин⁷. Фразеологический плен,

⁵ Здесь приходит на ум аналогия с народной мудростью — «одна голова хорошо, а две лучше». На это, наверное, и намекает автор, ибо в пословице идет речь о двух разных головах, а копии одного и того же мозга не решают проблемы.

⁶ Мы позволили себе «очистить» мысли автора от категориальных атрибутов идеологического противостояния капиталистической и коммунистической парадигм, при этом сохранив квинтэссенцию авторской позиции.

⁷ Здесь Г.Н. Волков цитирует статью Н.А. Бердяева «Человек и машина» [Бердяев]. Эта метафора активно используется и в современном научном дискурсе [Пивень].

в котором пребывает современное цифровизированное человечество, опасен по хайдеггеровской причине — «язык — дом бытия». Отсюда возникает и «приукрашивание действительности», принимающая формы «головокружения от успехов», значимость которых, на самом деле, определяется лишь в рамках больших временных периодов и не в количественном, а, в том числе, и качественном форматах.

Оказывается, что современный технооптимизм связан с мировоззрением техницизма, ибо порождает сходные государственные и общественные следствия. В погоне за совершенством искусственного интеллекта забывается о совершенствовании человека и его естественного разума. Принцип подобия, лежащий в основании искусственного интеллекта, который предполагает его создание по образу и подобию человека, его сознания и мышления, оказался инверсирован: теперь ИИ становится эталоном мышления и поведения для человека.

«Машинный» императив. Подобная логика и релевантные мировоззренческие установки вызывают к жизни странные императивы мышления и поведения, которые вполне могут рассматриваться и как социальные аттракторы развития. Вещность при капитализме (как и при современном технологическом укладе, если не уподоблять его капитализму) «является не только *средством* существования ... но и целью существования как отдельного человека, так и общества в целом» [Там же: 92]. Фактически, речь идет о трансформации человеческого (кантовского) императива, суть которого может быть выражена как «человек — не средство, а цель», в «машинный» императив, где риторика оказывается совершенно иной: «машина — не средство, а цель». Занимательно, что в этой уже бинарной системе логика подводит нас к выводу, что если место цели занимает уже не человек, а машина, то человеку остается только роль средства. И отношение к нему (в том числе в процессе производства) сравнимо с отношением к средству производства.

Очевидно, что апология кантовского миропонимания оказывается насущной необходимостью. В логике его императива — «относить к другому как к цели, но ни как к средству» — отношение к искусственному интеллекту возможно только в формуле «относись к ИИ только как к средству, и никогда как к цели».

«Свобода рабства». Именно эта формула и проистекающие из нее модели мышления и поведения способны освободить человека, который так долго искал свободу в различных ее проявлениях, что, найдя, неожиданно для себя ее потерял. Г.Н. Волков рассматривает эту проблематику через призму представлений о свободном (социальном) времени. «Свободное время — необходимое условие свободы, ее мера и пространство, но, однако, еще не сама свобода. Ведь свобода — это не только освобождение, но и наполнение новым содержанием» [Там же: 121].

Получив в XX веке невиданное доселе свободное время, сохранив его в рамках актуального технологического уклада, человек постепенно, медленно, но верно выхолащивает его содержание. Цифровизация интенсивно выдавливает прежние — аналоговые — антропологические практики, превращая разнообразный этос прошлого века в унифицированное ожидаемое поведение тотального потребителя. В пору вести речь о цифровом этосе [Сунами]. В этом ключе книга Г.Н. Волкова — это труд, касающийся сферы ноосферной безопасности [Смирнов], где во главу угла поставлено соотношение Машины и Человека.

Вместо заключения. Не следует рассматривать настоящие размышления как своеобразный «гимн технопессимизма». Думается, что глубинными регулятивами отечественных ноосферных исследований остаются философский

реализм, связанный с определенной ролью человека «как функции биосферы», новый антропоцентризм, основанный на представлении о концептуальном значении человеческого качества, и новый (в том числе и цифровой) гуманизм, переосмысливающий кантовский императив.

Строгая дизъюнкция в суждении «эра роботов или эра человека» (с ложностью первой части и истинностью второй), свойственная Г.Н. Волкову, спустя 60 лет, минуя мягкую дизъюнкцию (допускающую «равноправие» ее составляющих), перетекает в конъюнктивно-импlicative формулу «эра человека и эра роботов». Ныне популярные вариации этой формулы — «от эры человека к эре роботов», «если эра человека, то эра роботов» — свидетельствуют о росте сторонников глобального технооптимизма⁸. Вместе с тем, с позиции философского реализма «думающие машины» (как иронично именует искусственный интеллект Г.Н. Волков) могут быть следствием лишь думающих людей.

Реалии ноосферного развития проявляют себя в ситуации столкновения двух цивилизационных установок — установки на возможности и установки на потребности. Насущной потребностью современности оказывается необходимость выхода человека от «цифрового рабства»: «переставая быть одушевленной частью технической системы, элементом совокупного (вещно-личного) рабочего механизма, человек получает невиданные раньше возможности для управления как этой технической системой, так и процессом преобразования природы в целом» [Волков: 89].

Список литературы / References

- Волков Г.Н. Эра роботов или эра человека? (Социологические проблемы развития техники). М.: Политическая литература, 1965. 159 с.
(Volkov G.N. Era of robots or era of human? (Sociological problems of the development of technology), Moscow, 1965, 159 p. — In Russ.)
- Бердяев Н.А. Человек и машина // Путь. 1933. № 38. С. 3—37.
(Berdyayev N.A. Man and machine, *The Way*, 1933, no. 38, pp. 3—37. — In Russ.)
- Пивень П.В. Цифровое рабство или Электронный рай? // Век глобализации. 2018. № 4 (28). С. 107—113.
(Piven P.V. Digital slavery or electronic paradise?, *Age of Globalization*, 2018, no. 4 (28), pp. 107—113. — In Russ.)
- Резаев А.В., Стариков В.С., Иванова А.А. История искусственного интеллекта в СССР: институциональный контекст, вклад и значение работ ученых для современной науки // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 4. С. 39—55.
(Rezaev A.V., Starikov V.S., Ivanova A.A. History of artificial intelligence in the USSR: institutional context, contribution and significance of scientists' works for modern science, *Sociology of Science and Technology*, 2024, vol. 15, no. 4, pp. 39—55. — In Russ.)
- Ровенский З.И., Уемов А.И., Уемова Е.А. Машина и мысль (философский очерк о кибернетике). М.: Госполитиздат, 1960. 143 с.
(Rovensky Z.I., Uemov A.I., Uemova E.A. Machine and thought (philosophical essay on cybernetics), Moscow, 1960, 143 p. — In Russ.)

⁸ Следует, наверное, вести речь и о радикальном технооптимизме, который, по аналогии с известной фразой американского генерала Филиппа Шеридана, можно выразить в тезисе «хороший человек — это искусственный интеллект» (в смысле «хороший homo sapiens — мертвый (в сознательном плане) homo sapiens»). Можно и усилить этот тезис, доведя его до формулы «хороший естественный (иногда говорят натуральный) разум — это искусственный интеллект».

- Смирнов Д.Г. Этика ноосферной безопасности: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 135—142.
(Smirnov D.G. Ethics of noospheric security: towards the formulation of the problem, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2021, no. 4, pp. 135—142. — In Russ.)
- Сунами А.Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, вып. 3. С. 544—556.
(Sunami A. N. Ethics of “digital society”: new conflict or new balance, *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, iss. 3, pp. 544—556. — In Russ.)
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
(Teilhard de Chardin P. The phenomenon of man, Moscow, 1987, 240 p. — In Russ.)
- Шнайдер С. Искусственный ты: машинный интеллект и будущее нашего разума. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 246 с.
(Schneider S. Artificial You: machine intelligence and the future of our minds, Moscow, 2022, 246 p. — In Russ.)
- Ярков А.П. Искусственный интеллект, вызов цивилизации // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 101—104.
(Yarkov A.P. Artificial intelligence, a challenge to civilization, *Russian Political Science*, 2022, no. 1 (22), pp. 101—104. — In Russ.)
- Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

ERA OF ROBOTS OR ERA OF HUMAN? (CASE OF ONTO-GNOSEOLOGICAL REFLECTION)

Merine A. Melikyan, Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
melikyanma@ivanovo.ac.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article is an experience of reflection on the book by Genrikh Volkov “The Age of Robots or the Age of Man?”. The problems of freedom and im/perfection are considered through the prism of modern digital culture and civilization. A comparative analysis of the paradigms of technicism and technological optimism is offered. Problem points of human futurology, recorded 60 years ago, are analyzed. The basic contradictions associated with the development of artificial intelligence, identified as early as the last century, are revealed. The “machine” imperative of the society of the new technological order is critically considered. The author comes to the conclusion that there certainly is a need to steer a modern man away from digital slavery as a state of subordination to digital existence.

Keywords: cybernetics, thinking machines, artificial intelligence, natural intelligence, robot era, human era, (imperfection), noospheric studies, digital slavery, digital ethos

For citation: Melikyan M.A., Smirnov D.G. Era of robots or era of human? (case of onto-gnoseological reflection), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 191—197.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторах / Information about authors

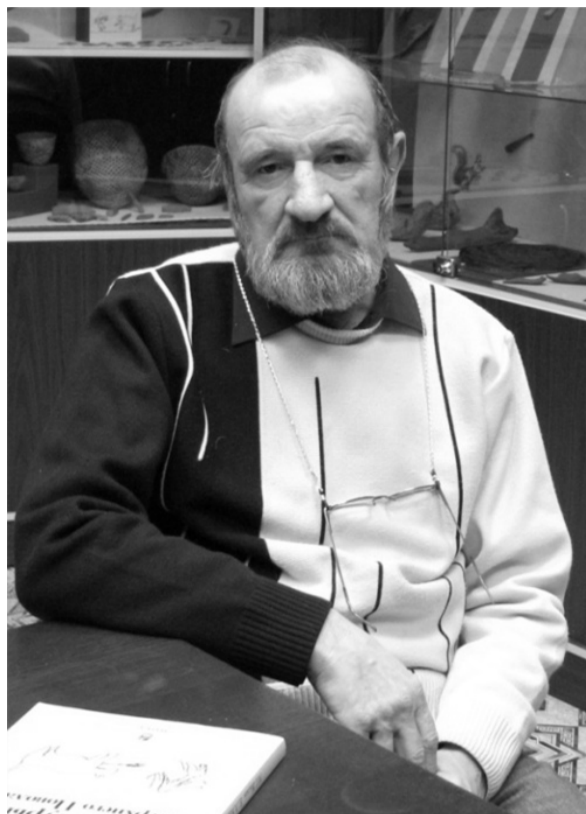
Меликян Мерине Акоповна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, melikyanma@ivanovo.ac.ru, SPIN: 4848-7140

Melikyan Merine Akopovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru, SPIN: 4973-7227

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

**ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВИТАЛЬЕВИЧА УТКИНА
(01.10.1955 — 26.05.2025)**

26 мая 2025 г. завершился жизненный путь Александра Витальевича Уткина — выдающегося археолога, большую часть жизни посвятившего изучению древностей лесной зоны Восточной Европы.

А.В. Уткин родился в 1955 году в г. Кинешма Ивановской области, а детские годы его прошли в Заволжском районе. В 1973 г. после окончания школы он поступил на исторический факультет Ивановского государственного педагогического института (с 1974 — университет). Археологическая практика после первого курса, проходившая в Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Д.А. Крайнова на раскопках стоянки Сахтыш VIII в Тейковском районе Ивановской области, определила его дальнейшую судьбу.

Завершив в 1978 г. обучение на историческом факультете и отслужив положенный срок в армии, он связал свою последующую профессиональную деятельность с музейной археологией, с охраной памятников истории и культуры, с полевой работой в составе Верхневолжской и других экспедиций. В 1980—1983 гг. он работал в Переславль-Залесском музее Ярославской области, где занимался обработкой археологических

коллекций, добытых в ходе разведок и раскопок на Ивановском торфянике в Переславском районе. Затем, переехав в Иваново, работал в Производственной группе по охране памятников истории и культуры при Управлении культуры Ивановской области сначала в должности инженера, а затем, с 1988 по 2004 г., и её руководителя. В эти годы им проводилась большая работа по организации процесса реставрации памятников архитектуры и созданию «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России» по Ивановской области.

Вся последующая деятельность А.В. Уткина была связана с Ивановским государственным университетом. В 2004—2006 гг. в составе археологической экспедиции ИвГУ он проводил разведки и охранные раскопки памятников археологии по трассам магистральных нефтегазопроводов «Починки—Грязовец», «Уренгой—Помары—Ужгород», а также других значимых хозяйственных объектов. С 2006 по 2019 г. он продолжал работу в археологическом музее университета. Свою основную задачу Александр Витальевич видел в обработке и введении в научный оборот огромных коллекций артефактов, полученных в ходе многолетних раскопок Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН) и археологической экспедиции ИвГУ. Из 105 статей и монографий (в том числе в соавторстве), опубликованных им за годы работы в университете, 54 были основаны на материалах коллекций, хранящихся в археологическом музее университета, а также освещающих результаты работ названных экспедиций в Ивановской и Ярославской областях. Значительная их часть публиковалась в «Вестнике Ивановского государственного университета», а также в ведущих изданиях Санкт-Петербурга, Москвы, Твери, Самары, Ярославля, Донецка и др.

Не оставил он свои научные изыскания, даже будучи уже тяжело больным. Всего за годы работы в области археологии А.В. Уткиным было опубликовано более 200 научных работ. Александр Витальевич, как и его учитель Д.А. Крайнов, был археологом-универсалом. Хронологический диапазон его исследований по археологии был весьма широк — от палеолита до нового времени включительно. К сожалению, болезнь и её последствия не дали возможность этому незаурядному человеку и талантливому археологу полностью реализовать свой научный потенциал. Очень хорошо написала в своём комментарии к сообщению в социальной сети «ВКонтакте» об уходе Александра Витальевича «на свидание с вечностью» его однокурсница, а ныне профессор Ивановского государственного энергетического университета Г.А. Будник: «Опустела без него — скромного, интеллигентного человека, талантливого учёного, верного друга наша земля... Память о нём светла».

*В.А. Аверин, А.В. Аверина,
ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция»;
Е.Л. Костылёва,
Ивановский государственный университет*

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2025. Вып. 3

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреенова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андрееновой*

Дата размещения на сайте 26.09.2025 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 15,5. 5,3 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год